

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2

1930

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Приходится с несомненностью установить, что буржуазная экономическая наука полностью обанкротилась в оценке современного экономического положения: для нее разразившийся кризис в капиталистических странах был непредвиденной неожиданностью. Буквально перед самым кризисом как американская, так и европейская буржуазная печать оценивала положение в самых розовых красках. Правда, в последней дискуссии по докладу Вернера Зомбарта Шульце-Геверниц прямо заявил, что экономическая наука не может предвидеть общественного развития.

„Я полагаю,—сказал он,—что, пытаясь создать науку о будущем, мы стоим на скользком пути, ведущем к Карлу Марксу, именно в том пункте, в котором Вебер, Brentano, Шмоллер и последователи германской классической философии вынуждены были отклонить Маркса, а именно на пути к науке о сущности будущего, называя ли последнее капитализмом, развитым капитализмом, поздним капитализмом или социализмом“¹.

Но это признание крайне характерно, так как по существу оно является распиской в беспомощности методологии буржуазной экономической науки, беспомощности ее в установлении законосообразностей экономического развития. Воспевая хвалу исторической школе, Шульце-Геверниц остается лишь на почве регистрации событий, а не определения закономерностей и перспектив их развития.

Неспособность предвидеть и определить экономическое развитие особенно ярко выявилась в известных монументальных трудах комитета Гувера. Исследование изменений в экономике САСШ, начатое в январе 1928 г., было закончено в феврале 1929 г. В этой работе принял участие весь цвет буржуазной экономической науки САСШ. Одним только перечнем фамилий лиц, принявших участие и содействовавших в этом труде, занято несколько страниц. На основании этих докладов были сделаны выводы, восхваляющие достижения американского капитализма. „Наше положение благоприятно, быстрота нашего движения изумительна“—вот заключительные строки отчета комитета Гувера. А уже в сентябре, октябре и ноябре САСШ содрогнулись от небывалого кризиса, и неблагоприятная буржуазная пресса начала высмеивать оптимизм гуверовского комитета.

И тем не менее, собранные гуверовским комитетом материалы являются ценнейшими для понимания современного развития наибо-

¹ „Буржуазные ученые о закате капитализма“, М.—Л. 1929, с. 53.

лсе мощной капиталистической державы. Целый ряд данных, имеющих в этих материалах, ярко свидетельствовал об обостряющихся противоречиях и о надвигающемся кризисе, но их не видели и не понимали те, кто подходил к анализу этих данных с точки зрения капиталистического процветания. Рост производства, рост торговли означали, по существу, обострение конкуренции, обострение противоречий, означали воспроизводство этих противоречий на более расширенном базисе. XV Съезд ВКП(б) отмечал, что именно на этой основе вырастает новый кризис мирового капитализма. Вот что по этому поводу говорил т. Сталин в своем отчете на XV Съезде партии: „Наоборот, из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время, как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными, — именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации“.

В июле 1929 г. X пленум ИККИ отметил, что все более и более подтверждается правильность данной VI Конгрессом оценки третьего периода послевоенного капитализма, как периода нарастания общего кризиса, ускорения обострения внешних и внутренних противоречий империализма, ведущих с неизбежностью к империалистическим войнам, к обострению классовой борьбы и к революционному подъему в основных капиталистических странах, к развертыванию антиимпериалистических революций в колониальных странах. События экономического развития полностью подтвердили этот прогноз, сделанный на основе анализа экономических данных с помощью марксистско-ленинской теории.

Буржуазия и ее наука не только не предвидели кризиса, но и не понимали и не понимают причин, вызвавших его. Поэтому в настоящее время те мероприятия и та политика, к которой прибегает капиталистический мир, заключаются или в мероприятиях, направленных на ослабление проявлений кризиса, или же, когда с течением времени выясняется ничтожность этих мероприятий, то перед заправилками капиталистического мира начинает вырисовываться все с большей определенностью, все с большей резкостью курс на войну, с помощью которой они предполагают выйти из тупика, с помощью которой они полагают разрубить те противоречия, в какие попал капиталистический мир.

Экономический кризис начался с краха на бирже. Это заставило правительство Гувера думать, что достаточно организовать контр-наступление на бирже путем скупки бумаг, урегулирования учетного процента и т. п., чтобы поправить дело. Но ближайшие же дни показали, что причины кризиса кроются значительно глубже. Началось резкое сокращение в области производства и в области обращения. По ряду основных производств падение достигло наинижайшей точки за последнее десятилетие. Обесценение акций, обращающихся на нью-йоркской бирже, за один октябрь достигло 15,3 миллиардов долларов. Падение промышленного производства по данным „Анналиста“ к январю 1930 г. выразилось почти в 20%. Все это привело к необычайному росту безработицы, — количество безработных выросло до 6 миллионов человек.

Мы уже говорили выше, что материалы комитета Гувера дают картину нарастания противоречий в экономике САСШ. С 1922 г. добывающая промышленность САСШ выростала на $2\frac{1}{2}\%$ в год, обрабатывающая — на 4% , транспорт — на 4% . Вся продукция с 1919 г. выросла на $46,5\%$. Но недельная ставка заработной платы за этот же период поднялась всего лишь на $1,04\%$. Относительная покупательная сила фермерской продукции, равнявшаяся в 1919 г. 102, в 1927 г. равнялась всего лишь 85. Положение фермеров было таково, что комитет Гувера должен был заявить, что фермеры, живущие на так называемых „фермах низшей категории“, каковых примерно 50% , должны пополнять свои средства отхожими заработками. „Сама по себе ферма не может содержать семью“².

При этом нужно заметить, что на рынке сбыта начала сказываться конкуренция ряда других стран. Поэтому, когда председатель нью-йоркской фондовой биржи Симонс, анализируя причины биржевого краха в Америке, заявляет, что „беспримерный выпуск новых акций, выброшенных на рынок в течение сентября и октября, экономические затруднения за границей в первые месяцы 1929 г., недостаток равновесия между куплей и продажей, перепроизводство промышленных товаров являются главными причинами, вызвавшими биржевой крах прошлой осенью“³, — то тем самым он обнаруживает непонимание основных причин кризиса, лежащих во всей структуре капиталистических отношений.

Экономический кризис не мог ограничиться САСШ, он превратился в кризис большинства капиталистических стран. Те же явления падения ценностей, массовых банкротств, падения производства, закупорка в области обращения, рост безработицы, обострение классовых противоречий захватили все капиталистические страны Европы и дотактываются до колониальных и полуколониальных стран. Вот, что мы находим в последнем экономическом бюллетене крупнейшего Германского банка „Deutsche Bank-und Discoutogesellschaft“.

„Суждение о теперешнем положении экономики Германии столь же определено, сколь определены симптомы. Окончательный переход к состоянию тяжелой депрессии. Это означает почти трагическое стечение обстоятельств, что достижение самой низкой точки конъюнктурной кривой совпадает с наступлением критического состояния в положении государственных финансов“⁴.

Еще к более мрачным выводам приходит германский союз предпринимательских организаций в своем отчете за 1927—29 гг.

„Оглядываясь назад, можно теперь иметь вполне обоснованное сомнение относительно того, — не производилась ли рационализация слишком быстрым темпом и в слишком больших размерах, принимая во внимание недостачу капиталов и избыток рабочей силы в нашей стране. В какой степени мы грешили по отношению ко всему экономическому организму нашей страны, показывают все растущие размеры ликвидации мелких и средних предприятий в промышленности и торговле, а также процесс вымирания, которому подвержены значительные части нашего сельского хозяйства и который едва ли является лишь наблю-

² „Новейшие изменения в экономике САСШ“, Т. I, М.—Л. 1930, с. 123.

³ См. „World“ от 26 января 1930 г.

⁴ „Deutsche Bank-und Discoutogesellschaft“, — „Wirtschaftliche Mitteilungen“ № 4 от 5 марта 1930 г.

даемым во всем мире последствием войны. И в данном случае мы имеем, вместо необходимого для высоко развитой индустриальной страны цветущего сельского хозяйства, тяжелое заболевание этого важного звена народного хозяйства“⁵.

Наконец, передовая „Wirtschaftsdienst“ от 14 марта 1930 г. говорит, что „развертывается продолжительная полоса депрессии, которая будет прерываться кратковременными подъемами конъюнктуры преимущественно местного характера, в общем же период характеризуется падением цен, сильным перепроизводством, чрезмерной безработицей и неудовлетворительной рентабельностью предприятий“.

Безработица в Германии достигла совершенно небывалых размеров — 3 $\frac{1}{2}$ млн. безработных, что может служить лучшей иллюстрацией положения в этой стране.

В Англии положение таково, что серьезнейший английский экономический журнал „Economist“ заявляет, что „в настоящее время Англия неотложно нуждается в трех вещах: в мужестве, мистицизме и решимости“⁶.

В том же журнале мы находим следующее заявление:

„Если судить о состоянии промышленности по текущим отчетам, то будет ясно, что новый год начался плохо. Не надо придавать слишком большого значения январскому обороту внешней торговли (как было отмечено в предыдущем отчете „Экономиста“, январь 1929 г. был необычайно хорошим месяцем), но надо помнить, что упорная тенденция к снижению товарных цен, дальнейшее увеличение безработицы, тот факт, что наилучшие цифровые данные продукции тяжелой индустрии за январь не были уравновешены получением новых заказов и, наконец, широко распространенное недоверие в промышленных кругах, — все это порождает множество доказательств, пренебрегать которыми невозможно. К несчастью, имеется веский довод в пользу того, что снижение торговли в Англии частично является отражением общего мирового кризиса... Несчастьем было то, что крах, после которого в довершение всего развилась неслыханная спекуляция, должен был случиться именно в то время, когда мировой рынок имел слишком большие запасы промышленных товаров. Таким образом, крах должен был оказать пагубное влияние на продукцию промышленности и на количество рабочих, занятых в последней. Необходимо признать, что крах фондовой биржи был наиболее важным фактором, способствовавшим развитию мирового кризиса“⁷.

Приведенные заявления самого последнего времени с полной определенностью говорят о дальнейшем развитии экономического кризиса в капиталистических странах. В этом отношении даже оптимисты II Интернационала, которые чувствуют волнение и трепетание во всем своем существе перед могущественным ростом американского капитализма, должны в свете имеющихся фактов растерянно умолкнуть. И уже в совершенно безнадежно конфузном положении оказались наши правые оппортунисты, еще недавно наспех строившие теорию „организованного капитализма“. Кризис в классически ясном виде вскрыл глубочайшие противоречия и экономическую дезорганизацию наиболее передовых стран. Нарастание внутренних противо-

⁵ Цит. по „Deutsche Tageszeitung“ от 18 февраля 1930 г.

⁶ „Economist“ от 1 марта 1930 г.

⁷ Там же.

речий производственных отношений, бешеная конкуренция на рынке, бесплановость в условиях монополий привели к острейшему из экономических кризисов.

Экономическое положение в капиталистических странах и политические отношения там имеют много общего с тем положением, какое было в 1913/14 г. перед мировой войной.

Капитализм в настоящий период работает в двух направлениях: с одной стороны, он ведет наступление на рабочий класс. В этом направлении он пускает в ход известные излюбленные вещи, экономические мероприятия, направленные прежде всего на сокращение производства и на снижение заработной платы. Общий размер безработицы в важнейших капиталистических странах достигает в настоящее время 17 - 20 млн. человек. Это колоссальная, совершенно небывалая армия безработных. Вместе с этим и в САСШ, и в Англии, и в Германии, и в других странах производится снижение заработной платы. Это вызывает вполне естественное обострение классовой борьбы. Массовый революционный подъем пролетариата является несомненным фактом, причем эта борьба получает характер более длительный, более острый, чем это мы видели в предшествующий период. Уже в 1929 г. в Англии число потерянных дней, благодаря забастовкам, было в 6 раз больше, чем в 1928 г. Во Франции в 1929 г. количество бастующих удвоилось по сравнению с 1928 г. В ряде крупнейших центров выступления рабочих сопровождались уличными боями. Развитие внутренних противоречий, развитие внутренней борьбы, перерастание экономических конфликтов в политические, являются неизбежными.

Но буржуазные политики идут и в другом направлении. Перед их глазами вырисовывается также выход с помощью войны, с помощью нового захвата и нового дележа мирового рынка. Крайне характерное в этом отношении заявление сделал недавно известный экономист Христиан Эккерт на вышеупомянутой дискуссии по докладу Вернера Зомбарта. Он заявил:

„Уже потрясения наполеоновских войн развязали повышенную экономическую деятельность, дали мощный импульс капиталистическому хозяйству. Стоит лишь напомнить о начавшемся тогда расцвете сахарной промышленности и добыче соды. И кровопускание, произведенное мировой войной, с обусловленной ею экономической и политической передвижкой, развязало мощные импульсы. Война привела к ускорению практического использования научных открытий, известных еще до 1914 г., но превращение коих в экономическую, в капиталистическую силу требовало долгого времени и происходило бы гораздо медленнее, не будь той нужды, которая висела над людьми, как это случилось, например, в деле производства искусственного азота. Обнищавшие народы и разрушенные области получили в этом неожиданные возможности возрождения. Вне боевой зоны, в тех частях света, которые до 1914 г. были лишь слегка затронуты капиталистическим хозяйствованием, развязались силы, направленные к быстрой индустриализации; которая оказала решающее влияние на их хозяйственную структуру“⁸.

Бешеный рост вооружения, разработка военных планов, заключение всякого рода тайных военных соглашений свидетельствуют

⁸ „Буржуазные ученые о закате капитализма“, с. 34.

о том, что, несмотря на всякого рода мирные заявления, на самом деле идет интенсивнейшая подготовка к войне. Больше того, всякого рода „мирные“ конференции, по существу выливаются в прощупывание противника и в создание военных комбинаций. Характерен в этом отношении провал морской конференции. Разногласие между САСШ, с одной стороны, и Англией, стремящейся опереться на Японию и капиталистические страны Европы с другой стороны, вот основной узел борьбы империалистических стран между собою. Как произойдет столкновение—этого мы предсказать не можем, но крайне характерно в этом отношении заявление вице-адмирала Тейлера на митинге „Unionist Convassing Corps“ (в январе 1930 г.—накануне морской конференции). Касаясь пакта Келлога, он заявил:

„Подписание этого пакта не является какой-либо гарантией того, что война есть дело прошлого. Если он является столь верным обеспечением будущего мира, то почему его главный автор (САСШ) не отказывается от быстрого выполнения его морской программы? Почему великие военные державы не предприняли уже шагов, чтобы уменьшить их военные и воздушные силы?“

„Нам говорят постоянно, что война между нашей страной и Америкой невозможна. Мистер Макдональд и м-р Гувер сказали так, но они являются лишь простыми марионетками, которые будут выброшены за борт, когда настанет время. Если война между нашей страной и Америкой невозможна, то к чему вся эта забота со стороны Америки добиться равенства с Британской Империей“.

К этому же выводу приходит в своей книге и известный парламентский деятель Кенвортн, который пишет в своей книге „Will Civilisation crash“.

„Американский народ в первый раз в его истории требует флот, равный флоту всякой другой державы. Так как британский правящий класс решил, что британский флот должен быть преобладающим, то мы имеем здесь семена нового соревнования в морских сооружениях и ничто не является столь чреватым горечью, подозрением и атмосферой, в которой рождается война, как морское судостроительное соперничество“. „Такая пропаганда и убеждение в пользу войны продолжаются в обеих странах“ (в Англии и в Америке).

Некоторые буржуазные ученые, наученные опытом мировой войны, с ужасом предвидят результаты новой мировой войны. Шульце-Геверниц заявляет:

„Новые войны означали бы самоубийство Европы, и Европа превратилась бы в представляющий лишь археологический интерес полуостров Азии. Такова возможность и возможность весьма вероятная“⁹.

И затем он приходит к выводу, что речь идет о мировой революции, которая всерьез будет угрожать даже титанам американского империализма. Но конечно Шульце-Геверниц не был бы буржуазным ученым, если бы он не приходил к выводу, что по его мнению в результате этой революции будет хаос.

Экономический кризис в капиталистических странах, обостряя конкуренцию на мировом рынке, тем самым заставил буржуазный капиталистический мир со все растущим опасением смотреть на усиливающуюся экономическую мощь СССР. В противовес капитали-

⁹ „Буржуазные ученые о закате капитализма“. с. 56.

стическим странам экономическое положение в СССР не только укрепляется, но двигается вперед гигантскими шагами. Успехи в области индустриализации страны, успехи в области коллективизации сельского хозяйства означают экономический огромный рост товарности, с одной стороны, а с другой стороны—еще большее политическое единство, так как на базе этих успехов стало возможным искоренение последних ростков капитализма в СССР. Все надежды на то, что СССР не справится с хозяйственными задачами, все надежды на то, что СССР пойдет по пути капиталистического развития,—эти надежды разбиты. В то время как 1930 год является годом колоссального экономического кризиса для капиталистических стран, этот год для СССР является годом дальнейшего мощного экономического развития и успехов на пути социалистического строительства. Именно поэтому мы видим бешенство, охватившее капиталистические страны. Вот что заявляет „New-York Times“ от 17/II 1930 г.

„Европа в целом еще не вполне осознала то, что может означать советская конкуренция,—политически так же, как экономически,—но вожди Европы смотрят в будущее и видят его с содроганием“.

Капитализм, готовя мировую войну, прежде всего заостряет свое оружие против СССР. Но характернейшее явление—для этой борьбы он не находит лозунгов, которые бы ставили целью будущее развитие, а обращается назад к средневековью. Призыв папы к крестовым походам—это есть доподлинное воскрешение средневековья, это означает, что капитализм стоит накануне небывалой военной авантюры. В борьбу вступают два мира: капиталистический и социалистический, прошлое и будущее человечество.

М. Смит

К ВОПРОСУ ОБ УЧЕТЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАПИТАЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ

(К постановке вопроса)

Употребляя термин „эффективность капитальных вложений“, мы повторяем общепринятый термин, зародившийся в недрах Госплана, но отнюдь не идеально точный. Капитальные вложения сами по себе могут быть эффективными лишь постольку, поскольку они увеличивают эффективность человеческого труда, увеличивая его вооружение средствами труда. В процессе производства израсходованные средства производства переносят полностью свою стоимость на продукт труда, труд же в процессе производства создает больше, чем свою собственную стоимость или чем стоимость воспроизводства рабочей силы.

Конечно уже в нашем обществе реализуется указание Маркса¹ относительно исчезновения границы между прибавочным и необходимым трудом. Уже в нашем обществе весь труд становится необходимым трудом. Социальная граница между прибавочным и необходимым трудом исчезает. Фонд воспроизводства средств производства социально перестает быть отличным от фонда воспроизводства рабочей силы, поскольку их конечное назначение одинаково. Социальная граница между ними была создана в классовом обществе. Уничтожение же классов, точнее отмирание их в нашем обществе и обобществление основных средств производства стирает социальную разницу между той частью рабочего дня, которая идет на воспроизводство рабочей силы и той, которая являлась при капитализме добавочным трудом. При капитализме назначение второй части рабочего дня было двойное: расширенное воспроизводство потраченных средств производства и

¹ „Повышение производительной силы труда и возрастание интенсивности его в одном направлении действуют однообразно. Оба увеличивают массу продуктов, добываемых в известный промежуток времени. Оба сокращают, следовательно, ту часть рабочего дня, которая необходима рабочему для производства своих средств существования или их эквивалента. Абсолютная минимальная граница рабочего дня вообще образуется этой необходимой составной частью его, обладает сокращаемостью. Если бы рабочий день сократился до этой части, то исчез бы прибавочный труд, что невозможно при капиталистическом режиме. Уничтожение капиталистической формы производства дает возможность ограничить рабочий день только необходимым трудом. Но область последнего, при прочих равных условиях, расширилась бы, с одной стороны, потому что условия жизни рабочего стали бы богаче и его жизненные потребности выше; с другой стороны, часть теперешнего прибавочного труда считалась бы за необходимый, а именно та часть труда, которая необходима для образования общественного фонда резервов и накопления“ (К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XV, 1918, с. 373).

потребление капиталистов и других паразитарных элементов. В нашем обществе остается только экономическая граница между воспроизводством рабочей силы и расширенным воспроизводством средств производства. Но если социальная граница уступает место экономической, то все же попрежнему речь идет о создании рабочим большей ценности, чем стоимость его потребления. Следовательно, эффективность капитальных вложений измеряется ростом эффективности человеческого труда, и следует говорить не об эффективности капитальных вложений, а о влиянии их на эффективность труда.

Самый термин „эффективность капитальных вложений“ повидимому связан с фетишизмом прибыли. Повидимому, терминология эта унаследована еще от того периода, когда с вопросом о капитальных вложениях был связан вопрос о норме прибыли. В самой постановке вопроса чувствуется поэтому частнопредпринимательский подход. Что такой частнопредпринимательский подход имел в данном случае место, доказывается еще и тем, как измеряется эта эффективность.

В нашем обществе приходится не только утверждать наличие известных экономических отношений, но и находить их точную количественную меру, ибо экономическая истина как таковая является в руках плановика не просто директивным руководящим принципом, но и принципом точных расчетов. Может быть был в нашей действительности момент, когда самый принцип эффективности новых капиталовложений пытались подвергнуть сомнениям, причем источником таких сомнений была не экономическая безграмотность, а недоверие к экономическому развитию Советского Союза. Это совпадало с разговорами о затухающих темпах, а под всем этим лежали не только критические разговоры и скептические покачивания головой, но и вполне определенные вредительские действия. Этот период и все эти разговоры и сомнения, являющиеся идеологической надстройкой над эпохой вредительства, как будто бы уже ликвидированы. Эффективность капиталовложений требует уже не принципиальных доказательств, а конкретных измерений. Экономический закон должен найти свое выражение в количественном коэффициенте. Но чтобы найти этот коэффициент, надо определить меру изучаемого явления.

В „IX Ленинском сборнике“, там, где Ленин комментирует учение Гегеля о мере, приводятся следующие цитаты из Гегеля с комментариями к ним Ленина:

„Велика заслуга познать эмпирические числа природы, например взаимные расстояния планет; но еще неизмеримо большая заслуга заставить исчезнуть эмпирические определенные количества, возвысив их до общей формы количественных определений так, чтобы они стали моментами закона или меры“. И далее о заслуге Галилея и Кеплера... „Они доказали найденные ими законы, показав, что им соответствует весь объем воспринимаемых частныхостей“. Надо требовать однако еще высшего доказательства этих законов, чтобы их количественные определения были познаны из „качества или определенных соотносящихся понятий (каковы время и пространство)“. А с боку приписка Владимира Ильича: „Закон или мера“².

Итак, чтобы найти меру явления, надо понимать закон его. С каким же экономическим законом можно связать влияние капитальных вложений на эффективность человеческого труда?

² „IX Ленинский сборник“, М.-Л. 1929, с. 93.

Если принять во внимание всю совокупность положений, выдвинутых Марксом при анализе производительного капитала, то получаем в основном следующее: вместе с ростом органического состава капитала в стоимости продукции растет первый член его—стоимость потраченных средств труда, машин, двигателей и сырья. Вместе с тем относительно падает та доля ее, которая в капитализме называлась прибылью, и которая включала, кроме фонда расширенного воспроизводства, потребление нетрудовых элементов. Одновременно рост органического состава капитала увеличивает производительную силу труда, а следовательно и производительность его. Таким образом, в терминах капиталистического строя мы имеем здесь кажущееся противоречие: падение нормы прибыли и рост производительности и мощи труда. Как трансформируются эти противоречия в условиях советской экономики?

Понятие о норме прибыли в наших условиях совершенно отпадает, так как отпадает социальное отношение, его породившее. Вместо него мы имеем дело с понятием накопления и расширенного воспроизводства. Заработная плата и прибавочный продукт рассматриваются с социальной точки зрения как доход общества, согласно выше цитированному прогнозу Маркса. Абсолютные размеры его должны расти, но само собою разумеется, что по отношению к стоимости продукции относительная величина суммы $V+M$ падает, тогда как c относительно растет. Здесь экономическая закономерность не только остается, но и усиливается в период, в который мы живем, так как темп расширенного воспроизводства должен быть взят и взят чрезвычайно быстрый, ибо именно рост этого темпа и есть основной ключ к строительству социализма, обуславливающий решительный переворот в методах хозяйствования. Следовательно в этот период развития рост постоянного капитала будет идти в убыстряющейся пропорции, рост же заработной платы также в растущей пропорции, но в относительно меньшей. В порядке же измерения существенным явится не отношение результативных величин к вложенному капиталу, а отношение их к затраченному рабочему времени, на основе роста производительности труда. Труд же и воспроизводит потраченные средства производства и вновь создает новую стоимость; этим определяется мера его производительности.

Вульгарная экономика утверждает другое:

1) Что эффективность капитальных вложений измеряется продукцией на единицу вложенного капитала ($\frac{C+V+M}{C}$), 2) что производительность труда определяется „чистой продукцией“, игнорируя воспроизводство средств производства:

Будет ли продукция расти, может ли она расти относительно постоянного капитала? При росте органического состава капитала она не может расти, что очевидно из следующих весьма элементарных выкладок. Отношение валовой продукции к постоянному капиталу в первый период можно выразить формулой:

$$\frac{C_1 + V_1 + M_1}{C_1} = 1 + \frac{V_1 + M_1}{C_1}$$

во второй же период соответствующей формулой;

$$\frac{C_2 + V_2 + M_2}{C_2} = 1 + \frac{V_2 + M_2}{C_2}$$

Отношение этих двух величин есть отношение двух неправильных дробей

$$\frac{1 + \frac{V_2 + M_2}{C_2}}{1 + \frac{V_1 + M_1}{C_1}}$$

Но так как мы исходим из роста и даже бурного роста органического состава капитала, так как этот рост есть результат политики капиталовложения, проводимой из года в год, то дробь $\frac{V_1 + M_1}{C_1}$

будет всегда больше дроби $\frac{V_2 + M_2}{C_2}$, если даже между двумя сравниваемыми моментами проходит только один год. И следовательно, выше рассмотренное отношение

$$\frac{1 + \frac{V_2 + M_2}{C_2}}{1 + \frac{V_1 + M_1}{C_1}}$$

будет падать, а не расти. Продукция, приравненная к постоянному капиталу, теоретически должна падать и реально падает³ наряду с ростом производительности труда. Здесь мы имеем трансформированное в условиях советской экономики учение Маркса о падении нормы прибыли вместе с ростом органического состава капитала, но с одной огромной поправкой. Если для капиталиста падение нормы прибыли является моментом, вступающим в противоречие с развитием производительных сил, то для нас это противоречие не существует. Основным стимулом производства для капиталиста является повышение нормы прибыли, для пролетариата — рост производительности труда. В отдельные короткие промежутки времени фактический рост нормы прибыли может иметь место и имеет место при капиталистическом строе, создавая для вульгарной экономики иллюзию закономерности этого роста. Дальнейший же рост органического состава капитала неизбежно вскрывает однако органические противоречия капитализма. По этому вопросу Маркс пишет:

„Уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда при каких бы то общественных условиях ни совершалось производство. В обществе, в котором производители регулируют свое производство согласно заранее составленному плану и даже при простом товарном производстве, производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом, но как обстоит дело при капиталистическом производстве?“. Далее Маркс указывает, что даже при изобретении новой машины, которая сокращает наполовину живой труд, для капиталиста дело представляется в ином виде: „Так как норма прибыли непосредственно не изменяется применением новых машин, то... цена производства осталась без изменения... Для общества, производящего при капиталистических условиях, товар не подешевел, новые машины не представляют никакого усовершенствования. Следовательно, капиталист несколько не

³ См. таблицы, приведенные дальше на с. 20.

заинтересован в том, чтобы вводить новую машину, а так как, введя ее в производство, он только лишил бы всякой стоимости прежнюю еще не изношенную машину... и следовательно потерпел бы положительный убыток, то он всячески остерегается такой утопической для него глупости. Таким образом для капиталистов закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение... В этом случае капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание—безудержно подгоняемое вперед в геометрической прогрессии развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в настоящих случаях, препятствует развитию производительности труда. Этим он только доказывает, что он дряхлеет и все более и более переживает себя⁴.

Здесь чрезвычайно ярко выступают две меры эффективности капитальных вложений, мера Маркса, которая, по его мнению, должна быть мерой общества, „в котором производители регулируют свое производство, согласно заранее составленному плану“, и мера капиталиста, для которого сущность явления затемняется фетишизированием денежного капитала. Для Маркса мера этой эффективности является повышением производительной силы труда, „закрывающейся именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но таким образом, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается“. Для капиталистов это прибыль на капитал. Для вульгарного экономиста нашего времени, эклектически путающегося между Марксом и фетишизированием капитала, это—продукция „на один рубль“ вложенного капитала и „чистая продукция“ на 1 час труда.

В том же третьем томе „Капитала“⁵, анализируя изменение органического состава капитала при интернациональных сравнениях, Маркс берет такой случай: „допустим, что в европейской стране состав национального капитала $84 C + 16 V$, тогда как в азиатской стране, где применяется мало машин и т. п., и в течение данного периода данным количеством рабочей силы производительно потребляется сравнительно мало сырого материала, состав пусть будет $16 C + 84 V$: тогда мы получаем следующий расчет.

В европейской стране стоимость продукта $= 84 C + 16 V + 16 M =$
 $= 116$; норма прибыли $\frac{16}{100} = 16\%$

В азиатской стране стоимость $= 16 C + 84 V + 21 M = 121$; норма
 прибыли $\frac{21}{100} = 21\%$.

Если не исчислять по этим цифрам отношение валовой продукции к вложенному капиталу, т. е. $(C + V + M)$ к C , то получим для первого случая отношение 116 к $84 = 1,4$ а во втором случае отношение 121 к $16 = 7,5$. При этом здесь берется постоянный капитал, включающий основной и оборотный, у нас же под капитальными вложениями разумеется, обычно, именно основной капитал. Если же относить валовую продукцию только к основному капиталу, то раз-

⁴ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 243—244.

⁵ Там же, с. 128. Маркс предполагает, что в 1-м случае норма прибавочной ценности $= 100\%$, а во 2-м— 25% .

ница может еще увеличиться. Здесь получается так, что азиатский тип хозяйства гораздо выше.

Объяснение такого подхода к измерению эффективности капиталовложения нетрудно найти, если познакомиться с некоторыми документами, циркулирующими в наших хозяйственных и плановых учреждениях в качестве директив для практической работы. В то время, как товарищи из Института красной профессуры со страстью, и увлечением спорили о рубинской концепции абстрактного труда, советской экономикой заняты другие, и эти другие не дремлют.

Перед нами лежат тезисы, озаглавленные „Экономические и технические показатели эффективности капитальных вложений“, изданные Бюро экономических исследований ВСНХ СССР. Документ отличается изумительной эклектичностью, изумительной путанностью и упрямым нежеланием стать на выдержанную марксистскую позицию, а наряду с этим и явным непониманием, а может быть и недоверием к темпам происходящих изменений. Так, на странице 6 этого документа читаем: „Равным образом непригоден показатель органического состава капитала еще и потому, что изменения в нем могут обнаружиться только на протяжении ряда лет и для небольших отрезков времени этот показатель вообще не характерен“. Вот что называется надисторическим пониманием вещей. Органический состав капитала вообще в сверхисторическом масштабе меняется медленно, и почувствовать его изменение скоро и в наш период нельзя. И это пишут в тезисах, посвященных вопросу о капиталовложениях в период интенсивнейшей реконструкции, какую когда-либо знало человечество. Но если в настоящий исторический момент не происходит резкого изменения органического состава капитала, то можно с успехом спросить, что же собственно происходит и в чем экономическая сущность того напряженного капиталовложения, которое является центральным пунктом нашей экономической политики. Или может быть нужно рассуждать так: органический состав капитала это, мол, проходят в курсах политической экономии, это не для действительной работы, это вне ведения госаппаратного творчества. Далее автор справедливо указывает, что „исчисление органического состава капитала представляет едва преодолимые трудности, так как выделение переменного капитала требует крайне сложного и дифференцированного анализа всех оборотов предприятий“. Конечно такое исчисление представляет огромные трудности, но для того, чтобы понять связь между капиталовложениями и ростом органического состава капитала, нет необходимости его непосредственного исчисления.

Это равнодушие к понятию органического строения капитала и лежит в основе указанного документа. Именно поэтому авторам его и хочется выдвинуть во что бы то ни стало на первый план показатель продукции на один рубль вложенного капитала и задвинуть более веские показатели на второй план.

На с. 9 автор, правда, признает, что „обязательным условием всякого механического прогресса является уменьшение расхода живого труда на единицу одного и того же продукта, который заменяется обобществленным трудом. Этот процесс находит свое отражение в росте органического состава капитала“. Но этому процессу может, по мнению автора, противодействовать другой процесс — „стремление к экономному использованию средств производства“.

Еще ранее, на с. 5, мы читаем: „Иногда повышение органического состава капитала может быть связано с уменьшением выпуска продукции в данный отрезок времени. Повышение органического состава капитала может сопровождаться невыгодной перегруппировкой различных элементов капитала в частности невыгодным соотношением основного и оборотного капиталов. Можно, например,—и это наблюдается довольно часто, повышать органический состав капитала за счет увеличения стоимости зданий, не имеющих непосредственного производственного значения“. Такого рода „повышения“ наблюдаются, увы, весьма часто у вульгарных экономистов и вульгарных статистиков, которые жилые здания и канцелярские столы относят к производительному капиталу и не отдают себе даже отчета в экономической природе этого последнего. Но не только в этом дело. На с. 10 читаем: „однако и в расходовании средств производства, в которых овеществляется накопленный ранее труд, проявляется все большее стремление к экономии, вследствие чего технический прогресс дает одновременно уменьшение в единицах продукта массы труда как живого, так и накопленного, поэтому продукция на единицу всего капитала (основного и оборотного) может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от степени экономии материальных средств“. Это удивительно хорошо! И главное всех может устроить: „может увеличиваться или уменьшаться“; лазейка найдена и эклектизм осуществлен на 100%.

Вопросу об экономии в применении постоянного капитала Марксом посвящена не одна блестящая страница. В третьем томе „Капитала“ этот вопрос разбирает глава 5-я, разбивающаяся на пять специальных разделов: 1) Общее положение, 2) Сбережения в условиях труда, 3) Экономия при получении двигательной силы, 4) Утилизация отбросов производства и 5) Экономия, достигаемая благодаря изобретениям. В главе 14-й, посвященной причинам, противодействующим понижению нормы прибыли, опять введен специальный раздел „удешевление элементов постоянного капитала“. В этом последнем разделе Маркс объясняет, каким образом стоимостное выражение капитала возрастает в меньшей пропорции, чем его технические размеры. Например, „количество хлопка, которое перерабатывает отдельный прядильщик на современной европейской фабрике, в чрезвычайной степени возросло по сравнению с тем количеством, которое европейский прядильщик перерабатывал раньше при помощи прядильного колеса. Но стоимость перерабатываемого хлопка увеличилась не в такой пропорции, как его количество. То же самое можно сказать о машинах и о другом основном капитале. Короче говоря, то самое развитие, которое увеличивает массу постоянного капитала по отношению к переменному, уменьшает стоимость его элементов вследствие повышения производительной силы труда и, следовательно, препятствует тому, чтобы стоимость постоянного капитала, хотя и постоянно возрастающая, возросла в таком же отношении, как его материальный размер, т. е. материальный размер средств производства, приводимых в движение тем же самым количеством рабочей силы. В отдельных случаях масса элементов постоянного капитала может даже увеличиться в то время, как его стоимость остается прежней или даже уменьшается“.

Как известно, Маркс различает технический состав капитала от состава его по стоимости, органическим же называет тот случай, когда

⁶ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 216.

технический и стоимостный составы капитала совпадают. Стоимостные массы всегда будут расти медленнее, чем материальные, именно в силу тех причин, которые изложены Марксом в первых главах первого тома „Капитала“. Стоимость обратнопропорциональна производительной силе труда. Из этого никоим образом нельзя делать вывод о понижении органического состава капитала в связи с экономией в применении постоянного капитала или удешевлением его. Экономия же, которая является результатом чисто технических моментов, как утилизация отбросов, концентрация двигательной силы, новое изобретательство и т. д., опять таки не может привести к уменьшению органического состава капитала, а может лишь временно ослабить тенденцию его роста. Ведь такого рода экономия на постоянном капитале неизбежно сокращает и применение живого труда. „Относительное удешевление средств производства, говорит Маркс, конечно не исключает возрастания абсолютной суммы стоимости, потому что то абсолютное количество, в котором они применяются, чрезвычайно увеличивается вместе с развитием производительной силы труда и сопровождающего его роста размеров производства“⁷.

В наших условиях в качестве примера такой экономии на постоянном капитале можно привести хотя бы электрификацию. На нефтяных промыслах экономия в затрате двигательной силы после введения электрификации бросается в глаза даже непосвященному. Прежде отдельная паровая машина пылела и коптила около каждой вышки, требуя применения человеческого труда, теперь и машину и человека, за ней наблюдающего, заменяет провод, несущий энергию из электроцентрали. Возможно даже, что здесь живой труд уменьшился в момент реконструкции в меньшей пропорции, чем затрачиваемая энергия. Означает ли это однако уменьшение органического состава капитала? Отнюдь нет, ибо общее количество затрат на живой труд тут относительно падает при громадном росте освоенных капиталовложений. Известное несоответствие может создать только период, протекающий между моментом вложений (началом строительства) и производственным их освоением, но ведь нельзя же серьезно говорить об этом периоде, как о понижении органического состава капитала.

В ошибку такого же типа впадает и т. Струмилин, хотя в общем его установка по вопросу об эффективности капитальных затрат совершенно иная и гораздо более правильная. В статье, посвященной этому вопросу он почему то допускает, что капитальные вложения не обязательно увеличивают органический состав капитала.

„Простейшим случаем, наиболее доступным для динамических сопоставлений, можно считать такой, когда новые вложения не изменяют пропорции между живым и накопленным трудом в производстве. Здесь, стало быть, прирост продукции, следующий за одинаковым увеличением масштаба вложений и живого и мертвого труда, может быть с полным правом принят за общую меру эффективности и того и другого. Если при этом, с увеличением в n раз всего капитала, при неизменном его составе, и продукция возрастает в такое же число раз, то мы вправе будем заключить, что эффективность единицы капитала, а вместе с тем и живого труда, осталась неизменной“⁸.

⁷ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 59.

⁸ „Плановое хозяйство“ № 7, 1929, ст. Струмилина „К проблеме эффективности капитальных затрат“, с. 62.

Это чрезвычайно странная трактовка вопроса, чтобы не сказать больше. Каким образом капитальные вложения „могут не изменить пропорции между живым и накопленным трудом,“ этого ни один марксист понять не сможет. И как может остаться при этом неизменным состав капитала? Разве только если речь идет не о капитальных вложениях, как таковых, а о „новом“ строительстве предприятий старого типа. Но это уж есть вредительство, а не строительство. Но оказывается, что т. Струмилин „допускает“ даже нечто еще более странное, а именно „вложения, понижающие средний органический состав капитала в стране“.

„В качестве наиболее частого примера вложений, понижающих средний органический состав капитала в стране, можно указать многообразные вложения в индивидуальное крестьянское хозяйство и, в частности, в переселенческое дело для рассасывания аграрного перенаселения деревни, в разного рода примитивные по вооруженности труда, но тем более трудоемкие „общественные работы“ для исполнения труда безработных и т. д. Такого рода вложения в условиях значительных избытков неиспользованного труда и недостатка капиталов могут оказаться неизбежными. Но все же общество, накоплений которого хватало бы только на такого рода вложения— для обеспечения естественного прироста населения самыми примитивными видами труда—такое общество несомненно очень скоро пошло бы по пути самой полной хозяйственной деградации. Такого рода вложения, как уже было указано, ведь смогут только понизить средний уровень производительности труда в стране, а, стало быть, вместе с тем неизбежно понизится и душевой уровень народного дохода, что приведет либо к непосредственному снижению потребления, либо к дальнейшему снижению и без того недостаточных норм производственного накопления и, значит, дальнейшей хозяйственной деградации общества“⁹.

Час от часу не легче. Как будто бы говорить о „многообразных вложениях в индивидуальное крестьянское хозяйство в частности в переселенческое дело, для рассасывания аграрного перенаселения деревни“ уже поздновато и совершенно противоречит основной экономической политике переживаемой эпохи. Как будто бы рассасывать „аграрное перенаселение“ деревни мы принялись уже совсем иным способом, если вообще об аграрном перенаселении деревни говорить можно. Далее. Летом 1929 г. опять же поздненько было говорить „о разного рода примитивных, по вооруженности труда, но тем более трудоемких общественных работах“ (совсем как в английском парламенте, когда там стоит вопрос о безработице). Как будто бы наш основной путь борьбы с безработицей идет совсем в ином направлении, и потому странное двойственное впечатление производит только что приведенная цитата.

Конечно совершенно правильной является та формулировка, которую т. Струмилин дает для „тех случаев, когда новые капитальные вложения сопровождаются более или менее существенной реконструкцией не только масштабов предприятий, но и норм вооруженности труда, т. е. органического строения капитала“. Приводим ее здесь полностью:

⁹ „Плановое хозяйство“ № 7, 1929 г. ст. Струмилин а. „К проблеме эффективности капитальных затрат, с. 63.

„Если при среднем строении капитала в стране ($H = C : V$) для производства P единиц годовой продукции требуется овеществить в ней t часов труда, то положительный эффект новых капитальных вложений, изменяющих данное строение капитала по сравнению с ранее достигнутым уровнем, может найти свое отражение только в двух направлениях: либо в повышении P при неизменном t , либо в сокращении t при неизменном P . Говоря вообще, в обоих случаях этот эффект выразится в увеличении отношения $\frac{P}{t}$, т. е. в повышении производительности труда. Соответственно этому отрицательный эффект новых капитальных затрат нам пришлось бы констатировать в том случае, если бы результатом их явилось известное снижение средней производительности труда в стране“¹⁰.

Формулировка достаточно четкая, что и говорить, жаль только, что она обусловлена и что т. Струмилин допускает и капитальные затраты, которые не повышают вооруженности труда и которые могут даже давать „отрицательный эффект“, т. е. снижение производительности труда. Трудно сказать, чем объясняется такая беспартийность т. Струмилины по вопросу об органическом составе капитала и его стране „допущение“. Во всяком случае ряд только что приведенных формулировок весьма и весьма напоминает печальной памяти первый вариант пятилетки. Тут конечно допущены две ошибки, одна экономическая, состоящая в допущении того, что капитальные вложения могут и не увеличивать органический состав капитала, другая политическая, состоящая в предположении, что темп нашего роста допускает приостановку этого роста на фоне „многообразных вложений в индивидуальные крестьянские хозяйства и в разного рода примитивные по вооруженности труда общественные работы“.

В основном точка зрения т. Струмилины все же правильная, ибо для него основным является рост вооруженности труда и его производительность. Непонятно, зачем ему понадобились все эти формально-логические допущения, игнорирующие конкретную установку переживаемого периода. Гораздо хуже обстоит дело с вышецитируемым документом Бюро экономических исследований ВСНХ. Там эклектизм вводится, можно сказать, в принципе. Благополучно покончив с органическим составом капитала, которому совсем незачем расти, документ переходит к анализу отношения продукции к единице вложенного капитала и приводит ряд данных американской статистики, русской довоенной статистики и советской статистики, из которых явствует совершенно определенно, что основной капитал растет гораздо быстрее продукции, а валовая продукция на единицу капитала падает. Воспроизведем здесь часть этих таблиц, красноречиво подтверждающих правильность экономических схем Маркса.

По поводу приведенных американских цифр нужно еще отметить следующее: они в свое время очень смутили английского статистика и буржуазного экономиста Флюкса¹¹. Согласно его разумению чистая продукция должна расти, а не падать, но его разумение весьма далеко от марксизма. Он как раз и не понимает, что при росте органического состава капитала два элемента, представляющие чистую продукцию V и M , должны расти медленнее, чем постоянный капитал.

¹⁰ „Плановое хозяйство“ № 7, 1929 г., ст. Струмилина, „К проблеме эффективности капитальных затрат, с. 62—63.

¹¹ См. ст. т. Сосенского в № 4 „Вестника статистики“ за 1928 г.

Табл. 1 (США)

г о д ы	И н д е к с		
	физического объема ос- новного ка- питала	физического объема про- дукции	Число рабо- чих
1899	100	100	100
1905	140	143	125
1910	208	159	144
1915	266	189	154
1920	407	231	193
1922	431	240	191

Табл. 2 (США)

г о д ы	На единицу капитала приходится	
	валовой продукции	чистой про- дукции
1904	1,17	0,50
1909	1,12	0,46
1914	1,06	0,43

Табл. 3. (Довоенная Россия)

Группы предприятий с основным капиталом	Продукция на 1 руб. основного капитала
100— 200 тыс. руб.	3 р. 64 к.
201— 500 " "	2 р. 24 к.
501— 1000 " "	1 р. 73 к.
1001— 2000 " "	1 р. 57 к.
2001—10000 " "	1 р. 52 к.

Табл. 4 (СССР, 1925—1926 г.)

Группы заведений по раз- мерам основного капитала	Стоимость валового оборота на 100 руб. основного капи- тала
Низшая	2,4
Средняя	1,3
Высшая	1,0

Но если это простительно английскому буржуазному экономисту Флюксу, то это совсем непростительно экономистам советской марки. Как они разделяются с цифрами? Быстрого роста органического состава капитала они не признают и от него отмахиваются, надеясь, очевидно, что темп роста органического состава капитала к правоуклонческим разговорам о темпах вообще отношения не имеет. Но цифры вещь упрямая,—взятые в общем в большом масштабе, они все-таки отражают экономическую действительность и ведут себя не так, как это хочется противникам быстрого темпа роста органического состава капитала. Но тут на выручку является спасительный эклектизм и пресловутая формула: „с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой—нельзя не признаться“.

„Конечно, пишут наши авторы, нельзя не считаться с указанным явлением, но возводить его в обязательный закон—не приходится. Как уже выше показано, рост органического состава капитала отнюдь не исключает возможности роста продукции на единицу капитала. Задачи техники сводятся к тому, чтобы путем реконструкции одних и тех же материальных элементов оборудования повысить коэффициент производительности этого оборудования. По некоторым отраслям, особенно быстро прогрессирующим в техническом отношении, мы наблюдаем систематическое повышение „отдачи“ продукции на 1 руб. капитала в том виде, в каком он отражен статистическими данными, нуждающимися в очень существенных оговорках. Так, сама сумма капитала определяется настолько неточно, что например в США по этой причине с 1921 г. прекратили] учет его. Достаточно например напомнить о разводнении акционерного капитала, которое не может не сказываться на чисто счетном понижении выпуска продукции на 1 руб. капитала. Надо указать также, что суммарный показатель по промышленности в целом отражает также и процесс перераспределения отраслей в сторону производящих средств производства, а эти отрасли наиболее капиталоемки по отношению к продукции. Но даже если в известной части наличие этой тенденции имеет место, то задача техники сводится путем дальнейших открытий к преодолению ее. На этом основана интенсивная борьба за удешевление строительства, за снижение доли капитала, заключенного в зданиях и строениях, и соответственное увеличение доли капитала оборудования; на этом же основано и стремление к максимальному ускорению оборота капитала. Поэтому, во всяком случае, для характеристики технической эффективности, показатель продукции на единицу капитала, а в отдельных предприятиях и на один агрегат должен остаться“.

Итак, оказывается, что задачи техники сводятся к преодолению названной тенденции и что в этом-то и состоит борьба за удешевление строительства и т. д. Какой великолепный пример той самой поверхностности буржуазной политэкономии, против которой не уставал протестовать Маркс. Поверхностность явления принимается за экономическую сущность его, в которой автор совершенно не разбирается. А сущность его уже охарактеризована вышеприведенными ссылками на то, как Маркс освещал экономику постоянного капитала. Далее автор жалуется на плохой учет капитала. Жалоба справедливая, но однако эта жалоба не мешает всем таблицам, которые приводит автор, упрямо проявлять одну и ту же закономерность, ибо закон большого числа выявляет, как известно, самую об-

щую тенденцию снпжая, влияние отдельных ошибок наблюдения. Но что особенно существенно в этой цитате, это термин „отдача“ продукции па один рубль капитала. Именно он и характерен для фетишизации капитала. Капиталист рассуждает так: я вложил капитал, я требую отдачи. Но капиталист требует этой отдачи в форме прибыли. Для него трагедия наступает тогда, когда рост экономического состава капитала приводит к падению нормы прибыли. В советских же условиях о нормах прибыли говорить неудобно, поэтому говорят о продукции в целом, но не по отношению к затраченному труду, а по отношению к затраченному капиталу.

Целый ряд авторов¹² строит всевозможные более простые и менее простые формулы измерения эффективности капитальных вложений. Правда, далеко не все впадают в тот чудовищный эклектизм, и откровенное недоверие к росту органического состава капитала или в лучшем случае непонимание природы этого роста, в которое впадают авторы вышеназванного документа. Но все же многим из этих формул присуща одна и та же ошибка: в знаменателе дробей, которыми выражаются их формулы, они неизменно вводят постоянный или основной капитал, а при таких условиях формула будет верна только при условии, если в числитель введены величины, растущие быстрее, чем постоянный капитал. И вот тут-то мы натываемся на основное недоразумение, на первородный грех против марксистской экономики в применении ее к советским условиям. Ряд буржуазных экономистов упрекал Маркса за „противоречия“, совершенно не сумев понять сущности марксовой схемы, но так же мало понимают ее и авторы формулы, в знаменателе которой стоит основной или постоянный капитал¹³.

Есть ли это только теоретическая ошибка или мы имеем здесь дело с чем-то гораздо худшим и не явится ли измерение эффективности капитальных вложений через пресловутую продукцию на 1 рубль вложенного капитала источником реакционнейших выводов? О такой возможности осведомлены и работники Бюро экономических исследований. Об этом свидетельствует фраза: „Указанная тенденция

¹² См. напр. ст. т. Розентула в № 6 „Планового хозяйства“ за 1929 г.

¹³ Об „отступлениях“ от закона органического состава капитала говорит еще один автор, некто В. Львов, рецензирующий на страницах „Планового хозяйства“ (№ 11 за 1929 г.) 4 выпуск изданной ЦСУ серии „Фабрично-заводская промышленность“. Эти „отступления“ автор видит в том, что приведенные в книге данные о показателях эффективности энерговооруженности труда не всегда дают главные ряды. Автор подходит к делу совершенно механистически, полагая, что если вообще энерговооруженность труда может служить одним из показателей технического состава капитала, то все 100 процентов конкретных фактов должны этому удовлетворять. Тем самым он игнорирует то, что Гегель называет „единство возможного и действительного“, т. е. сложный переплет конкретных элементов, для которых то или иное исследование находит общие тенденции закономерностей, а не подтверждение в каждом отдельном конкретном случае.

Что автор плохо разбирается в учении Маркса об органическом составе капитала, видно также из двух других моментов. Во-первых, из его предположения, что чистая продукция, являясь суррогатом вновь созданной стоимости, может служить показателем производительности труда. Здесь он, увы, скатывается от Маркса к Адаму Смиту, который тоже в составе продукции игнорировал воспроизводство затраченных средств производства, а видел в нем лишь заработную плату и прибыль. Конечно автор прав, когда он говорит о фиктивности ценных показателей вообще, но ему, повидимому, неизвестны те две работы ЦСУ, где публикуются данные о динамике производительности труда по натуральным показателям и вся большая методологическая работа, произведенная в связи с установлением этих

уменьшения продукции, падающей на 1 рубль основного капитала, легшая в основу защищаемой некоторыми экономистами теории понижения производительности капитала...“.

Итак, существуют некоторые экономисты, которые защищают „теорию понижения производительности капитала“, но авторы разбираемого документа, стало быть, не защищают такой теории. Однако они делают другое: путем всяческих натяжек и оговорок они хотят все же установить в качестве важнейшего, такой измеритель, который даст пищу защитникам этой теории. Цифры, приведенные выше можно истолковывать как подтверждающие эту теорию, если не объяснить их, исходя из теории Маркса, но поскольку авторы тезисов этого последнего определенно не делают и делать, повидимому, не могут, они неизбежно приводят своими методами измерения эффективности к укреплению теории понижения производительности капитала, тем самым они делают объективно-реакционное дело.

Никакие эклектические натяжки от этой объективной реакционности нас не избавят. Тот важнейший показатель эффективности как капитальных вложений, который вытекает из учения Маркса—производительность человеческого труда—авторами записки отодвигается как будто на второй план. По этому поводу в документе имеются весьма разноречивые показания. Так параграф 5-й заканчивается следующим утверждением: „из числа предлагаемых показателей центральное значение имеют три: продукция, себестоимость производства и оборот капитала... остальные показатели имеют зависимое и частное значение“. В одном из дальнейших параграфов читаем: „производительность труда в качестве единственного показателя не может характеризовать исчерпывающие результаты капитальных вложений, но вместе с тем в числе других она является наиболее существенным элементом понятия эффективности. Значение этого показателя в том, что он отражает развитие производительных сил общества“. Таким образом показатель, отражающий развитие производительных сил общества, имеет почему-то только зависимое и частное значение, не в пример „отдаче“ капитала. Последняя всячески выдвигается, первый всячески задвигается. Как мы уже видели выше, Маркс связывает одряхление капитализма с препятствованием развитию производительности человеческого труда (см. цитату на с. 16). Чтобы получить обратное доказательство, чтобы показать картину недрахлеющего, а развивающегося социалистического строя, нужно, конечно,

показателей в индексировании их. В рецензируемой же им книге речь идет не о динамике, а о сравнении групп различной мощности. Для них-то уж чистая продукция совершенно непригодна, так как ее относительная доля понижается с ростом органического состава капитала. Но полное непонимание автором сущности проблемы обнаруживается им, когда он в краткой статье в разделе „Статистика“ той же книги „Планового хозяйства“ пытается, ничтоже сумняшеся, определить „рентабельность“ путем „определения нормы прибыли“ и очень жалеет, что „за отсутствием соответствующих данных“ он принужден от такого исчисления отказаться. Правда, прибыль он считает „фондом накопления“ и все-таки совершенно отступает от марксовской экономики, когда пишет: „совершенно ясно, что, чем больше удельный вес этого фонда в цене валового продукта, тем (при всех прочих равных условиях) рентабельнее данное предприятие“. Автор заключает свою статью предложением ревизии методов изучения энерговооруженности труда. Конечно усовершенствовать эти методы надо, но предложенная им ревизия является по сути дела ревизией марксовского понимания роста органического состава капитала, т. е. более высокой нормы роста постоянного капитала, чем переменного и прибыли.

в первую очередь, изучать темпы роста производительности труда и снижения себестоимости. Такие исследования уже делаются советской статистикой, поскольку она руководится людьми марксистски-грамотными, и они приводят к весьма ярким показательным выводам¹⁴.

---

¹⁴ См. работу Л. Левика, Динамика производительности труда с 1924/25 по 1927/28 гг. (изд. „Статиздата“ 1930) и в ней группировку промышленных предприятий по интенсивности освоенных капитальных вложений (отношение освоенных вложений к общей стоимости основных фондов). См. также изданную ЦСУ к XVI партконференции брошюру „Союзная промышленность в цифрах. Темпы роста и факторы развития“ и в ней аналогичную группировку.

СФЕРА ОБРАЩЕНИЯ В СВЕТЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Рыночные связи, отношения купли-продажи как факторы товарного обращения приобретают в свете бурной социально-технической перекройки страны свой особый интерес. Частно-собственническая деревня противостояла социалистическому городу. Истекший период нэпа характеризуется для деревни нарастанием классовой дифференциации. Батрацко-бедняцкие массы, опираясь на союз с городским пролетариатом, становятся из класса „в себе“ классом „для себя“. Обобществленный сектор рынка, выступая как организующее начало стихийных основ сельского хозяйства, выполняет следующие основные задачи: развитие товарности середняцко-бедняцкого хозяйства, поднятие уровня развития этих хозяйств, систематическое обеспечение бесперебойного воспроизводства социалистической промышленности по линии снабжения сырьем и сбыта промпродукции, обеспечение реальной зарплаты рабочих (путем задержки и снижения уровня цен с.х. и промтоваров). Весь этот процесс проходил под знаком обобществления товарооборота, под знаком борьбы социальных секторов за овладение рынком. Всякий дальнейший шаг в обобществлении товарооборота означал вместе с тем укрепление позиций социалистического сектора, расширение сферы влияния и упрочение плановой установки в отношении основных рычагов индустриализации. Стопроцентное обобществление сбыта ряда сырьевых культур (хлопок, свекла) создавало более устойчивые проектировки себестоимости отраслей, перерабатывающих это сырье, в сравнении с отраслями, „сидящими“ на сырье, относительно слабо обобщественными по сбыту (лен, кожа). Реальный уровень благосостояния рабочих масс находился в большей зависимости от стихийных рыночных процессов в сравнении с себестоимостью отраслей промышленности, связанных с сельским хозяйством. Это объяснялось относительно большим обобществлением сбыта сырьевой базы, нежели продовольственных с.х. продуктов, входящих в бюджетный набор рабочего. Обострение классовых отношений в деревне, четкое классовое выявление лица деревни способствовали сближению обобщественного товарооборота с бедняцко-середняцкими массами деревни, одновременно с союзом частного и кулацкой ее верхушки. Именно этим характеризуется лебединая песнь частного торгового капитала и всего капиталистического сектора — тенденция обособиться, замкнуться в самом себе, уйти из-под влияния социалистического воздействия. Если аналогичная тенденция в 1924/25 г. ¹ в условиях недостаточного обоб-

ществления сбыта и слабой степени обобществления процессов производства в сельском хозяйстве представляла некоторую демонстрацию мощи этого сектора, то в 1928/29 г. такое обособление является результатом капитуляции частно-капиталистических элементов и стихийных процессов перед плановой системой. Продолжающийся процесс резкого сокращения индивидуального хозяйствования в деревне приводит вместе с тем к окончательному вытеснению частного капитала из сферы товарного обращения.

В настоящее время нельзя рассматривать работу частного торгового капитала как полезную народнохозяйственную функцию в результате общественного разделения труда в народном хозяйстве. Частный торговый капитал пережил самого себя, и его положительная роль в первый период запа-превратилась в свою противоположность. Частный торговый капитал, как бы в силу закона о пустоте, пролезает в различные щели, получающиеся в результате тех или иных затруднений в народном хозяйстве или организационных недочетов обобщественного товарооборота.

Спекулятивные вспышки частного капитала в игре на сверхприбыль, преимущественно на рынке продуктов первой необходимости, выдвинули для 1929/30 г. задачу парализовать влияние этого орудия стихии на основные качественные показатели намеченных темпов строительства социализма. В первую очередь это относится к уровню благосостояния пролетариата, в отношении которого частный капитал сыграл уже слишком отрицательную роль в 1928/29 г. Одной из ударных задач обобщественной торговли в 1929/30 г. является обеспечение рабочего класса основными продуктами широкого потребления, иначе говоря, обеспечение намеченного уровня реальной заработной платы. Изолирование спекулятивной торговли от возможного ее влияния на размеры потребления и приобретения пролетариата выдвинуло чрезвычайную важную задачу и в плановой заготовительной торговле в деревне—окончательное вытеснение частного заготовителя из рынков основных сельскохозяйственных продуктов.

Наряду с этим, сырьевая база должна окончательно перейти в руки обобщественного сектора, поскольку на известных участках частный торговый капитал еще продолжает орудовать и этим самым продолжает создавать опасения за наши плановые проектировки в области промышленности. В недалекой перспективе придется свести окончательные счета с частным капиталом в торговле. Это обеспечивается в первую очередь социально-технической перекройкой деревни, обобществлением процессов производства на основе повышенной техники и созданием крупных социалистических индустриальных земледельческих предприятий. Стопроцентное обобществление процессов в сфере производства само по себе означает устранение стихийно-рыночных процессов в сфере обращения. Торговля как совокупность посреднических актов купли-продажи определенного социального содержания, как самостоятельная сфера приложения капитала в перспективе ближайших лет окончательно теряет свой экономический *raison d'être*.

Наличие в сфере обращения стихийных, чисто-рыночных элементов, кругооборот частного капитала, наряду с движением «капи-

¹ См. нашу статью „Взаимная связь и зависимость контрагентов товарооборота“, Плановое хозяйство“ № 12 за 1926 г.

тала» социалистического сектора облекало в ценностную оболочку все товарные отношения страны. Наличие известного товарного фетишизма в наших условиях обуславливалось, в первую очередь, социальной неоднородностью сферы обращения. Дефетишизация отношений обмена «раскрепощение» сферы обращения от ценностных пут может явиться результатом присвоения сферой обращения чисто технических функций распределения материальных ценностей. Основным движущим началом стихийно-рыночных отношений является конкурентная борьба—это есть *alma mater* всякой свободной рыночной торговли. Подчиненная роль сферы обращения в отношении сферы производства в капиталистических условиях затушевывается в значительной мере и единой нормой прибыли, а отсюда и мнимая автономизация торговли от производства, поскольку всякий рубль, вложенный в торговлю, должен принести одинаковую прибыль с промышленным капиталом. Влияние торгового капитала на норму прибыли делает торговлю самостоятельной, отличной, особой сферой приложения капитала. «Процессы воспроизводства и обращения различных капиталов тесно срастаются друг с другом и переплетаются между собой; это является, с одной стороны, необходимым следствием разделения труда, с другой стороны—это представляет случайное явление»². Общественное разделение труда с развитием капитализма делает торговлю не только обособившейся частью народного хозяйства, но и ставит сферу производства в зависимость от сферы обращения. Столкновение капиталистов-производителей в их конкурентной борьбе, реализация и дележ прибавочной стоимости происходят непосредственно в сфере обращения. Судьба каждого капиталиста находится в руках всех прочих капиталистов, вступающих в единоборство через рыночные отношения... „Взаимозависимость рыночных отношений и определяющих ее условий все более принимает характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользает от контроля“³. Распределение и перераспределение национального дохода в наших условиях происходило, гл. обр., в процессе рыночных отношений между социальными секторами, а не отдельными товаро-производителями. Причём если влияние капиталистического сектора на социалистический протекало исключительно через сферу обращения, то обратное влияние одними ценностными соотношениями далеко не ограничивается. Целый ряд рычагов социалистического сектора весьма часто корректировал перераспределение национального дохода между отдельными классами и социальными группами. Однако роль рыночных оборотов была довольно значительной в распределении материальных ценностей между секторами и классами. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что торговля у нас никогда не пользовалась и видимостью автономии; ее подчиненная, „служилая“ роль подчеркивалась всегда ведущей ролью промышленности в народном хозяйстве.

Ценообразование развивалось по линии зависимости и борьбы отдельных секторов и классов. Средний уровень цен страны более или менее корреспондировал удельному весу частного капитала в сфере обращения. Размеры себестоимости и реальной зарплаты—два главнейших качественных показателя развития—находились под

² К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2.

³ Его же, Капитал, т. III, ч. 1.

известным влиянием динамики частных цен. Колебания цен в отдельные отрезки времени исходили исключительно от капиталистического товарооборота. Динамика цен социалистического сектора, очищенная от влияния частнокапиталистических элементов (влияние через издержки производства), с ростом количественных и качественных показателей производства не могла знать иного движения, как систематическое снижение цен. Классовые отношения по линии внутридеревенского товарооборота накладывали свой неминуемый отпечаток на ценообразование и рентабельность отдельных социальных групп деревни. Зависимость бедняцких и отчасти середняцких масс деревни по линии средств производства от зажиточных слоев, приобретение хлеба и других продуктов у кулацкой верхушки через механизм внутридеревенского оборота — создавали замкнутый рынок кабальных ценностных отношений и совершенно различный процесс ценообразования у различных социальных групп крестьянства⁴. Этот особый рынок, зачастую упускаемый при анализе советского товарооборота, играл, в особенности в последние годы, чрезвычайно большую роль в перераспределении национального дохода между отдельными социальными группами деревни.

Вытеснение частника из города направило его капиталы преимущественно по руслу внутридеревенского оборота. От влияния на снижение реального уровня благосостояния пролетариата частник перебросился на „помощь“ зажиточной деревенской верхушке в ее классовой борьбе с батрацко-бедняцко-средняцкой массой деревни. „Игра“ на хлебе в первую очередь бьет по маломощным хозяйствам деревни и является крайним, жесточайшим „средством“ умирающего класса в его последней классовой схватке. Если перераспределение материальных ценностей в пользу зажиточных слоев деревни за счет середняцко-бедняцких идет по линии внутридеревенского товарооборота, то обратное перераспределение в пользу последних, вне воздействия извне, вне социалистического сектора — невозможно. Между отдельными классами деревни в их товарных отношениях должен стать обобществленный сектор, которому следует целиком заменить частный капитал.

Внутридеревенский рынок остается еще последним убежищем для капиталистических элементов в сфере обращения, и если в силу от этого влияния для пролетариата (городского) являлся социалистический товарооборот, то значительная часть батрацко-бедняцких масс деревни еще находится в кабальном окружении внутридеревенского рынка. Мы уже указывали, что самый процесс обобществления с.-х. производства — его социальная и техническая перекройка — сам по себе означает ликвидацию частного рынка. Это относится не только к внедеревенскому обороту, но также и к внутридеревенскому. Развитие мощной сети машинно-тракторных станций, обработка земли бедняцких хозяйств тяговой силой совхозов, развернутая система семенной ссуды — означают парализацию значительной части внутридеревенской сферы обращения по линии средств производства. Эмансипация бедняцких и части середняцких хозяйств от кабальной зависимости в отношении тяги и семян резко суживает внутридеревенский оборот.

⁴ Об этом см. подробно в наших статьях „Ценообразование в системе народного хозяйства“, „Плановое хозяйство“ №№ 11 и 12 за 1929 г.

Сфера обращения в целом должна стать функцией нашей экономической политики. Нельзя, конечно, полагать, что мы уже на сегодняшний день имеем окончательное отмирание ценностных отношений, но безусловно форсированный процесс выживания стихийных факторов из сферы обращения означает то, что цена как результирующая, в известной мере, стихийных, чисто-рыночных процессов существовать перестает. Ее замещает „цена“, как действительный рычаг перераспределения прибавочного продукта, цена как составной активный элемент плана в процессе расширенного воспроизводства. Вся проблема ценообразования в этих условиях сводится к выявлению размеров и элементов затрат в сфере производства и распределения, к выявлению размеров созданного прибавочного продукта и к перераспределению всей массы прибавочного продукта между отдельными отраслями и сферами народного хозяйства в зависимости от нашей экономической политики. Изучение ценообразования до сих пор упиралось главным образом в выявление рыночных стихийных факторов, в изучение перераспределения национального дохода между отраслями, секторами и классами через цену как результат скрещивания и взаимодействия в значительной мере стихийно-рыночных сил. Нельзя сказать, чтобы цены социалистического сектора были абсолютно эмансипированы от влияния стихийных факторов: это влияние передавалось не только через себестоимость при посредстве сырьевых цен и реальной заработной платы рабочих, т. е. не только через органическое влияние цен различных секторов по линии цепной связи, но также и через механическое влияние частного рынка на обобществленный товарооборот. Розничные цены обобщественного сектора торговли, скажем, в 1928/29 г. росли в гораздо больших размерах, чем отпускные цены промышленности; здесь в значительной мере сыграла роль разбушевавшаяся спекулятивная горячка по ту сторону обобщественного сектора. Вместе с тем обобщественная торговля своим большим удельным весом выступила как сдерживающее начало общего уровня цен страны, и своим влиянием она не дала возможности сломить общую систему цен страны, вытекающую из основ экономической политики. Выступая как активное начало в плане, цена зачастую „корректировалась“ в сфере обращения, и не всегда цена как результирующая процессов народного хозяйства совпадала с ценою, predeterminedенною, predeterminedенною в плане.

Роль стихийных процессов в перераспределении через цены была все время довольно ощутима. Наряду с этим нужно категорически отвергнуть концепции, полагающие, что наша система цен сложилась и изменялась стихийно. Анализ показывает, что наша система цен ничего общего не имеет и не имела с системой довоенных цен и системой цен буржуазных стран. Система цен в СССР ярко отображает социально-политический характер нашего развития. Основная установка на социалистическую индустриализацию нашего народного хозяйства все время красной нитью проходит через систему цен, несмотря на наличие стихийно-рыночных отношений. Соотношения цен тяжелой и легкой индустрии, соотношения промышленных и сельскохозяйственных цен на каждом отрезке времени в основном и целом вытекали из переживаемого этапа и развития. Генеральные установки в области политики цен оставались неизменными. Вместе с тем всем механизмом ценообразования как сложнейшим инструмен-

тарием в его деталях мы не владели: процесс этот являлся функцией роста обобществления.

Концепция „экономических закономерностей“ Громана сводится именно к выхолащиванию социального фактора, социальных основ нашего ценообразования. Весь механизм ценообразования по этой „теории“ предоставляется на волю стихийно-рыночных факторов спроса и предложения. Несмотря на бурный темп индустриализации, наряду и вместе с ходом процессов обобществления, ценностные соотношения, по мнению Громана, останутся неизбылемыми. По Громану, чем больше удельный вес продукции промышленности в общей товарной массе страны, тем ниже цены, чем меньше удельный вес сельхозпродуктов, тем выше цены. Иначе говоря, тем выше предложение, чем ниже цены, и наоборот. В результате, согласно этой концепции, как бы мы ни форсировали темп индустриализации, рынок все это сгладит, нивелирует, и соотношение в ценностном выражении промышленности и сельского хозяйства за рамки 63 и 37 не выйдет. Подобная концепция не только ничего общего не имеет с действительностью, но она по существу явно противоречит всей динамике цен за истекшие годы. Процесс сближения „ножниц“ не стоял ни в какой функциональной зависимости от изменяющихся удельных весов товарных масс. Этот процесс в первую очередь отражал генеральную установку на систематическое и неуклонное снижение цен в обобществленном секторе; невзирая на прорывы цен в частном секторе, этот процесс означал рост реального благосостояния трудящихся. Рамки 63 и 37, несмотря на указанную политику цен, непрерывно прорывались в сторону увеличения удельного веса промпродукции в товарной массе страны даже в ценностном выражении. Эти соотношения находились все время в заранее предустановленном динамическом процессе. „Эмпирические закономерности“ — концепция, явно враждебная марксизму, берущая свои корни и питающаяся объедками психологической и англо-американской школы.

Роль рынка в процессе ценообразования с устранением частного капитала из всех пор сферы обращения, с окончательным упразднением элементов конкуренции в процессах обмена — сводится на-нет. Однако вместе с тем деньги как всеобщее мерило (по аналогии со всеобщим эквивалентом) в ближайшие годы не упраздняются; отсюда и наличие ценностного выражения как способа планового установления пропорции обмена. Это есть этап к переходу на оголенные, лишенные фетишизма отношения. Уже теперь натуральные показатели со всей силой начинают доминировать над рыночно-ценностными показателями. Изучение ценообразования на этой стадии уже упирается преимущественно в технико-экономические показатели производства, в размеры затрат средств, орудий производства и рабочей силы на воспроизводство единицы продукции. Размеры же затрат являются функцией эффективности капитальных вложений, функцией технического развития социалистического сектора и функцией энергетической вооруженности труда. Никаких „посторонних“ влияний на издержки производства в условиях упразднения рыночного обмена быть не может. Это относится в одинаковой мере к промышленности и к сельскому хозяйству, переходящему на иную техническую и социальную основу. Активным регулятором расширенного воспроизводства в этих условиях является норма прибавоч-

ного продукта, планомерно предустанавливаемая для каждой отрасли в отдельности. Если масса прибавочного продукта в целом будет определять общие размеры и темп воспроизводства социализируемого хозяйства, то установленная для каждой отрасли доля, в зависимости от экономической политики отдельных отрезков времени, будет определять размеры и темп воспроизводства каждой отдельной отрасли.

Трансформация сферы обращения из чисто рыночной сферы в сферу распределения мыслится как совокупность функций, связанных с распределением народного продукта через обмен. Сохраняемая ценностная оболочка, выполняющая исключительно счетную функцию, является прямым выражением хода процессов индустриализации страны на путях к развернутому социализму. Эта „цена“ будет фактором априорно предустановленного порядка, в отличие от рыночной цены как фактора апостериорного порядка, результирующего стихийные процессы народного характера и стихийно предопределяющего их. Действительная роль сферы обращения выступит в виде подчиненной и зависимой от развития производственных процессов. Период перерождения рыночных отношений в функции распределения будет знаменаться сближением экономических форм с их действительным содержанием, так наз. „поверхность явлений“ в условиях преобладания натуральных факторов должна все более приближаться непосредственно к факторам, определяющим эти явления. Именно в этом смысле мы говорим о технической роли сферы обращения по упразднению рыночных отношений. Техническую роль в данном случае следует понимать как окончательное упразднение мнимой автономии сферы обращения, а отнюдь не как умаление ее роли в народном хозяйстве. Как раз наоборот: если в капиталистических условиях сфера обращения является фазой кругооборота промышленного капитала, способствующей быстрейшему процессу метаморфоз отдельных форм капитала, а этим самым процессу реализации и созданию прибавочной стоимости, то в условиях упразднения стихийно-рыночных факторов на сферу обращения падает огромной важности задача распределения народного продукта, немислимого вне обслуживания (в широком смысле этого слова) всего народного хозяйства.

Проблема наиболее рационального и высококачественного обслуживания производственного и личного потребителя в исполнении сферой обращения своих распределительских функций является одним из основных качественных показателей народного хозяйства на путях к развернутому социализму. Показатели качества распределения не должны отставать, а должны способствовать наиболее эффективному развитию народного хозяйства. В данном случае под эффективностью следует разуметь не извлечение наибольшей прибыли, как это выглядит с точки зрения капиталиста, а достижение максимальной экономии потребителей в затрате труда на приобретение продукции. Организационные формы распределения должны соответствовать стадии технического развития производства, и показатели работы сферы обращения должны соответствовать уровню технико-экономических показателей производства, как функции сочетания определенного уровня техники с социалистической формой „производственных отношений“. В конечном итоге качество обслуживания потребителей является составным фактором, определяющим максимально эффективное использование производительных сил страны.

Высшим показателем обслуживания потребителей является обобществление сферой распределения всей массы труда, индивидуально расходуемого на процесс приобретения. Обобществление непродуцируемого труда будет косвенно влиять на рост производительности труда в сфере производства. От реализации в сфере обращения прибавочной стоимости ее функция сведется к плановому распределению народного продукта при максимальной эффективности в обслуживании потребителей.

Сфера обращения сама по себе в связи с бурным процессом индустриализации страны должна несколько сузиться. Рост комбинирования производства, приближение новых промышленных агрегатов к источникам сырья и топлива будет вместе с тем означать, что подавляющая часть средств производства будет переходить из одной отрасли в другую до конечного продукта, минуя сферу обращения.

Вместе с тем, ведущее начало тяжелой индустрии здесь еще в большей мере подчеркивается. Проблема примата производства над спросом всецело сохраняется. Но здесь „производство для потребления“ выталкивает капиталистическую формулу „производство для производства“. Диалектическая взаимозависимость между производством и потреблением сводится к тому, что состояние производительных сил страны (при данных производственных отношениях) на каждой стадии определяет уровень и структуру потребления, будучи само по себе подчинено мотиву потребления.

Рост благосостояния трудящихся на основах резких темпов расширенного воспроизводства является основным лейтмотивом процессов индустриализации страны. Но отсюда еще не следует, что самый уровень благосостояния не находится в функциональной зависимости от этих темпов воспроизводства, как раз наоборот.

Всякий продукт, подлежащий дальнейшей переработке, до вступления в сферу личного потребления не будет являться самостоятельным объектом сферы обращения, в отличие от капиталистического рынка, где в силу частнособственнической разобщенности средств производства любой полуфабрикат выступает на рынке как равноправный товар. Все отрасли производства, располагаясь по вертикальной зависимости, обслуживают последующие вне рыночных связей и отношений как единое замкнутое целое. Этим самым отпадает ряд издержек обращения, связанных, в первую очередь в капиталистических условиях с разобщенностью средств производства, где каждый товар каждого отдельного капиталиста подлежит реализации через рынок. Кроме того усиленный процесс комбинирования и приближения производства к источникам сырья и топлива сокращает механически ряд издержек обращения. Эти издержки обращения ничего общего с чистыми издержками обращения не имеют, всякие издержки на куплю-продажу исчезают, остаются преимущественно транспортные издержки. Эти издержки по своей природе ближе к издержкам производства, они в этих условиях ничем не отличаются от издержек по внутризаводскому транспорту. С упразднением последних остатков стихийно-рыночных отношений всякие издержки обращения характера *faux frais* должны исчезнуть. Из чистых издержек обращения сохраняются лишь издержки по учету—по ведению книг, которые в условиях распределенческой функции сферы обращения меняют свою эк. природу и содержание (социалистический

учет). Всякие издержки в процессе распределения, связанные с улучшенным обслуживанием потребителя, по своему характеру относятся к таким, которые Маркс называл гетерогенной формой издержек обращения. Транспортировка от производителя до непосредственного потребителя, упаковка, хранение и проч. являются основными затратами по проведению продуктов. Размер их в первую очередь будет зависеть от организационных форм распределения, тесно связанных с размерами и эффективностью капитальных затрат в элеваторное, холодильное и лавочное строительство. По существу это такой же технико-экономический показатель эффективности работ, как и в промышленности.

Маркс всегда подчеркивал необходимость четко различать совершенно отличную эк. природу различных категорий издержек обращения. С точки зрения капиталиста всякая затрата, произведенная в сфере обращения, является органически вытекающей и связанной с авансированным торговым капиталом, с функцией купли-продажи. Устранение мнимой автономизации сферы обращения должно сделать прозрачным существо этих категорий. Нужно сказать, что до настоящего времени нам нечем похвастаться в этом отношении. Наша торговая статистика переняла частно-купеческий принцип классификации так наз. издержек обращения. Ни о каком приложении схемы Маркса здесь говорить не приходится. Мы пошли еще „дальше“, придерживаясь исключительно юридического, чисто формального принципа: хозяйствующего субъекта в классификации этих затрат. У нас ухитряются, не моргнув бровью, зачислять в издержки обращения, скажем, мукомолье, мясокладобойное дело и прочее и прочее. Самые элементарные экономические понятия в „деловой сфере“ до того извращаются, что любому исследователю, желающему в конце-концов установить действительный размер издержек обращения и их характер, приходится об этом лишь мечтать. Зачастую торговая прибыль — категория довольно определенного экономического смысла — включается в издержки обращения, и все это вместе взятое преподносится под названием „наценки“, которую считают лишь синонимом издержек обращения. Такой „букет“ отдаст не совсем приятным купеческим душкам и способен лишь ввести путаницу.

Если целый ряд издержек или затрат в сфере обращения должен в результате социальной и технической реконструкции народного хозяйства сократиться или вовсе упраздниться, то вместе с тем ряд факторов в ближайшие годы будет вызывать рост издержек обращения. Не говоря уже об издержках по улучшению обслуживания потребителя, втягивание отдаленных полунатуральных окраин в товарный оборот страны, увеличение дальности прохождения продукта от производителя к потребителю — все это повлечет за собою, при прочих равных условиях, рост затрат в сфере обращения. С одной стороны, продукты сельского хозяйства будут проходить до своего конечного потребителя более длинный путь, а с другой — промтовары в силу денатурализации окраин должны будут также относительно удлинить свой путь прохождения. Но рост этих издержек, аналогично издержкам по улучшению обслуживания, будет косвенно влиять на рост производительности труда товаризируемых хозяйств, и в балансе мы безусловно будем иметь огромный народнохозяйственный эффект. Однако, этот рост будет продолжаться лишь до тех пор, пока начавшаяся географическая реконструкция про-

мышленности и транспорта не даст своих результатов. Дело в том, что процесс денатурализации народного хозяйства начался значительно раньше географической реконструкции промышленности и транспорта соответственно экономической и национальной политике советской власти. Отсюда территориальная реконструкция торговой сети должна была начаться значительно раньше географической реконструкции сферы производства.

Рост коллективизации сельского хозяйства, создание мощных социалистических сельскохозяйственных фабрик определяет ряд условий для снижения так наз. издержек обращения в работе заготовительных органов. Заготовка в распыленных индивидуальных хозяйствах требует относительно больших затрат, связанных с приобретением и аккумуляцией сельскохозяйственных продуктов. Закон непропорционального роста затрат с укрупнением производства, значительное сокращение издержек в связи с изменением социально-организационной структуры хозяйствования в первую очередь будет сказываться на издержках, связанных с распределением продукции. „Чем менее развито производство, тем (требуется — Ш. Т.) большая сумма купеческого капитала по сравнению с суммой товаров, вообще бросаемых в обращение“⁵, отсюда и больший размер издержек обращения. Снижение издержек обращения в связи с изменением социальных форм производства в сельском хозяйстве должно иметь место не только и не столько в связи с ростом товарной продукции, сколько за счет обобществления процессов труда. Снижение издержек обращения наряду со снижением сельскохозяйственных издержек производства в результате перехода на новую социально-техническую основу будет означать в народном хозяйстве значительное снижение трудовых затрат, связанных с воспроизводством единицы продукции. Вместе с тем концентрация сельскохозяйственного производства будет способствовать увеличению плотности населенных пунктов — организации социалистических сельскохозяйственных городов. А это в свою очередь создает предпосылки для более мощных, концентрированных распределительских предприятий, т. е. для создания не только укрупненных заготовительных, но и сбытовых организаций. Эффективность от социальной реконструкции сельского хозяйства будет распространяться не только на сферу производства, она будет сказываться непосредственно на сфере обращения в отношении сокращения затрат по проведению продуктов от производителя к потребителю. Вместе с тем упразднение внутридеревенского рынка при стопроцентном обобществлении сельского хозяйства означает значительную народнохозяйственную экономию.

До сих пор у нас существовало какое-то своеобразное отношение к внутридеревенскому обороту; этот рынок весьма редко попадал в поле анализа; обычно оперировали исключительно с внедеревенской товарной массой. Между тем издержки по внутридеревенскому обороту довольно велики, и их нельзя игнорировать в изучении чистой рентабельности и выявления социальных факторов ценообразования. Издержки обращения внутрикрестьянского оборота отличаются от прочих издержек обращения тем, что они носят чисто классовый характер. Эти издержки связаны с социальной дифференциацией деревни, с необходимостью маломощных хозяйств вступать в рыночные

⁵ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1.

отношения с верхушечными слоями деревни по линии продуктов питания и средств производства. Вполне понятно, что эти издержки с ходом процессов обобществления средств производства отмирают.

Наряду с этим техническая реконструкция сельского хозяйства вызывает по другой линии рост издержек обращения, вытекающих из денатурализации самых средств и орудий сельскохозяйственного производства. Структура себестоимости крестьянского хозяйства до последних лет была такова, что удельный вес материальных затрат составлял несколько больше 30%; все прочее падало на труд, причем удельный вес затрат на тяговую силу в общей сумме производственных затрат по земледелию составлял всего лишь 10-11% (в том числе механическая тяга исчислялась едва ли одним процентом). Тяговая сила базировалась на животной энергии. Удельный вес амортизации орудий производства определялся в 1,0—1,5%. Плуг, соха и даже буккер занимают еще солидное место в технике пахоты, а в отдельных производящих районах являются преобладающим типом орудия производства. Удобрения в среднем в производственных затратах занимают 4%. Если сравнить с этим структуру затрат в совхозах за тот же период, то здесь прежде всего выступает различное органическое строение затрат в связи с разнородной социально-технической основой производства. Удельный вес тяговой силы в совхозах еще в 1926/27 г. занимал (в земледелии) около 25%, причем больше половины ее приходилось на механическую тягу. Амортизация как показатель технического уровня здесь занимала свыше 6% от производственных затрат. Само собою разумеется, что процесс коллективизации индивидуальных хозяйств тесно связан с изменением структуры затрат в сторону повышения ее органического строения. Внедрение машинного способа обработки засева и прочих производственных процессов само собою упраздняет доморощенные натуральные орудия производства, которые теперь для того, чтобы попасть в сферу производственного потребления, должны будут пройти через сферу обращения. Внедрение химических удобрений будет связано с аналогичными процессами. Всякие смазочные и ремонтные материалы для поддержания машин вытесняют в значительной мере натуральные средства производства для воспроизводства рабочего скота. Удельный вес мускульной человеческой энергии в структуре издержек производства резко уменьшится. Издержки обращения, связанные с денатурализацией самих процессов производства, — увеличиваются. Здесь явно выступает непосредственная зависимость издержек обращения от размеров и структуры издержек производства.

В результате социальной и технической реконструкции деревни мы будем иметь ряд факторов, различно определяющих размер и структуру издержек обращения. Наряду со снижением мы будем иметь и повышение. Социальная однородность всей сферы обращения устранит всю массу издержек обращения, связанных со стихийно-рыночным характером сферы обращения.

В этих условиях проблема торговой прибыли и торгового капитала приобретает совершенно иное экономическое содержание. Категория торговой прибыли как функция „самостоятельности“ сферы обращения уничтожается и заменяется определенной долей национального продукта, планово определяемого для максимальной эффективности в выполнении сферы обращения своих распределенческих

функций. Сюда относятся средства на капитальное строительство, связанное с хранением, сохранением, транспортировкой и непосредственным распределением сферой обращения вновь созданного продукта. Аналогично тому, как и всякая отрасль производства будет участвовать в получении доли прибавочного продукта в зависимости от размеров и темпов ее воспроизводства, точно так же сфера обращения будет по объему и качеству расширяться в зависимости от потребностей народного хозяйства; а этим последним и будет определяться ее участие в распределении прибавочного продукта. Отсутствие возможностей свободного перелива капиталов, наличие основных командных высот в руках социалистического сектора означали немалое воздействие на норму прибыли в частном секторе. Кроме того, классовая дифференцированная политика налогового обложения, система кредита и тарифная политика являлись достаточно мощным вспомогательным орудием в распределении прибавочного продукта. При помощи этих рычагов мы корректируем рыночное распределение прибавочного продукта. Однако это еще не означает, что план охватывает всю массу прибавочного продукта страны и планомерно перераспределяет. Явление нерациональной аккумуляции части национального дохода в различных сферах при наличии рыночных отношений имели конечно место. Вместе с тем, мы имеем полнейшую свободу маневрирования прибавочным продуктом, аккумулярованным в результате в социалистическом секторе.

Как известно, темп расширенного воспроизводства страны определяется в конце-концов размерами и темпом воспроизводства тяжелой индустрии. Размер такого воспроизводства в капиталистических условиях строго определен нормой прибыли, а отсюда и размером накопления I подразделения (производство средств производства) или капиталистами тяжелой индустрии. Всякая отрасль (ее воспроизводство) в этих условиях определяется массой реализованной ею прибавочной стоимости. Возможность перераспределения „прибылей“ в наших условиях между отраслями, а также между тяжелой и легкой индустрией в пользу первой, создает предпосылки значительно больших темпов воспроизводства по сравнению с капиталистическим строем. Упразднение необходимости воспроизводства буржуазно-помещичьего класса само по себе определяет значительно превосходящие темпы воспроизводства наряду с относительно более быстрым темпом роста благосостояния трудящихся. Общественное разделение труда в капиталистическом обществе пуповиной связано с единой нормой прибыли, с обособленным характером средств производства, а отсюда и мнимая автономия отдельных отраслей промышленности, отдельных сфер народного хозяйства и отдельных капиталистов. Ликвидация основных капиталистических категорий меняет существо общественного разделения труда. Производственные отношения как чисто классовые отношения создают категорию торговой прибыли как функцию самостоятельного бытия. Упразднение классовых отношений предполагает вместе с тем и упразднение резких граней между общественным и техническим разделением труда. Род деятельности, выполняемая функция в различных отраслях народного хозяйства будут отличаться друг от друга лишь характером трудовых процессов, связанных с созданием и распределением материальной и культурной продукции народного хозяйства. С этой точки

зрения сфера обращения, выполняющая функции распределения, перестает быть носителем особых экономических категорий. Торговая прибыль заменяется планоупреустановленной долей прибавочного продукта, необходимого сфере обращения для выполнения своих распределенческих функций; объем, размер и качество последних являюся, в свою очередь, производными от темпов расширенного воспроизводства.

Если проследить процесс развития и возникновения нашего торгового капитала, то здесь мы имеем в основном три этапа: в начале и в первый период напa основным источником торгового капитала является промышленность; в следующем этапе, до 1926/27 г., протекает накопление „собственного“ торгового капитала; и, наконец, третий этап, характеризующийся бурным темпом роста кооперации, прибавляет к прибылям и средства за счет паенакопления.

Если промышленность получила в „наследие“ от довоенного периода все же кое-какой основной капитал, то торговля не получила ни основного, ни тем более оборотного торгового капитала. Нужно сказать, что до войны чувствовалось резкое недостаточное развитие основного капитала в торговле. Концентрированность и мощьность довоенного торгового капитала базировалась не на прочной и мощной технической основе; эта концентрированность больше походила по аналогии на мануфактурное развитие, нежели на фабрично-заводское. До войны чувствовалась большая диспропорция между техническим уровнем промышленности и технической базой сферы обращения. Зачастую развитие экспорта упиралось в слабо развитую техническую базу торговли. Элеваторы, склады, хранилища, холодильники, техническая сортировка и проч. не соответствовали процессам кругооборота промышленного капитала. Эта узкая техническая база дает себя чувствовать на всем пути восстановительного периода, а также и в настоящее время.

Для стопроцентного обобществления мясной, молочной и овощной продукции требуется определенный размер и состояние основного капитала. Отсутствие или далеко недостаточное развитие последнего зачастую затрудняли борьбу с частным капиталом. Аккумуляция в руках обобществленного сектора всей зерновой товарной массы требовала определенного развития элеваторного дела. Рост народнохозяйственной продукции страны в темпах, неведомых и чуждых любой капиталистической стране, все более настойчиво начинает предъявлять соответствующие требования к технической базе сферы обращения. Географическая реконструкция торговой сети предшествовала географической реконструкции промышленности. Старая довоенная торговая сеть с первых же годов восстановительного периода была явно недостаточной для участия сферы обращения в социальной реконструкции народного хозяйства. Строительство новой чисто распределенческой сети, связанное с нашей экономической и национальной политикой, требовало и требует вместе со строительством капитального характера аккумуляции довольно значительных средств.

Указанные три этапа развития советского торгового капитала в первую очередь относятся к оборотным средствам, а отнюдь не к основному капиталу, который лишь в самое последнее время начинает развиваться. Доля участия сферы обращения в распределении прибавочного продукта страны должна в ближайшие годы несколько

увеличиться. Упразднение частного торгового оборота, вовлечение окраинных и далеких районов в сферу обмена, улучшение обслуживания потребителей, развития экспорта и борьба за мировые рынки с капиталистическими странами вызывают необходимость затрат в сфере обращения в ближайшие годы в значительных размерах. Оборотные средства сферы обращения должна и будет черпать в первую очередь за счет потребителя в форме паенакопления, вкладов, целевых взносов и т. д. Никакой иной природы оборотного торгового, или вернее распределенческого, „капитала“ на путях к развернутому социализму очевидно в настоящее время быть не может.

Техническая база сферы обращения в значительной мере связана и с проблемой запасов. Если товарный запас в условиях борьбы с частным сектором является одним из основных рычагов экономического воздействия и пространственного маневрирования при недостаточном развитии торговой сети, то с упразднением рыночных отношений и переходом на систему распределения роль запасов ослабевает. Здесь в первую очередь запас выступает в роли „ликвидатора“ так наз. сезонных напряжений. Сезонность, связанная в капиталистических условиях со спекулятивной игрой на сверхприбыли, с рыночными заминками и напряженностью, должна в условиях планового распределения исчезнуть.

Наличие частного рынка не дает возможности окончательного устранения сезонных колебаний и временных рыночных напряжений. Но само наличие запасов в первую очередь предполагает развитую складскую, элеваторную, холодильную и проч. сеть. Капиталистический рынок не ставит себе задачи равномерного распределения товарооборота в пределах года. Наоборот, природные явления в виде смены сезонов, отдельных времен года, отдельных отрезков времени, а отсюда колебание спроса и предложения тех или иных „сезонных товаров“ капиталистический рынок старается усугубить для резких подъемов цен. Монополистический капитализм идет в этом отношении еще дальше, создавая искусственные „сезоны“ умышленным задерживанием выпуска на рынок того или иного товара или одновременным выпуском товаров, значительно превосходящим спрос. Сезонность в этих условиях является моментом, усугубляющим конкуренцию, переходящую в прямую спекуляцию. Подобные явления с устранением рынка сами по себе отпадают; однако необходимость бесперебойного удовлетворения производственного и личного спроса вне зависимости от различных сезонных явлений в пределах года требует подведения под сферу обращения соответствующей технической базы. Этим самым будет устранено так наз. сезонное напряжение промышленности и транспорта и равномерное использование основного капитала и подвижного состава.

В заключение остановимся вкратце на проблеме спроса в связи с технической базой распределения. Рост благосостояния трудящихся, начавшийся далеко до наступления технической реконструкции промышленности и сельского хозяйства, вызывает изменение структуры спроса. Реконструкция спроса как социально-историческое явление восстановительного периода при старой технической производительной базе являлась в некоторой степени элементом, обострявшим товарный голод на отдельные продукты. Изменяющаяся и изменяющаяся структура продукции в связи с ростом благосостояния предъявляет все новые требования к сфере обращения. Иная более высокая струк-

тура проводимой продукции требует иных технических условий в сохранении и распределении продукции. Увеличение удельного веса скоропортящихся продуктов, более тонких тканей и обуви, вызывает необходимость соответствующей реконструкции технической базы сферы обращения.

Вопросы эти являются темой для специального анализа; всего этого в пределах одной журнальной статьи сделать нельзя. Во всяком случае, находясь накануне создания генерального плана построения социализма, необходимо себе четко представить в этих условиях трансформационную роль отдельных экономических категорий, выступающих на арену в результате упразднения рыночных отношений обмена. Это конечно не должно означать, что уже на сегодняшний день мы имеем окончательную ликвидацию стихийных элементов в народном хозяйстве. Такой взгляд означал бы нежелание видеть и участвовать в идущей обостренной и обостряющейся изо дня в день классовой борьбе. Все трудности на этом пути еще далеко не преодолены, классовый враг напрягает последние усилия на очередные вылазки. Однако ходом истории предreshено, кто в этой борьбе победит, ходом истории предreshено, что обостренная классовая борьба должна привести к бесклассовому обществу. Дать основные вехи построения такого общества выпадает на долю очередного перспективного плана—генерального плана построения социализма в СССР.

„ПРОИЗВОДСТВО, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБМЕН И ПОТРЕБЛЕНИЕ“ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ И В ПЕРЕХОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ ¹

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ И НАЛОГИ

Переходное хозяйство (от капитализма к коммунизму) является системой, образованной разными „секторами“, или укладами, развивающейся в сторону превращения в социалистическое хозяйство. Отношение „обобществления“ есть основное отношение переходного хозяйства. Ясно, следовательно, что схема воспроизводства переходного хозяйства может быть представлена только в том случае, если помимо взаимоотношений отдельных отраслей производства эта схема покажет также и различный характер общественных отношений, которыми охвачены эти отрасли. При этом развитие в сторону социализма должно в схемах сказаться повышением удельного веса социалистического сектора, так как без этой тенденции нет переходного хозяйства. Схемы могут включать минимум два сектора, социалистический и частный, но картина развития переходного хозяйства будет гораздо более четко выявлена, если частный сектор будет разбит на капиталистический и мелкотоварный. Имеем, следовательно, следующий исходный пункт схемы воспроизводства:

<u>Секторы:</u>	<u>Производство:</u>
1) социалистический	I средств производства II „ потребления
2) капиталистический	I „ производства II „ потребления
3) мелкотоварный	I „ производства II „ потребления
Общая продукция народного хозяйства	I „ производства II „ потребления

Далее, схема должна показать, как реализуется эта продукция, и здесь мы сразу встречаемся с целой группой усложняющих моментов по сравнению с условиями чистого капитализма. Прежде всего, поскольку схема должна показать динамику соотношений секторов, она не может ограничиться рассмотрением движения одной только продукции, так как изменения могут происходить и с той частью основного капитала, стоимость которой не перешла еще на продукт. Например национализация производственных частных

¹ Статья помещается в порядке обсуждения—*Ред.*

предприятий, изъятие налогами не только дохода частного предприятия, но и его капитала, кооперирование мелких производителей и т. д. Все эти моменты должны быть включены в схему, которая, следовательно, обязательно должна включать движение всего основного капитала, а не только той его части, стоимость которой перенесена на продукт. Конечно, поскольку по многим причинам важно иметь представление о продукции и доходе хозяйства, постольку движение капиталов может быть в схеме выделено особо.

В движении основных капиталов (той их части, стоимость которой не перенесена на продукт) обмен играет очень незначительную роль (возможна продажа „имущества“ в обмен на средства потребления или для уплаты налогов и т. д.), главным образом их движение совершается иными методами: конфискация, кооперирование и т. д. Но обращаясь к продукции, мы и здесь найдем, что ее „реализация“ значительно отличается от реализации в условиях чистого капитализма. В капиталистических условиях стоимость продукции распадается на $C + V + M$ и соответственно этому происходит и ее реализация: часть, соответствующая C , в виде средств производства присоединяется к функционирующему капиталу, часть, соответствующая V , в виде средств потребления потребляется рабочими, а часть, соответствующая M , распадается на средства производства и средства потребления рабочих (накапливаемая часть M) и на средства потребления капиталистов. Производство идет бесперебойно, если расширенное V плюс потребляемая часть $M =$ расширенному C (и если, конечно, производится именно те потребительные стоимости, которые требуются). Вся эта реализация совершается на рынке путем обмена, причем предполагается, что налицо имеется и потребное количество средств обращения, денег или кредита.

В схемы воспроизводства переходного хозяйства обязательно должен быть включен мелкотоварный сектор. Продукция этого сектора только отчасти „идет на рынок“, в значительной своей части эта продукция не является товарной, но ясно, что учитываться должна вся продукция этого сектора—как товарная, так и нетоварная ее часть. При анализе „реализации“ продукции этого сектора неполная ее „товарность“ должна быть обязательно учтена. Далее, в продукции мелкотоварного сектора можно выделить часть C , соответствующую стоимости, перенесенной со стоимости средств производства, но вновь созданная стоимость здесь не состоит из $V + M$, ибо здесь ни зарплаты, ни эксплуатации нет. Вновь созданная стоимость здесь распадается на „необходимый“ продукт—фонд потребления производителя, и прибавочный продукт, который может пойти на расширение производства мелкого хозяйства, но отчасти может быть изъят из этого хозяйства в пользу других секторов через неэквивалентный обмен, налоги и т. д.² Следовательно, „реализация“ продукции мелкотоварного сектора может произойти путем „изъятия“ без эквивалента этой продукции в пользу других секторов.

Налоги существуют конечно и в капиталистическом обществе; однако, анализируя схемы воспроизводства во II томе, Маркс от них абстрагировался. В плане своей работы по исследованию „капитала“, Маркс намечал также и анализ налогов³.

² Может быть „изъята“ и часть, соответствующая C , но это относится к анализу движения капиталов и здесь может не рассматриваться.

³ К. Маркс, Введение к критике политической экономии.

Но на определенной стадии анализа воспроизводства Маркс не только мог, но и должен был от налогов абстрагироваться: это облегчает понимание сущности анализируемых отношений. Но при анализе воспроизводства переходного хозяйства от налогов абстрагироваться нельзя. Дело в том, что в капиталистических условиях вся сумма налогов предоставляет фонд непроизводительного потребления ⁴. Поскольку зарплата рабочих предполагается по стоимости, равной сумме их потребления, и поскольку государство есть орган буржуазии, защищающий ее интересы, постольку расходы, производимые за счет налогов в капиталистических условиях, могут быть рассматриваемы как реализация M в той части, которая идет не в накопление, а в потребление капиталистов. При этом ясно, что все товары, которые „обмениваются на налоги“, т. е. купленные чиновниками, содержащимися на налоги, или учреждениями, содержащимися на налоги, являются средствами потребления, независимо от характера их применения.

На этом вопросе придется остановиться более подробно, так как здесь наблюдается у многих путаница. Например, т. Преображенский считает, что „прибавочный продукт этого же подразделения (т. е. производство средств производства госсектора—*В. Р.*) распадается: 1) на фонд накопления, который распределяется пропорционально между C и V с соответствующим разменом добавочного V на средства потребления; 2) на фонд непроизводительного потребления. Последний фонд потребления *in natura* в самом же подразделении только в виде средств производства военной промышленности, а в остальной части идет в размен со вторыми подразделениями всех секторов ⁵. Итак, фонд непроизводительного потребления потребляется „*in natura*“ в подразделении, производящем средства производства. Здесь многократная путаница. Пока остановлюсь на следующем: если „потребление“ продукции военной промышленности есть „непроизводительное потребление“, то эта промышленность ни в коем случае не может быть отнесена к 1 подразделению, т. е. к производству средств производства.

Патроны, ружья, пулеметы, пушки, казармы и т. д. являются средствами потребления, следовательно станки, их производящие, точно так же, как и сырье, из которого они производятся, являются средствами производства средств потребления, а не средств производства. Военная промышленность таким образом должна быть отнесена к подразделению II, хотя содержится на части m обоих подразделений.

Но здесь мы встречаемся со следующими затруднениями. По Марксу: Весь продукт, а следовательно и все производство общества распадается на два больших подразделения:

I. Средства производства, товары, имеющие форму, в которой они должны войти или по меньшей мере могут войти в сферу производительного потребления.

II. Средства потребления, товары, имеющие форму, в которой они входят в сферу индивидуального потребления капиталов и рабочего класса ⁶. Маркс почти везде противопоставляет

⁴ Ниже на этом моменте придется остановиться подробнее.

⁵ Е. Преображенский, Хозяйственное равновесие в системе СССР — статья в „Вестнике Коммунистической академии“ № 22, с. 32, разрядка моя—*В. Р.*

⁶ К. Маркс, Капитал, т. II, пзд. 23 г., с. 369—70, последняя разрядка моя—*В. Р.*

производительному потреблению — индивидуальное⁷. Значит ли это, что всякое „неиндивидуальное“ потребление есть производительное потребление? Ясно, что нет. Например, если о шинели солдата еще можно говорить, что она находится в его индивидуальном потреблении, то о ружье это уже трудно сказать, а о пушке совсем невозможно. То же самое по отношению к канцелярским принадлежностям и оборудованию, употребляемым государственными и муниципальными чиновниками и т. д. Ясно, что во всех этих случаях, мы имеем дело с непроизводительным потреблением, хотя оно не является „индивидуальным“ потреблением, и производство всех этих продуктов относится конечно к подразделению II, а не I.

Почему же в таком случае Маркс все непроизводительное потребление называет „индивидуальным“?⁸ Из сказанного выше о налогах, ответ на поставленный вопрос вытекает сам собой: та часть прибавочной стоимости, которая не накапливается, идет на „личные“ нужды капиталиста, часть этих „личных“ нужд капиталисты удовлетворяют организованным путем через свой исполнительный комитет — государство. При более конкретном анализе конечно пришлось бы ввести и налоги как метод непроизводительного использования прибавочной стоимости. Но, поскольку Маркс от налогов абстрагировался, постольку вся ненакопленная часть M может рассматриваться как идущая на „индивидуальное“ или „личное“ потребление капиталиста. Во всяком случае ясно, что она не идет в производительное потребление.

Итак, в капиталистических условиях мы можем рассматривать реализацию продукции, абстрагируясь от налогов. В условиях переходного хозяйства этого делать нельзя. Даже если б вся сумма налогов в переходном хозяйстве тратилась так же, как и в капиталистическом — непроизводительно, даже и тогда нельзя было бы абстрагироваться от налогов, так как это непроизводительное потребление имеет своим источником прибавочный труд различных секторов и „тяжесть“ налогов не во всех секторах одинакова. Тем более нельзя абстрагироваться от налогов, когда значительная часть их тратится производительно. Ведь в этих условиях „непроизводительное потребление“ мелкотоварного сектора может в сущности оказаться расширенным воспроизводством в секторе социалистическом.

Следовательно, если по стоимости продукция мелкотоварного сектора образуется из перенесенной стоимости C плюс вновь созданная стоимость (назовем ее N), то по реализации она распадается на $C + V + M$ (прибавочный продукт). Последний в свою очередь распадается на $C + V$, или накапливаемую в том же секторе часть прибавочного продукта и на часть прибавочного продукта, изъятую неэквивалентным обменом, налогами и т. д.; назовем ее — H . Это H может быть частью непроизводительно потреблено, частью может пойти на накопление в других секторах, оно может временно снижаться до незначительных размеров, но может также захватить и весь M , или прибавочный продукт мелкого производителя.

Схематическое изображение воспроизводства в капиталистическом секторе не представляет особых затруднений. По сравнению

⁷ См. там же, с. 116, 120, 297 и след.; в последнем месте употреблено слово „личное“.

⁸ Ниже мы увидим, что есть еще один вид потребления, требующий самостоятельного рассмотрения.

с условиями капитализма должно быть выделено из M часть H , т. е. „изъятие“ в пользу других секторов. Весь продукт сектора, следовательно, распадается на $C + I + (M - H) + H$.

Производство социалистического сектора по стоимости образуется так же, как и продукция мелкотоварного сектора, из $C + I$, при реализации распадается на $C + I + M$. I , т. е. условная зарплата, включается, как зарплата, действительно полученная рабочими, т. е. включая страховые и т. п. выдачи, но исключая налоги и т. д. M — прибавочный продукт сектора — отчасти идет в накопление, отчасти на непродуцируемое потребление через госаппарат. С другой стороны, социалистический сектор получает при реализации часть изъятий из других секторов, часть H . Поэтому если в каждом воспроизводственном цикле в социалистическом секторе тратится капитал K , равный $C + I$, причем это K все увеличивается, то этот прирост K составляется всегда из накопления собственного прибавочного продукта, из присоединения части продукции других секторов и из присоединения части капитала других секторов. Если отвлечься от движения основного капитала, стоимость которого не перенесена на продукт, то продукция социалистического сектора распадается на части $C + I + M$, а капитал в новом цикле производства будет равен $C + I +$ часть $M +$ часть (произведенная в других секторах) H .

Реализация продукции всех секторов осложняется тем, что продукция их распадается на средства производства и средства потребления и не в одинаковых пропорциях. Должен, следовательно, произойти обмен отдельными частями продукции как внутри отдельных секторов, так и между отдельными подразделениями разных секторов. Но прежде, чем перейти к анализу условий этого обмена, необходимо остановиться еще на одном, имеющем кардинальное значение, моменте.

СФЕРА ПРОИЗВОДСТВА И СФЕРА ОБРАЩЕНИЯ

Когда мы выше признали, что потребление канцелярских принадлежностей чиновником или военных припасов солдатом является непроизводительным потреблением, то этим самым мы признали и труд этих лиц непроизводительным. Этот труд приравнивается, следовательно, труду личного обслуживающего персонала (горничная, лакей и т. д.). Кроме того, встает вопрос о труде агентов обращения. По вопросу о производительном и непроизводительном труде в марксистском лагере, как известно, происходит дискуссия, причем особенная путаница начинается при попытках применения этих категорий к социалистическому и тем более, к переходному хозяйству.

Представителем точки зрения наиболее расширительного толкования „производительного труда“ в нашей среде можно считать т. Струмилина. В сущности говоря, по Струмилину непроизводительным будет только „труд“ инвалида (труд получения пенсии), нищего, вора, грабителя и т. д. Все остальные, действительно без кавычек, виды труда, независимо от того, в какой сфере они производятся, будут трудом производительным. Например, поскольку духовенство служило лучшей охраной интересов господствующей буржуазии, и его „труды“, наравне с услугами охраны, идеологами этого класса на том же

основания могли быть зачтены в разряд „производительных“⁹. Как видим, здесь полное отсутствие даже намека на марксистский метод: сущность понятия изменяется в зависимости от „точки зрения“ „идеологов“ того или иного класса. Если применить эту „точку зрения“ к другой категории, например, к прибыли, то, по Струмилину, только с „точки зрения“ пролетариата она есть результат эксплуатации, с „точки зрения“ же „идеологов“ буржуазии, прибыль есть результат труда капиталиста. Интересно, считает ли т. Струмилину, что „такое различение с точки зрения капиталистических взаимоотношений вполне последовательно“¹⁰ только по отношению к категории производительного труда или эта „последовательность“ имеет силу по отношению ко всем категориям капиталистического хозяйства.

Прямолнейность точки зрения т. Струмилина в этом вопросе марксистам мало разделяется, однако промежуточных точек зрения придерживаются многие. Особенно большим камнем преткновения являются проблемы труда в сфере обращения и труда по оказанию так наз. услуг. Остановимся на каждой из них в отдельности.

Что стоимость и прибавочная стоимость создаются только в производстве и что ни атома прибавочной стоимости в обращении не создается—это азбучная истина. Но из этого прямо следует, что не может быть производительным труд, занятый в сфере обращения¹¹. Поэтому для тех, кто считает, что производство и обращение это не одно и то же, никакой производительности труда в сфере обращения быть не может, хотя бы капиталист-торговец и считал своих служащих высокопроизводительными работниками. Этим можно было бы ограничиться, если бы проблема не возникла еще и в другой постановке. В сфере обращения ведь тратится не только живой труд, но и труд прошлый, зафиксированный уже в продуктах: книги бухгалтерские, бумага, конторское оборудование и т. д. Кроме того обращение обслуживается деньгами, которые тоже не падают с неба, а производятся. Возникает вопрос, куда отнести потребление всех этих вещей,—к производительному или индивидуальному потреблению? Так как ясно для каждого, что они в индивидуальное потребление капиталиста, а тем более рабочего, не входят, то остается отнести их в сферу производительного потребления. Но таким образом мы и труд, их применяющий, делаем производительным трудом и торгового и конторского служащего—производительным рабочим. Очевидно, что в приведенных умозаключениях что-то „не в порядке“.

В нашей литературе разбираемая проблема анализировалась главным образом под углом зрения определения места золота в марксовых схемах. Как известно, Маркс во втором томе уделил большое внимание вопросу об источнике денег. Но для него проблема заключалась в следующем: для ведения предприятия капиталист авансирует денежный капитал, равный $C + V$, но товарный продукт заключает в себе и прибавочную стоимость. Кажется, что как будто должна существовать особая проблема об источнике денег для обращения прибавочной стоимости, так как не могут

⁹ С. Т. Струмилин, Народный доход СССР, ст. в „Плановом хозяйстве“ № 8, 1926, с. 148.

¹⁰ Там же, с. 143, разрядка моя.—Б. Р.

¹¹ Ясно, что речь здесь идет о труде обращения, как такового, которого не следует конечно смешивать с транспортом, развеской и т. д.

ведь сами капиталисты авансировать на это деньги: что это за прибавочная стоимость, если она покупается капиталистами? Маркс при этом показывает, что „проблема“ не изменяется от того, будет ли происходить накопление или нет: если прибавочная стоимость равна, предположим, X, то денег для ее обращения нужно одно и то же количество, независимо от того, потребляется ли она капиталистами целиком или более или менее значительная часть этого X будет накоплена. Итак, откуда берутся деньги для обращения прибавочной стоимости?—Из кармана капиталиста, отвечает Маркс. Капиталисты действительно „покупают“ прибавочную стоимость, но так как покупают они ее у себя же, то в конце концов к ним обратно возвращаются авансированные на это деньги, а товары, представляющие прибавочную стоимость, распределяются соответственно вкусам капиталистов и потребностям накопления. Поэтому-то Маркс и считает, что „вопрос заключается лишь в следующем: откуда берутся деньги для обмена всей этой товарной стоимости?—но отнюдь не в том: откуда берутся деньги для превращения в деньги прибавочной стоимости“¹². На этот вопрос Маркс отвечает, что предполагая капиталистическое производство, мы должны предположить, что в нем уже имеется достаточный запас денежного материала, делающий возможным обращение производимых капиталистами товаров. Поскольку же наблюдается необходимость увеличения этого запаса, постольку это происходит в результате работы золотопромышленности. При этом Маркс заметил: „Производство золота, как и вообще производство металлов, относится к классу I, к категории, которая охватывает производство средств производства“¹³. Вокруг этого-то места и развернулась дискуссия. Если понимать это место так, что и денежный материал производится первым подразделением (т. е. производящим средства производства), то деньги становятся средством производства, а торговля и банковое дело—производительным трудом. Поэтому Роза Люксембург, заявив: „Мы уклоняемся от Маркса“,—предложила выделить производство „денежных средств“ в третье подразделение. Против нее выступил Позняков, считающий, что третьего подразделения не нужно, но что производство денег должно быть отнесено одновременно к обоим подразделениям. Ему возражал Гиммельфарб¹⁴, ставший на защиту Маркса от „ревизионистов“ Люксембург, Познякова и др.

Статья Гиммельфарба мало интересна, и здесь нет надобности на ней останавливаться¹⁵. Точка зрения Познякова заслуживает большего внимания. Вот его основные положения: „В I подр. входят все отрасли, производящие средства производства, во II—все производство средств потребления. Золото не падает с неба, оно производится, в том числе производится и золото для нужд денежного обращения; стало быть мы имеем особую отрасль производства—золотопромышленность,

¹² Кстати, если у Р. Люксембург была хоть видимость „проблемы“, то это именно та, к какой здесь Маркс так презрительно относится. „Капитал“, т. II, с. 449—50.

¹³ Там же, с. 446, разрядка моя.—Б. Р.

¹⁴ См. статью в журн. „Под знаменем марксизма“ № 5, 1928.

¹⁵ Приведу для характеристики теоретического уровня статьи только одно место: „Производство золота должно войти в I раздел производства средств производства, так как обращение—это капиталистическое производство sui generis, производство „обращения“, присущее только товарному обществу, а с точки зрения потребления износ монет в обращении—это своеобразное производительное потребление“ (указ. ст., с. 211—12).

которая так или иначе должна войти в схемы“¹⁶. „В вопросе о производстве (или воспроизводстве) золота как денежного материала только и возможна контраверза между отнесением его к первому или второму подразделению; нельзя сконструировать никакого самостоятельного третьего подразделения, вполне аналогичного двум первым“¹⁷. „Если мы в целях анализа и выделим третье подразделение и, не следуя примеру Р. Люксембург, попробуем приписать его не чисто механически к двум подразделениям Маркса, а органически увязать с ними, исходя из основных законов простого или расширенного воспроизводства, то сейчас же и обнаружится, что эта третья строка по существу явится лишь выделенной частью первого или второго подразделения“¹⁸. „Для наглядности проиллюстрируем на числовом примере.

В первом случае:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 3\ 980C + 995V + 995M = 5\ 970 \\ \text{II. } 2\ 000C + 500V + 500M = 3\ 000 \\ \text{III. } 20C + 5V + 5M = 30 \end{array}$$

а во втором случае:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 4\ 000C + 1000V + 1000M = 6\ 000 \\ \text{II. } 1\ 980C + 495V + 495M = 2\ 970 \\ \text{III. } 20C + 5V + 5M = 30. \end{array}$$

..., Различие этих двух данных нами схем очень существенно, если мы проследим реализацию в них.

И далее Позняков показывает, что производство денег не может быть включено в I подразделение, так как деньги не могут служить „naturaliter“ средством производства. Реализацию во втором примере Позняков не прослеживает. Но на с. 108 он заявляет: „Я же полагаю, что производство золота можно относить и к I и ко II подразделению, и в зависимости от обстоятельств это будет правильно или неправильно, и в том и в другом случае все дело заключается в различии предпосылок“... „Конечно, если на золото смотреть просто как на сырье, а фактически это и имеет место, тогда все производство золота должно быть включено в производство средств производства. Практически это так и есть: в денежное обращение практически оно протекает не прямо, оно проходит еще монетный двор, где оно надевает на себя национальный монетный мундир“... „На этой стадии исследования государства еще не дано, следовательно, мы и монетный двор должны мыслить себе организованным капиталистически“ (с. 110). Далее описывается, как происходит обмен между золотопромышленностью и монетным двором, с одной стороны, и монетным двором и остальными отраслями, с другой стороны. В частности, накопление прибавочной стоимости в виде денежного сокровища „происходит в результате обменов между всеми остальными отраслями II подразделения и монетным двором—этой особой отрасли второго подразделения“ (с. 111).

Итак, сначала доказывается, что производство денежного материала не может быть отнесено к подразделению I, так как деньги не могут служить элементом производства. Затем вводится капиталистическое предприятие—монетный двор, покупающее золото как сырье

¹⁶ Позняков, статья в журн. „Под знаменем марксизма“ № 1, 1929, с. 95.

¹⁷ Там же, с. 99—100.

¹⁸ Там же, с. 101.

для своего производства и продающее готовый товар—деньги. Этим производство денег разбивается на две фазы, из которых одна—производство сырья—относится к первому подразделению, а вторая—чеканка монеты—ко второму. От „различия предпосылок“ определится, относить ли производство денежного материала к подразделению I или II: есть монетный двор—относи к I, нет монетного двора—относи ко II. Остроумное и глубокое разрешение проблемы. К сожалению, оно только основано на отсутствии у автора представления о сущности разбираемых явлений.

Во-первых, если нет государства, то нет и монетного двора, ибо последний непременно предполагает авторитет и монополию государства. Но предположим на минуту, что монетный двор — капиталистически организованное предприятие. Можно ли даже в этом случае представить себе дело так, что это предприятие покупает свое сырье и продает свой готовый товар? — Ведь это же явная чепуха! Золото не имеет цены и не может продаваться и покупаться, оно может только покупать другие товары. „Обмен“ золота на чеканную монету не есть продажа товара. Монетный двор не покупает сырья, а только продает свои услуги чеканки. В конце концов золото на рынок выпускает не монетный двор, а только золотопромышленник (за исключением той незначительной доли, которую он заплатил за чеканку). Нелепо представлять себе картину так, что золотопромышленник продает монетному двору золото как сырье, потом покупает у монетного двора его продукт — монету и, наконец, на эту монету, как деньги, покупает необходимые ему товары. Но именно в таком нелепом виде и представляет себе Позняков происходящие здесь отношения. Маркс хотя и говорит в разбираемом Позняковым отрывке, что „если II покупает на 2 у I золото, как денежный материал и т. п. (составная часть своего постоянного капитала), то к производителю золота I возвращаются 2V в деньгах, которые уже раньше принадлежали обращению“¹⁹. Однако ниже он же продолжает: „ . . . его (золотопромышленника — B. P.) рабочие доставили ему золотом 5, из которых он продал 2, остальными 3 владеет в виде золота, — следовательно, ему приходится только отчеканить из них монету или превратить их в банковые билеты, — и весь его переменный капитал прямо, без дальнейшего посредства II, опять оказывается в его руках в денежной форме“.²⁰ Это значит, что поскольку производство золота является производством денежного материала, оно не должно проходить стадию M' — D', так как оно непосредственно из производства выходит в форме D', а чеканка монеты является не более как продолжением производства золотопромышленника. Если Позняков считает, что деньги не могут служить средством производства, то введение монетного двора ничем ему не поможет, и, следовательно, возможность отнесения золотопромышленности (поскольку она производит денежный материал) к подразделению I, он ничем не оправдал.

Но еще меньше оправдал он возможность отнесения ее к подразделению II. В сущности говоря, вся его аргументация сводится к следующему: „Все дело как раз и заключается в том, что для

¹⁹ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 447.

²⁰ Там же, „разрядка моя — B. P.“

Р. Люксембург потребление вообще (за исключением производительного потребления) сводится только исключительно к индивидуальному потреблению. В этом и заключается источник всех (? — Б. Р.) ошибок Р. Люксембург. Если второе подразделение схем представляет производство средств индивидуального потребления, то очевидно, что там никаким образом не может поместиться золото как деньги. Поэтому для Р. Люксембург только и остается сконструировать свое третье самостоятельное подразделение. Но в этом ее и ошибка²¹. Вот и все. Отнесение производства денежного материала к II подразделению становится возможным, так как к этому подразделению относится не только производство средств индивидуального потребления. Но, как мы знаем, Маркс производительному потреблению везде противопоставлял именно индивидуальное потребление, и там, где он определял признаки разграничения общественного производства на два подразделения, он точно также говорит именно о товарах, входящих „в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и рабочего класса“.²² Увертки Познякова здесь помочь не могут: только доказав, что „потребление“ денег есть индивидуальное потребление, можно включить производство денежного материала во второе подразделение Маркса. Но, как мы видели, Позняков пошел по иному пути, он просто вместо подразделения II по Марксу, подставил свое, в которое включил и неиндивидуальное потребление, ни одним словом не попытавшись такое расширительное толкование оправдать. В результате проблема решается так: деньги не являются средством производства, следовательно, они являются средством потребления, и производство денежного материала необходимо отнести ко второму подразделению.

Прежде, чем перейти к дальнейшему анализу вопроса, необходимо указать на следующее: в дискуссии Люксембург — Позняков — Гиммельфарб речь идет о денежном материале, но в действительности проблема далеко выходит за рамки вопроса о том, куда отнести производимый ежегодно денежный материал, по удельному весу во всем производстве составляющий ничтожную величину. Но, если мы к денежному материалу прибавим весь потребляемый конторский и банковский инвентарь и „канцелярские“ материалы, все расходы всякого рода „коммерческих отделов“, всякого рода арифмометры, счетные машины, кассы и т. д., сотни тысяч тонн бумаги, краску, машины и т. д., расходуемые на создание рекламы, — одним словом, все то громадное количество продуктов, затрачиваемых на организацию обращения и составляющих значительную долю во всей товарной продукции капиталистического общества, то проблема примет совсем иной вид: „Форма издержек обращения... поражает своими размерами, когда они становятся издержками массового обращения“²³.

Проблему издержек обращения Маркс специально исследовал в шестой главе второго тома „Капитала“. Вот его выводы: 1) „Рабочая сила и рабочее время должны быть до известной степени затрачены на процесс обращения (поскольку он является простой

²¹ Цит. статья, с. 83.

²² К. Маркс, Капитал, т. II, с. 370, разрядка моя — Б. Р.

²³ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 108.

переменной формы). Но теперь эта затрата представляется дополнительной затратой капитала; часть переменного капитала приходится затрачивать на покупку этих рабочих сил, функционирующих лишь в сфере обращения. Такое авансирование капитала не создает ни продукта, ни стоимости. Оно уменьшает *pro tanto* размеры, в которых авансированный капитал функционирует, как производительный капитал“²⁴.

2) „Пока отдельный товаропроизводитель ведет свою счетную книгу в голове (как например крестьянин; только капиталистическое земледелие производит фермера, который ведет счетную книгу) или же ведет книгу своих расходов и доходов, сроков платежей и т. д. лишь между прочим, в свободное от производства время, до тех пор ясно, что эта функция и потребляемые на нее средства труда, как напр. бумага и т. п., являются дополнительной затратой рабочего времени и средств труда, правда, необходимых, но представляющих вычет как из времени, которое он мог бы употребить производительно, так и из средств труда, функционирующих в действительном процессе производства, принимающих участие в образовании продукта и стоимости“²⁵.

3) Товары эти (золото и серебро—*Б. Р.*), функционирующие как деньги, не входят ни в индивидуальное, ни в производительное потребление. Это общественный труд, фиксированный в такой форме, в которой он служит только как машина для обращения... Это часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения“²⁶. Выводы эти настолько ясны и настолько соответствуют сущности дела, что ни в каких комментариях и добавлениях не нуждаются.

Но когда Маркс в отделе о „Воспроизводстве и обращении всего общественного капитала“ дает схему подразделения общественного производства, то, как мы уже знаем, он там исходит из того, что „весь продукт, а следовательно и все производство общества распадается на два больших подразделения:

I—Средства производства, товары, имеющие форму, в которой они должны войти или по крайней мере могут войти в сферу производительного потребления.

II—Средства потребления, товары, имеющие форму, в которой они входят в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и рабочего класса“.

Места для продуктов, приносимых „в жертву процессу обращения“, здесь нет. И все попытки втиснуть их в эту схему означают попытки представить обращение или как производство, или как потребление. Другого смысла эти попытки не имеют и иметь не могут. Все эти продукты, применяемые и потребляемые в процессе обращения, с точки зрения их воспроизводства характеризуются тем, что они применяются как капитал, но как капитал не производительный, ибо они „не принимают участия в образовании продукта и

²⁴ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 106, разрядка моя — *Б. Р.*

²⁵ Там же, с. 106 — 7, разрядка моя — *Б. Р.*

²⁶ Там же, с. 109, разрядка моя — *Б. Р.*

стоимости“, а следовательно и прибавочной стоимости. Они трактуются как капитал, а восстанавливаются из дохода. Если первая их особенность дает основание причислить их к подразделению I, то вторая их особенность заставляет отнести их к подразделению II. Но так как одно другому противоречит, то проблемы никак не разрешить, если не ввести третьего подразделения — средств, потребляемых в обращении, или, коротко, средств обращения (в широком смысле, а не только денег).

„Нельзя сконструировать никакого самостоятельного третьего подразделения, вполне аналогичного двум первым“, заявляет нам Позняков. Средства производства и средства потребления настолько отличаются от средств обращения, что, конечно, „вполне аналогичного“ третьего подразделения выделить нельзя. Но оказывается, что не только можно, но и должно это третье подразделение выделить, ибо часть общественного продукта имеет совершенно особое функциональное назначение и такой своеобразный характер воспроизводства, что никак в первые два подразделения уложиться не может. Поэтому „эта третья строка“ ни в коем случае не может „явиться лишь выделенной частью первого или второго подразделения“.

Попробуем представить себе схему воспроизводства, приняв во внимание и издержки обращения. Это значит, что, во-первых, учитывая затраченный капитал, мы должны учесть и ту часть капитала, которая затрачена непроизводительно, т. е. капитал, обслуживающий сферу обращения. Этот капитал также состоит из потребляемых продуктов (средств обращения) и живого труда. Мы можем его, следовательно, так же обозначить, как $c + v$, но в то время, как производительный капитал участвует в создании продукта и стоимости, непроизводительный именно потому и непроизводительный, что он в этом процессе не участвует; мы его поэтому обозначим как $c^o + v^o$. В результате производства получается общественный продукт, по стоимости равный $c + v + m$, но из этого продукта должен быть восстановлен и $c^o + v^o$ и не только по стоимости, но и в натуре. Это значит, что определенная часть всего общественного труда должна быть уделена специально для производства элементов непроизводительного капитала, это и есть третье подразделение. Продукция этой отрасли хотя и будет затрачена непроизводительно, но сама она поглотила часть общественного производительного труда, а потому стоимостью обладает, часть этой стоимости также является прибавочной стоимостью. Итак, наряду с первыми двумя подразделениями имеем третье подразделение, производящее средства обращения, т. е. имеем: III $c + v + m$ а всего:

$$\begin{array}{l} \text{I } C_1 + V_1 + M_1 \\ \text{II } C_2 + V_2 + M_2 \\ \text{III } C_3 + V_3 + M_3 \end{array}$$

Включением этого третьего подразделения очень существенно изменяются и условия реализации. Каждому из этих подразделений теперь приходится восстанавливать не только свой производственный капитал, но и капитал непроизводительный, занятый в сфере обращения, но так как этот капитал не участвует в создании стоимости продукта, то единственным источником, за счет которого он может

быть восстановлен, является прибавочная стоимость m . Предположим, что капитал обращения составляет во всех отраслях одинаковую долю всего капитала; предполагая одинаковую норму прибавочной стоимости и одинаковый органический состав капитала, получаем, что капитал обращения во всех подразделениях составит одинаковую часть и прибавочной стоимости, предположим $\frac{1}{X}m$. Следовательно, капиталисты каждого подразделения должны $\frac{1}{X}$ своей прибавочной стоимости, т. е. $\frac{M}{X}$ тратить на восстановление своего непроизводительного капитала обращения. На индивидуальное потребление капиталиста, таким образом, даже при простом воспроизводстве остается только часть прибавочной стоимости, равная $M - \frac{M}{X}$ (Может показаться странным, что при простом воспроизводстве капиталисты на индивидуальное потребление тратят только часть m . Отсюда все попытки включить издержки обращения или в производительные издержки или в индивидуальное потребление капиталиста. Но ведь факт, что производительным рабочим приходится за свой счет содержать не только капиталиста и его личную прислугу, но также и его непроизводительных рабочих и непроизводительный аппарат, занятых в обращении, а капиталисту для этого необходимо уделить часть своей прибавочной стоимости). Таким образом имеем с точки зрения реализации (при простом воспроизводстве):

$$I \quad C_1 + V_1 + \left(M_1 - \frac{M_1}{X} \right) + \frac{M_1}{X}$$

$$II \quad C_2 + V_2 + \left(M_2 - \frac{M_2}{X} \right) + \frac{M_2}{X}$$

$$III \quad C_3 + V_3 + \left(M_3 - \frac{M_3}{X} \right) + \frac{M_3}{X}$$

$\frac{M_3}{X}$ реализуется в своем же подразделении, $V_3 + \left(M_3 - \frac{M_3}{X} \right)$ должны обменяться на средства потребления из подразделения II, в то время как $\frac{M_2}{X}$ из второго подразделения должны обменяться на средства обращения из третьего. Имеем, следовательно, необходимость равенства: $V_3 + \left[M_3 - \frac{M_3}{X} \right] = \frac{M_2}{X}$. Далее, C_3 должно обменяться на средства производства из первого подразделения, которое в свою очередь должно часть своего продукта, равную $\frac{M_1}{X}$, обменять на средства обращения. Следовательно, необходимо второе равенство: $\frac{M_1}{X} = C_3$. Кроме того, C_2 должно обменяться на $V_1 + \left[M_1 - \frac{M_1}{X} \right]$. Следовательно, условиями простого воспроизводства, при включении подразделения производящего средства обращения являются:

$$1) \quad V_1 + \left[M_1 - \frac{M_1}{X} \right] = C_2$$

$$2) \frac{M_2}{X} = V_3 + \left[M_3 - \frac{M_3}{X} \right]$$

$$3) \frac{M_1}{X} = C_3$$

Если соединить первое равенство с третьим, то получим $V_1 + M_1 = C_2 + C_3$, во втором равенстве мы имеем взаимоотношения исключительно между вторым и третьим подразделениями. Поэтому если отождествить второе и третье подразделения, то у нас, в сущности, остается одно равенство: $V_1 + M_2 = C_3$. Поэтому-то Познякову и кажется, что „третья строка“ есть просто „выделенная часть второго подразделения“. Конечно и средства потребления капиталиста и средства обращения одинаково должны быть „восстановлены“ из прибавочной стоимости. И то, и другое потребление является непроизводительным потреблением. Однако это ни в коем случае не дает нам права отождествить индивидуальное потребление капиталиста с потреблением в сфере обращения, с издержками обращения.

В одном случае мы имеем непроизводительное потребление прибавочной стоимости как дохода, в другом случае прибавочная стоимость непроизводительно потребляется как капитал.

Можно от этого непроизводительного потребления капитала, т. е. от издержек обращения, совершенно отвлечься, как это и сделал Маркс в отделе о „воспроизводстве и обращении всего общественного капитала“.

Может показаться странным, что именно анализируя воспроизводство и обращение всего общественного капитала, Маркс абстрагировался от издержек обращения. Но дело в том, что в данном отделе Маркса обращение интересовало не с точки зрения издержек, а только с точки зрения формы процесса воспроизводства. Во введении к этому отделу Маркс и говорит: „Мы должны теперь перейти к рассмотрению процесса обращения (который в своей совокупности есть форма процесса воспроизводства) индивидуальных капиталов, как составных частей всего общественного капитала, т. е. к рассмотрению процесса обращения всего этого общественного капитала“²⁷. Именно для того, чтобы эта форма общественного воспроизводства была наиболее ярко выявлена, Маркс и абстрагировался от издержек обращения и времени обращения. Предполагается только необходимость реализации при посредстве обращения (обмен), но что обмен этот требует и времени и затраты труда, это здесь во внимание не принимается. Даже в параграфе XII, разбирая специально „воспроизводство денежного материала“, Маркс совершенно не касается вопроса о том, что это воспроизводство в конце концов требует непроизводительной затраты части общественного труда. Более того, в этом же параграфе мы находим следующее рассуждение: „Но прибавочный продукт, в котором представлена прибавочная стоимость, ничего не стоит классу капиталистов. Как класс он владеет и пользуется ею даром, и денежное обращение ничего не может изменить в этом. Изменение, вызываемое обращением, заключается единственно в том

²⁷ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 327, разрядка моя—Б. Р.

что каждый капиталист вместо того, чтобы потреблять свой прибавочный продукт *in natura*, что в большинстве случаев невозможно, из всей массы годового общественного прибавочного продукта извлекает и присваивает всякого рода товары, сумму присвоенной им прибавочной стоимости"²⁸. Здесь ясное всего сказало, что в этом отделе Маркса не интересовали затраты на обращение.

Но если только мы эти издержки вводим в наш анализ (а это необходимо при более конкретном изучении, так как в действительности издержки обращения далеко не равны нулю), то они ни в коем случае не могут проходить под рубрикой „индивидуальное потребление“ или просто „потребление“. Значительная доля общественного труда и общественного продукта в капиталистическом обществе тратится непроизводительно в сфере обращения помимо того труда, который тратится непроизводительно на индивидуальное потребление паразита-капиталиста и всех его прислужников. Непроизводительное потребление первого рода, удельный вес которого за последнее время далеко обогнал расходы на индивидуальное потребление капиталиста и захватывающее все большую долю общественного продукта, должно быть анализировано отдельно от непроизводительного потребления второго рода, ибо даже если бы капиталисты в своих личных расходах были скромны до аскетизма, даже и в этом случае непроизводительные издержки капиталистического способа производства были бы громадны, так как этот способ производства включает в себя обращение как форму самого процесса воспроизводства. И этой форме приходится приносить в жертву значительную часть общественного богатства. Поэтому-то обобществление производства, организация его на плановых началах при социализме, полностью освобождает от этих непроизводительных издержек.

Нужно сказать, что приходится встречать неправильное понимание этого вопроса даже у марксистских исследователей. Так например С. Бессонов на страницах „Правды“ (от 22 августа 1929 г.) заявляет: „В то время как процесс производства уже в рамках капитализма достигает значительного развития и совершается под контролем науки, процесс обращения начинает поддаваться общественному контролю и регулированию лишь в условиях планового общества“. Итак, анархия и бесплановость при капитализме не присутствуют производству, и последнее совершается „под контролем науки“. Эта анархия, оказывается, там существует только в сфере обращения. С. Бессонов здесь совершенно забывает о том, что „обмен таким образом во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве или определяется этим последним“²⁹. Но изгнав анархию из капиталистического производства, Бессонов вводит обращение... в социалистическое хозяйство. При этом обращение у него там оказывается подлежащим „общественному контролю и регулированию“. Здесь опять таки непонимание того, что „обращение само по себе есть лишь определенный момент обмена, или обмен, рассматриваемый в целом, поскольку обмен есть посредствующий момент между производством и им обусловленным распределением и потреблением“³⁰.

²⁸ К. Маркс, Капитал, т. II, с. 450.

²⁹ Маркс, Введение к критике политической экономии.

³⁰ Там же.

Но ведь азбучная истина, что в организованном хозяйстве нет обмена, это хозяйство исключает возможность образования такого „посредствующего момента“ между производством, распределением и потреблением. Поэтому организованное хозяйство и избавится полностью от всех издержек обращения.

Не понимая связи производства с обращением, Бессонов само обращение понимает, как производство; эта подстановка облегчается для него обычным употреблением термина „обращение“, который и транспорт, развеска, хранение и т. д. относит к обращению. Маркс также рассмотрел издержки на эти операции под рубрикой „издержки обращения“, однако он там же дал следующее пояснение: „Издержки обращения, вытекающие из простого изменения формы стоимости, из обращения, рассматриваемого в идее, не входят в стоимость товаров. Затрачиваемая таким образом часть капитала является, поскольку мы имеем в виду капиталиста, вычетом из капитала, затрачиваемого производителем. Другими свойствами обладают те издержки обращения, которые мы сейчас рассмотрим. Они могут обуславливаться процессами производства, которые только продолжают в обращении и производительный характер которых, следовательно, лишь затухает выветриваясь формой обращения“.⁸¹

Транспорт, развеска, хранение и т. д., конечно, необходимы при социализме, но так же, как промышленность, горное дело и сельское хозяйство, они будут организованы в плановом порядке и ничего общего с процессом обращения, как таковым иметь не будут. „Организованное обращение“—это горячий лед, организация с обращением несовместимы. Конечно в переходном хозяйстве приходится „организовывать обращение“: планировать движение товаров, цен, кредита, эмиссию и т. д. Но эта организация обращения есть в сущности отрицание обращения, и в тот момент, когда эта организация будет полностью проведена, мы будем иметь уже не обращение, а плановое производство и распределение. Все издержки обращения отпадут. Конечно на первых порах организация распределения может потребовать еще больших издержек, чем капитализм тратил на те же функции, включая издержки обращения.

Однако с накоплением опыта по организации и планированию распределения эти издержки сильно сократятся, а все те издержки, которые вытекают исключительно из „простого изменения формы стоимости“ отпадают совершенно. Но для этого надо твердо помнить, что план и обращение—несовместимы и что если например в 1929 г. в Москве (очевидно не только в Москве) повсюду были развешаны дорогостоящие плакаты с призывом: „Покупайте карандаши только Мосхимтреста“, то „организаторов обращения“, организовавших эту рекламу, следовало бы привлечь к ответственности за растрату народных средств. Если карандашей у нас перепроизводство, то почему именно карандаши данного треста должны быть проданы, а других—нет? Если же карандаши этого треста обладают каким-нибудь исключительным качеством, то ведь не конкуренцией нам сейчас приходится добиваться повышения и уровня качества производимых разными „трестами“ товаров. Или может быть эта реклама имела целью борьбу не с другими трестами, а с частником? Но разве

⁸¹ Маркс, Капитал, т. II, с. 109, разрядка моя—Б. Р.

в 1929 г. мы не можем „организовать обращение“ другими методами, кроме рекламы? Эти методы у нас уже есть, и они называются: замена обращения планом³². По мере превращения переходного хозяйства в социалистическое издержки обращения отпадают совершенно.

МАТЕРИАЛЬНОЕ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Итак, непродуцируемый труд на „организацию обращения“ в социалистическом хозяйстве отпадает. Значит ли это, что в этом хозяйстве вообще не будет непродуцируемого труда и что всякий труд там будет принадлежать к категории продуцируемого.

Так как представители непродуцируемого труда существуют за счет продуцируемых рабочих, то этот же вопрос можно поставить иначе: необходим ли в социалистическом обществе прибавочный труд, помимо идущего на нужды расширения производства?—У Маркса можно найти немало высказываний на этот счет. Например о страховом фонде он говорит: „Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а, следовательно, и прибавочного труда, которая наряду с частью, служащей для накопления, следовательно для расширения процесса воспроизводства, должна сохраниться и по уничтожении капиталистического способа производства. Конечно это предполагает, что часть, регулярно потребляемая непосредственными производителями, не останется на своем теперешнем минимальном уровне. Оставляя в стороне прибавочный труд на тех, которые благодаря своему возрасту еще не могут или уже не могут принимать участия в производстве, какой бы то ни было труд отпадает на содержание тех, кто не работает“³³. Если это место понять так, что всякий, кто „работает“, является „продуцируемым“ работником, то окажется, что... Струмилин прав, когда непродуцируемым считает только „труд“ инвалида.

Что Маркс не придерживался этой точки зрения, видно из большого количества прямых его высказываний. Приведу хотя бы следующее: „раз дано общественное производство какого бы то ни было рода... то всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное личное потребление производителей и их семей и, — оставляя в стороне труд, затрачиваемый в целях производительного потребления, — той частью труда, которая всегда представляет прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный продукт, кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей“³⁴. Здесь, как видим, ясно сказано, что всякого рода „общественные работники“ отнюдь не являются продуцирующими работ-

³² В „Правде“ от 10 марта помещена статья В. Ройзенмана „Кавардак и неразбериха в аппарате Всехимпрома“ („по материалам НК РКК СССР“), в которой между прочим читаем: „Управление сбыта и снабжения, руководимое членом правления тов. Гавриловым, включило в смету расход на рекламу в сумме 700 тыс. рублей. Ну, разве не нуждаются в рекламе остро-дефицитные химтовары?“

³³ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 313—14.

³⁴ Там же, с. 338.

никами. Общеизвестное место, где Маркс высказывался о „бухгалтере“ в организованном хозяйстве, приводить здесь нет надобности. И все-таки не все марксисты стоят на этой точке зрения.

Конечно цитата из Маркса не доказательство, и я вовсе не считаю достаточным для опровержения немарксистских взглядов на какой-нибудь вопрос отдельных марксистов привести цитату из Маркса. В каждой дискуссии между марксистами обычно с обеих сторон приводится достаточная доза цитат для подтверждения прямо противоположных взглядов. Это же явление наблюдается и в дискуссии по интересующему нас сейчас вопросу. Но каковы действительные обоснования разных точек зрения, какая в основе их лежит методология — только это должно явиться решающим при определении правильности той или иной позиции. Здесь нас интересует вопрос о производительности всех так называемых услуг. Чем аргументируется необходимость и возможность включения и этого рода труда в категорию производительного? Во-первых, приводят цитаты, в которых Маркс говорит о клоуне, учителе и т. д., работающих по найму у эксплуатирующего их капиталиста, во-вторых, переходят от защиты к нападению: обвиняют своих противников в том, что, не признавая труд по оказанию услуг трудом производительным, они тем самым стоят на грубо фетишистской точке зрения, понимают „овеществление“ труда „по-шотландски“, понимают „материальность“ механически и т. д. и т. п. Пение певца, мол, есть также материальный процесс, и если потребление продукта этого трудового процесса должно совершаться в момент его производства, то экономически здесь нет принципиальной особенности, так как стоимость конечно связана с потребительной стоимостью, но природа потребности, удовлетворяемой этой потребительной стоимостью, для стоимости безразлична. Одни товары могут выдержать хранение более продолжительное время, другие совсем не могут — для образования стоимости это безразлично. Певец поет, его пение покупается и, следовательно, его товар не лучше и не хуже других, а если певец к тому же эксплуатируется капиталистом, то он такой же производительный рабочий, как, предположим, токарь по металлу и т. п. Переходя к условиям социалистического и переходного хозяйства, указывают на тот факт, что понятие производительного труда теперь должно определяться с точки зрения рабочего, и если для капиталиста услуги, оказываемые рабочему, когда они капиталисту непосредственно прибавочной стоимости не приносили, не являлись производительными, то для рабочих (интересы которого при новых условиях оказываются решающими) — дело обстоит наоборот. Здесь уж никаких сомнений не может быть в том, что всякий труд, который „производит, образует, развивает, поддерживает, воспроизводит непосредственно самую рабочую силу“ является трудом сугубо производительным. В самом деле, почему слесарь является производительным рабочим, а труд учителя этого и сотен других слесарей повышающий их квалификацию, должен считаться непроизводительным? В наших условиях, когда имеется такая острая нужда в кадрах, когда так остро чувствуется недостаток культурности и т. д., тем более, мол, странно считать именно тех работников, которые непосредственно борются на этих фронтах, непроизводительными работниками.

Как видим, аргументация довольно сильная и логика как будто очень стройная, и все же это не мешает этой точке зрения быть явно

ошибочной. Начну с апелляции к историческому и классовому подходу, на который ссылаются представители этой ошибочной точки зрения. „Производительным трудом будет не только тот, который овеществляется в материальных благах, но и тот, который обслуживает в самом широком смысле этого слова все процессы воспроизводства рабочей силы. В социалистическом обществе при планомерном разделении труда, повидимому, всякий общественно-необходимый труд—и производительный, и обслуживающий,—поскольку его применение объективно повышает общий уровень производительных сил общества и его благосостояния, должен быть отнесен к категории производительного“³⁵. Если т. Струмилину кажется, что он здесь высказал точку зрения рабочего или, вернее, члена социалистического общества, то он глубоко ошибается: в его определении производительного труда глубоко скрыта точка зрения эксплуататора рабочей силы, а не члена социалистического коллектива.

Можно конечно считать, что категория производительного труда присуща только капиталистическому хозяйству или вообще классовому обществу, что она связана с присваиванием чужого прибавочного продукта: труд раба и наемного рабочего производителен для тех, кто их эксплуатирует; там же, где нет эксплуатации, так вообще категории производительного труда не существует. Но Струмилину, как мы видели, не придерживается этой точки зрения, для него всякий труд в социалистическом обществе является трудом производительным. Труд, непосредственно занятый в материальном производстве, производителен, но и остальной труд также производителен, так как он обслуживает процесс воспроизводства рабочей силы. Когда член общества учится, питается, слушает музыку, занимается физкультурой, лечится, „занимается любовью“ и т. д. и т. п., все то это производительные занятия, так как это „воспроизводит рабочую силу“. В чем же отличие этой точки зрения от точки зрения капиталиста? Это отличие конечно есть, и я его сейчас укажу.

„Индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютных необходимых границах есть лишь обратное превращение средств существования, отчужденных капиталом в обмен на рабочую силу, в рабочую силу, подлежащую новой эксплуатации со стороны капитала. Это—производство и воспроизводство самого необходимого для капиталиста средства производства—самого рабочего“... „Капиталист и его идеолог, экономист, рассматривают как производительное потребление лишь ту часть индивидуального потребления рабочего, которая необходима для увековечивания рабочего класса, которая действительно должна быть потреблена рабочим, чтобы капитал мог потреблять рабочую силу; а все, что рабочий потребляет сверх того, ради своего собственного удовольствия, есть непроизводительное потребление“³⁶. Капиталист и его идеолог считают, что только часть индивидуального потребления рабочего есть производительное потребление, Струмилину же считает, что в со-

³⁵ Струмилину, ст. в ж. „Плановое хозяйство“ 1926, № 8, с. 144—45, последняя разрядка моя—Б. Г.

³⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, с. 449—50, разрядка моя—Б. Р.

циалистическом обществе все индивидуальное потребление есть производительное потребление. Если с капиталистической точки зрения только труд учителя начальной школы производителен, ибо в этих пределах „рабочая сила“ должна иметь образование, то Струмилин всякого учителя в социалистическом хозяйстве считает производительным, ибо он участвует в воспроизводстве рабочей силы. Струмилин даже и артистов балета считает производительными, ибо в конце концов артисты балета также „объективно повышают общий уровень производительных сил общества и его благосостояние“.

Капиталист и его идеолог не признают производительным потребление, которое совершается рабочими сверх необходимого для сохранения рабочей силы, но рабочий все-таки старается потреблять и сверх того, просто „ради собственного удовольствия“. Струмилин же считает, что в социалистическом обществе всякое потребление необходимо для „воспроизводства рабочей силы“. Член социалистического общества даже и мысли не будет иметь о том, чтобы потреблять что-нибудь „ради собственного удовольствия“. Все потребление в социалистическом обществе совпадает с производством, и вся цель этого общества есть производство. Никаких и мыслей в этом обществе не может быть, кроме как о производстве, производство—это все, и все—это производство. Не производство для человека, а человек для производства. Все это не более, как карикатура на социализм, и эта карикатура непосредственно заключается в признании всякого труда, совершающегося в социалистическом обществе, трудом производительным.

В действительности же производство в социалистическом обществе не является и не может явиться целью само по себе, и человек там не является только живой машиной, средством производства—„рабочей силой“. Возможно, настанет время, когда развитие производительных сил достигнет такой степени, что само участие человека в производстве будет совершаться лишь постольку, поскольку у человека имеется только потребность к этому. Но чтобы все потребности человека были ограничены лишь постольку, поскольку они необходимы для производства—это идеал не социализма, а рабского строя. Социализм превратит „рабочую силу“ в человека и развитие этого человека в свою цель. Социалистический человек сможет себе конечно позволить и потребление „ради собственного удовольствия“ в гораздо большем масштабе, чем „рабочая сила“ капиталистического общества.

Но ведь и материальное производство имеет своей целью потребление и, следовательно, „в конце концов“ есть труд по воспроизводству социалистического члена общества. Какие же у нас основания к тому, чтобы труд, непосредственно направленный на это, считать непроизводительным, в то время как труд, делающий то же самое только косвенно, через производство вещей, считать производительным? Как будто они оказываются одинаково непроизводительными? Занимается ли член социалистического общества обучением людей или производством хлеба, и тот, и другой труд в сущности ведь имеет одну и ту же цель и задачу, т. е. удовлетворение потребностей членов социалистического общества. Какие же у нас основания к тому, чтобы один и тот же процесс „воспро-

изводства социалистического гражданина“ считать производительным в случае, если он совершается через посредство производства вещей, и непроизводительным, если он совершается без посредства производства вещей, а непосредственно в виде оказания так наз. услуг: труд учителя, врача, няньки, писателя, артиста, чиновника и т. д.? Я думаю, что основания к такому разделению у нас имеются и весьма серьезные, ибо производство вещей и „воспроизводство самого человека“ при всяком развитии общества не представляют одного и того же.

Капиталистический рабочий совершает свое индивидуальное потребление (даже „необходимое“) не в интересах капиталистов, а „ради собственного удовольствия“, но зато он трудится на капиталистическом предприятии совсем не „ради удовольствия“. Только тяжелая необходимость заставляет его это делать. Материальное производство в социалистическом обществе потребует от членов этого общества затраты гораздо меньшего количества времени и энергии, чем от рабочего при капитализме. Член социалистического общества будет иначе чувствовать на себе эту необходимость материального труда. Однако это все же останется для него необходимостью, хотя и понятой необходимостью. „Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей, оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль вместо того, чтобы наоборот он как слепая сила господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое однако может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня—основное условие“³⁷. Отсюда ясно, что смешивать материальное производство со всякого рода трудом по „непосредственному обслуживанию человека“ ни при каких условиях не приходится. Материальное производство всегда останется той необходимой основой, на которой только и может развиваться и существовать человеческий коллектив, человек как таковой со всеми его потребностями и „удовольствиями“.

Это различие материального производства от всяких других видов „производства“ („производство“ художественного произведения,

³⁷ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 291, разрядка моя—Б. Р.

„производство“ квалификации и умения работать, „производство“ общественного порядка и спокойствия, производство человека и т. д.) относится ко всякому общественному строю, в том числе и капиталистическому. В капиталистическом обществе „услуги“ продаются и покупаются, они становятся товаром, но ведь в этом обществе даже „совесть и честь“ часто являются товарами. Отдельный капиталист может использовать в целях наживы какое-нибудь производство услуг, например школу, театр и т. п. Это дает ему возможность присвоения части общественной прибавочной стоимости. Для него лично учитель, артист и т. д. могут оказаться высокопроизводительными рабочими. Но с общественной точки зрения труд материальный, обслуживающий процесс „обмена веществ с природой“ не может быть смешен с трудом, непосредственно направленным на „развитие человеческой силы“. В капиталистических условиях, как и во всяких иных, только материальный труд есть труд производительный; труд по оказанию услуг, хотя бы и капиталистически организованный, так же как и труд в сфере обращения, является трудом непроизводительным.

ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ

Но отсюда отнюдь не следует, что всякий материальный труд в капиталистическом хозяйстве является трудом производительным, таковым является только материальный труд, входящий в сферу общественного производства. Труд домашней хозяйки по выпечке хлеба например является трудом непроизводительным, но непроизводительным же является и труд наемного повара, выпекающего хлеб для капиталиста в домашнем хозяйстве последнего. Между тем хлебопек, выпекающий хлеб на капиталистическом хлебном заводе, занят производительным трудом. „Домашнее хозяйство“ в капиталистическом обществе лежит за пределами общественного производства, той сферы, где производится общественное богатство. Домашнее хозяйство есть сфера потребления, хотя в этой сфере и тратится значительное количество труда. Это есть труд сферы потребления, а не сферы производства. Таким образом „производство“ в капиталистическом обществе кончается не там, где кончается материальное производство, а там, где кончается материальное общественное производство.

Повар в домашнем хозяйстве капиталиста продает свой труд и производит продукты, но это продукты для потребления в том же хозяйстве, а не товары. Этот повар не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости, и труд его—непроизводителен, точно так же как непроизводителен труд лакея, обслуживающего капиталиста и „производящего“ только респектабельность и безделье капиталиста. Но труд этого же повара в капиталистически организованном предприятии является трудом производительным. Такое превращение непроизводительного труда в производительный постоянно совершается в капиталистическом хозяйстве по мере захвата отдельных областей „домашнего хозяйства“ хозяйством общественным. Мы видим следовательно, как „потребление“ превращается в производство, ибо „сфера потребления“ отнюдь не характеризуется только естественными и физиологическими признаками. Потребление есть процесс использования потребительской стоимости продукта. Поскольку

это использование совершается в целях производства другого продукта, это есть производительное потребление, производство. Поскольку же оно происходит ради непосредственного удовлетворения потребностей человека, оно есть индивидуальное потребление или просто потребление. Но границы производства и потребления—это общественные границы. В сущности говоря, только потребление заканчивает процесс производства продукта, так как только „в потреблении продукт становится действительно продуктом, например платье становится платьем лишь тогда, когда его носят... Потребление, уничтожая продукт, дает ему завершение, ибо продукт есть результат производства не только как овеществленная деятельность, но и при том условии, что он является предметом для действующего субъекта“³⁸.

Однако капиталистическое производство есть производство стоимости и прибавочной стоимости. Это есть производство для продажи. Если некоторые заключительные операции над продуктом совершаются самим представителем индивидуального потребления (или его наемными слугами) без дальнейшего вступления продукта в сферу обращения, то эти операции лежат за пределами общественного производства, они происходят в сфере потребления. Уже при капитализме „процесс производства, продолженный в сфере потребления“, все больше и больше суживается, становясь функцией капиталистически организованных предприятий. Однако „ведение домашнего хозяйства“ как рабочего, так и капиталиста, продолжает еще отнимать значительную долю общественного труда.

Только социалистическая организация общества полностью превратит „домашнее хозяйство“ в общественно и все материальное производство в сферу производительного труда. Непроизводительный труд „домашней хозяйки“ и „домашней работницы“ превратится в производительный труд члена социалистического общества в общественной кухне, прачечной и т. д. Ясно, что процесс этого превращения совершается в период переходного хозяйства, он происходит сейчас в СССР как одна из наиболее существенных сторон так наз. „революции быта“. Но процесс этот заключается не в том, что „домашнее хозяйство“ становится общественным, а в том, что оно заменяется общественным. Труд „домашней хозяйки“, поскольку он сохраняется в переходном хозяйстве, никогда не будет производительным трудом, только становясь общественным, принимая совершенно иную форму (и сущность) он превратится в труд производительный.

Домашнее хозяйство (которое конечно не должно быть смешиваемо с „работой на дому“ и т. д.) не является сферой производства общественного продукта и богатства ни в условиях капитализма, ни в условиях переходного хозяйства. Однако поскольку и при капитализме и в течение переходного периода сохраняется еще прослойка (сектор) мелкотоварного производства, которая только часть своей продукции отчуждает, постольку встает вопрос о хозяйстве этого типа. Натуральное единичное хозяйство, хозяйство „Робинзона“ (на практике конечно не имевшее места) не знает деления на производительный и непроизводительный труд, так как оно не знает и деления на производство и потребление: „У единичного

³⁸ К. Маркс, Введение к критике политической экономии.

субъекта производство и потребление являются моментами одного акта“³⁹.

Только в меру развития разделения труда, в меру существования работы „для других“, труда общественного, только в этих условиях и можно разграничивать производство и потребление. Крестьянское хозяйство только одной своей частью участвует в общественном разделении труда, но поскольку именно этой своей частью оно втянуто и подчинено господствующей форме производства, постольку на это хозяйство можно распространить, конечно условно, и категории этой формы производства. Мы можем говорить о „капитале“ крестьянского хозяйства, его „доходе“, „прибавочном продукте“, „прибыли“ и т. д. Таким же образом мы можем условно разделить и труд этого хозяйства на производительный и непроизводительный. Вычисляя народный доход переходного хозяйства, приходится учитывать весь продукт и „стоимость“, произведенную в крестьянском хозяйстве, а не только в части его товарной продукции. Но при этом весь труд по выделенному условно же „домашнему хозяйству“ крестьянина производительным трудом не считается и народного дохода не образует.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В ПЕРЕХОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Итак, народный доход в переходном хозяйстве производится во всех секторах, но только в сфере производства, ни сфера обращения, ни сфера потребления, ни нематериальное „производство“ услуг не являются сферами, где производится народный доход. Социалистическая форма хозяйства не расширяет сферы производства народного дохода, эта форма не расширяет области производительного труда, превращая непроизводительный в производительный. Она только дает другую характеристику производительному труду, так как она дает другую характеристику производству. Но не расширяя сферы производительного труда, социалистическая форма хозяйства сужает сферу непроизводительного труда, так как она совершенно отменяет издержки обращения и кроме того непроизводительные затраты на содержание эксплуататоров и его защитников и прислужников. Непроизводительный труд в социалистическом обществе сохраняется и может со временем, с развитием производительных сил, достигнуть громадных размеров. Но весь этот непроизводительный труд пойдет на содержание и развитие трудового коллектива (включая детей, больных и стариков), и ни один час труда не будет затрачен на содержание „неработающих“, т. е. общественных паразитов и эксплуататоров.

В связи с этим считаю необходимым остановиться на одной неясности в статьях т. Вайсберга.⁴⁰

В этих статьях т. Вайсберг дает вполне четкую марксистскую трактовку проблемы. Неясность в этих статьях имеется по вопросу об СССР: т. Вайсберг говорит о случаях, когда „труд, непроизводительный при капитализме, превращается в наших условиях в труд производительный“, и как пример приводит учителя школы ФЗУ; он

³⁹ К. Маркс, Введение к критике политической экономии.

⁴⁰ Р. Е. Вайсберг, Общественный продукт при капитализме и в СССР, ст. в „Плановом хозяйстве“ № 5 и 6 за 1927 г. и полемика с Аболным в других номерах.

пишет: „и в частности в отношении труда „учителя“ я указывал еще в прошлом году, что в СССР отдельные виды его, непосредственно связанные с процессом материального производства и участвующие в этом процессе наравне с остальными участниками производства, из непроизводительного превращаются в производительный, но это не механический акт, а длительный процесс, и ни „капитализм“, ни „социализм“, взятые сами по себе, ничего сказать не могут: у нас вступают в силу более сложные „переходные“ условия. Ими-то и следует заняться⁴¹. Я считаю, что т. Вайсберг здесь направляет внимание изучающих трансформацию производительного труда в переходном хозяйстве не туда, куда это внимание следует обращать.

Вопрос о конкретных границах материального труда приходится определять всегда условно, какое бы мы хозяйство ни взяли. И в капиталистических условиях может быть поставлен вопрос о том, является ли тот или иной конкретный вид труда материальным производством или нематериальным, и очень часто это приходится определять условно. Труд мастера, инженера на производстве относится безусловно к сфере материального производства, ну а труд лаборанта при заводской лаборатории, при трестовской лаборатории и т. д.? Здесь мы уже вступаем в область условностей. Кстати, заводские школы ученичества имеются и у некоторых капиталистов (у Форда например). Конечно у нас „количество переходит в качество—завод—вуз, намечающийся у нас сейчас, при капитализме никогда возникнуть не может, хотя там имеются заводы при вузах. Изучение тенденций, намечающихся в образовании такого явления, как завод-вуз, конечно необходимо. Идя от внесения „труда“ в школу, мы приходим ко внесению школы в „труд“. И не только механически, путем всякого рода „вечерних“ школ, кружков и т. д. Здесь, насколько я понимаю, намечается органическое слияние процесса материального производства с процессом обучения, по крайней мере в идее. По отношению к такому заводу-вузу, когда процесс материального труда действительно сольется с процессом учебы, встанут всякого рода недоуменные вопросы: является ли труд рабочего-студента трудом производительным или нет?—Что собой представляет административно-технический персонал этого предприятия—учителей или инженеров и т. д. и т. д.?

Но ставить это в пример того, как трансформируется природа производительного труда в переходный период, я считаю неправильным. Конечно при социализме материальный труд не будет носить того характера, какой он имеет при капитализме. Моменты „развития человеческой силы“ будут конечно внесены и в сферу материального производства. Но это все-таки не даст нам никаких оснований к тому, чтобы смешивать материальный труд с трудом нематериальным. И при социализме только труд материальный является трудом производительным. Ни один вид труда (труд сферы обращения, организация учета, нематериальные услуги, „домашняя работа“ и т. д.) не станут производительным трудом в социалистическом хозяйстве. Поэтому говорить о „превращении“ непроизводительного труда в производительный, как проблеме переходного хозяйства является неправильным и может привести к ложному заключению, что нематериальный труд превращается в труд производительный.

⁴¹ „Плановое хозяйство“ № 11, 1928, с. 143.

Действительная проблема, встающая перед изучающими переходное хозяйство с точки зрения категории производительного труда, заключается в следующем: 1) как происходит отмирание непроизводительного труда обращения, в какой мере остающиеся пока издержки обращения еще объективно необходимы, в какой мере организация производства транспорта, хранения, развески, паковки и т. д. освобождается от отношений обмена по существу и по форме; 2) как происходит замена „домашнего хозяйства“ общественным производством; 3) как отпадают многие виды непроизводительного труда (содержание неработающих и их организаций, слуг и т. д.). Все перечисленные выше моменты, конечно, включаются в основной вопрос: как производительный труд (материальное производство) принимает социалистическую форму, превращается в социалистическое производство.

На основе выше изложенного мы можем перейти к анализу „воспроизводства и обращения всего общественного капитала“ в переходном хозяйстве, что послужит предметом другой статьи.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ КРЕДИТА

1. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О РОЛИ ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Вопрос об отношении между содержанием и формой экономических явлений и о роли формы становится особенно актуальным при изучении категорий переходного хозяйства. Противоречие между содержанием и формой особенно обостряется на первом этапе перерождения экономических категорий, ибо здесь некоторое время сохраняется старая форма при новом содержании.

Под содержанием каждого экономического явления мы понимаем определенное производственное отношение людей, а под формой — форму его проявления. Само содержание оформлено, ибо каждое данное производственное отношение есть сотрудничество людей определенного типа, определенной формы. Это — внутренняя форма, которая проявляется как внешняя вещная форма. Но эта последняя также содержательна. Она связана с содержанием качественно как выражение этой внутренней формы (напр., этим самым форма заработной платы отличается от формы ссудного процента) и количественно. Количественное отношение вещей, в котором выступает внешняя форма, определяется содержанием. Таким образом, форма экономических явлений не есть просто вещное выражение производственных отношений, а качественно (определенная форма) и количественно определенное.

Следовательно, форма включает содержание, но все же это разные моменты. Это находит выражение в тех противоречиях, которые появляются в движении данного явления. Форма определяется содержанием, но в процессе развития она получает самостоятельное движение. Меновая стоимость есть форма стоимости, но в процессе движения она может оторваться от соотношения стоимости товаров и через более сложную форму цены отклоняться от стоимости или даже получить совершенно самостоятельное направление в своем движении, становясь формой для совершенно иных отношений (цена земли).

Эти противоречия между содержанием и формой отдельных явлений находят временное разрешение периодически в форме кризисов, но в основном при капитализме не могут быть разрешены, ибо противоречие между содержанием и формой экономических явлений есть не что иное, как выражение противоречий самого содержания, противоречивости самих производственных отношений.

С началом переходного периода основные производственные отношения капиталистического хозяйства заменяются новыми, противоположными. Это не означает еще, однако, полного уничто-

жения всех производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства: они в большей или меньшей мере остаются, но среди этих оставшихся нет ни одного производственного отношения, где бы в качестве одной из сторон или „третьего лица“ не присутствовал пролетариат как господствующий класс. Этого одного достаточно для того, чтобы закономерность развития товарно-капиталистических категорий была совершенно иная, чтобы в переходном хозяйстве имманентно было заложено их полное уничтожение. Уничтожение их однако становится реальностью — „практически истинным“ лишь в результате успешной борьбы за преобладание и расширение отношений социалистического типа.

С началом переходного хозяйства вовсе не получается так, что сразу с переменой господствующих отношений уничтожается противоречие между содержанием и формой на этой новой основе. Наоборот, совершенно неизбежен некоторый период, когда новое содержание существует в старой форме. В начале полного перерождения старых категорий противоречие между содержанием и формой не только не уничтожается, но расширяется на новой основе. Но в движении этого противоречия уже заложена возможность полного его уничтожения. Старая форма постепенно приспосабливается к новому содержанию, превращаясь одновременно во внешнюю, — чуждую содержанию форму, которая на следующем этапе легко отбрасывается, как ненужная, и заменяется более рациональной. В разного типа производственных отношениях эти процессы происходят в разное время, различным темпом и различными способами.

В чем же дело, почему некоторое время совершенно необходимо существование старой формы? Этот вопрос связан с вопросом о роли формы вообще.

Противоречивость производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства выражается в том, что форма их проявления иррациональна. Она не вскрывает сути производственных отношений, но тщательно ее скрывает. Даже действительные количественные величины скрываются формой вещного отношения. Мы можем иметь одну и ту же меновую стоимость при совершенно различной абсолютной величине стоимостей. Действительные отношения скрываются все фетишизирующей вещной формой их проявления. Это остается в известной мере и в условиях переходного хозяйства.

Разве не мистифицирует действительные отношения сохранение формы заработной платы? Вспомним споры об эксплуатации и о госкапитализме.

Но если для капитализма эта роль формы была положительной, то с точки зрения пролетариата она и там и здесь была препятствием в его классовой борьбе.

Обычно подчеркивается эта мистифицирующая, фетишизирующая роль формы, но если бы роль формы ограничилась только этим, то ее следовало бы отбросить с самого начала переходного периода. Однако, некоторое время ее существование в новой экономике поддерживается самим господствующим классом, используется им. Очевидно, функции формы, ее специальная роль значительно шире, не исчерпываются ролью маски. Рассмотрим еще одну сторону дела.

Не существует достаточной ясности в вопросе о связи экономического явления как производственного отношения и как регулятора. Обычно каждая данная категория как производственное отношение и

как регулятор рассматривается как-то в двух разных плоскостях. Между тем осуществление регулятивной функции происходит через данное производственное отношение как процесс. Никакого иного способа регулирования не существует, кроме как самый процесс развертывания основного производственного отношения¹.

Стоимость как регулятор есть не что иное, как стоимость как производственное отношение в его движении. Вступая в производственный процесс в отношении друг с другом, люди тем самым уже в определенной форме (стихийно или сознательно) распределяют и перераспределяют свой труд по отдельным его отраслям. В этом процессе форма отнюдь не является нейтральной, чуждой этой функции перераспределения. Наоборот, она принимает самое активное участие во всем процессе. Именно через внешнюю форму, через количественное соотношение вещей осуществляется механизм стихийного регулирования труда. Будучи проявлением содержания в этом выполнении регулятивной функции, форма получает в этом движении известную самостоятельность, вступая этим самым в регулятивном процессе в противоречие с содержанием. Об этом противоречии уже было сказано.

Почему же остается старая форма на начальном этапе переходного хозяйства? Очевидно, ее полезная социальная функция заключается в выполнении известных функций старого регулятивного типа при новых производственных отношениях. Но это лишь означает наличие определенных противоречий в самих производственных отношениях.

Совершенно новыми типами производственных отношений в переходном хозяйстве являются: 1) отношение рабочих как коллективных владельцев средств производства, 2) отношение политически господствующего рабочего класса к „последнему капиталистическому классу“. В этих новых отношениях, в их развитии имманентно заложены новые формы распределения общественного труда. Однако, они осуществляются лишь в результате борьбы и активной переделки отношений второго типа в отношения первого. Поэтому на начальном этапе переходного периода противоречивость общественных отношений (противоречивость совершенно иного типа, чем при капитализме) выражается в заимствовании для всего хозяйства старой формы (товарной формы) как наиболее приспособленной к тем отношениям, которые складываются между рабочими и крестьянами в этот период. При новых отношениях эта старая форма выполняет известные регулятивные функции старого типа. Однако, здесь заложено огромное противоречие, которое разрешается постепенным уничтожением старой формы и заменой ее новой формой, соответствующей становящемуся все более всеохватывающим социалистическому типу отношений.

¹ Однако из того, что регулятор системы есть основное производственное отношение в его движении вовсе не следует, что можно закон движения системы свести к регулятору. Всеобщий закон капиталистического накопления есть закон движения капиталистического хозяйства, однако его нельзя целиком свести к закону стоимости. Первый развивается на основе второго, — результат второго, и этим самым он качественно отличен от второго, хотя и содержит его в себе.

В переходном хозяйстве отношение между ними еще более сложно: при сохранении одного и того же закона движения мы имеем смену регуляторного начала. Основное здесь — не забывать, что закон движения переходного хозяйства реализуется в процессе борьбы.

Этот процесс очень сложен. Он вовсе не сводится к „мирному“ выхолащиванию старой формы. Старая форма в мелкобуржуазном секторе находит известную почву для своего укрепления, сама содействует развитию присущего ей содержания; в известных пределах появляются и укрепляются отношения капиталистического типа. Таким образом, если в отношениях внутри обобщественного сектора и между обобщественным и мелкотоварным хозяйством противоречия между формой и содержанием разрешаются так, что форма приспособляется к содержанию, выхолащивается, превращается в новую форму, то в мелкобуржуазном секторе в известных пределах это противоречие начинает разрешаться так, что развитие формы стимулирует развитие соответствующего содержания — капиталистического содержания.

На начальном этапе обостряется отношение между новым содержанием и формой — оно разрешается путем расширения отношений социалистического типа и переделки формы, но вместе с этим все более обостряется противоречие между этими социалистическими отношениями и развившимися капиталистическими. Поэтому противоречие, которое мы наблюдаем на последнем этапе нэпа между содержанием и формой, является в значительно большей степени противоречием между двумя различными содержаниями, между двумя противоположными типами отношений. Противоречие между содержанием и формой здесь больше видимость, выражение противоречий между двумя противоречивыми отношениями. На самом деле в этом этапе для господствующего типа отношений противоречие между содержанием и формой находится в процессе своей ликвидации. Это является одним из существенных моментов усиления социалистических отношений и, следовательно, одной из важных причин, ведущих к обострению классовых противоречий.

Гибель товарной формы, укрепившейся на свойственном ей капиталистическом содержании, отнюдь не происходит так же как в социалистическом секторе. Она является результатом не постепенного выхолащивания и приспособления к отношениям социалистического сектора, а прямой ликвидации капиталистических отношений.

Изучение кредитных отношений в переходном хозяйстве, их зарождения и отмирания помимо самостоятельного значения дает много поучительного для уяснения всей проблемы, всего классового смысла соотношения содержания и формы экономических явлений в переходном хозяйстве.

2. ГЕНЕЗИС КРЕДИТА И ЕГО ФОРМЫ

Необходимость развитых форм кредита (сходных с формами капиталистического кредита) появилась в советском хозяйстве сразу, как только более или менее широкий круг предприятий был охвачен рыночными отношениями. И прежде всего она сказалась в возникновении коммерческого кредита. В первый период нэпа средства государственных предприятий и частных были настолько незначительны, разворачивание их шло настолько быстро, что почти никакого вьсвобождения денежных средств не было. Необходимость кредитных отношений появилась не потому, что были свободные „капиталы“. Восстанавливалось производство, реализация происходила преимущественно через посредство частного торгового капитала.

И, конечно, и в наших условиях „капитал нации не мог удвоиться“². Торговые капиталисты не могли обладать капиталом, равным по сумме и стоимости произведенным и сбываемым через них товарам.

Таким образом, необходимость коммерческого кредита вытекала прежде всего из преобладания частного торгового капитала. Эта форма кредитной связи родилась, прежде всего, как форма межсекторной связи, следовательно, с иным, чем при капитализме, социальным содержанием. Внутри же обобщественного сектора коммерческий кредит появился как результат, как отражение того кредита, который связывал обобщественный сектор с частным. Однако кредитная форма здесь, при совершенно чуждом ей социальном содержании, отнюдь не выполняла роли простого технического метода связи. При отсутствии на первом этапе достаточной централизации управления, при большой автономности госпредприятий и преобладания рыночных форм их регулирования — кредит был одним из элементов этого последнего.

Эта потребность в развитии кредитных отношений наткнулась на остатки военнокоммунистических отношений (часть предприятий еще не была на хозрасчете, остались иждивенческие нравы, отсутствовала достаточная кредитная дисциплина). Если просто товарные отношения могли все же развиваться в условиях достаточно сильного влияния военнокоммунистических форм, то кредитные отношения (высшая ступень развития товарных) не имели здесь достаточного простора. Вот что тогда писали:

„... Дело дошло и до некоторых уродливых крайностей — сделок только на наличные („деньги на бочку“). Такой принцип, последовательно проводимый в связи с целым рядом других условий, не мог не вести к параличу оборота, ибо как бы мало он ни был развит, он не может обходиться без кредита... А наши торговые и производственные государственные органы, в руках которых сосредоточено большинство товаров, боялись этот кредит оказывать. Только в настоящее время в связи с острым кризисом сбыта начинается перелом в этом направлении, и госорганы начинают практиковать кредит 30-дневный“².

Таким образом, противоречие между рудиментами старых форм и потребностями, вытекавшими из развития новых, вело к известной задержке в развитии новых отношений, и через рынок же, через кризис сбыта стимулировалось их развитие. Но с другой стороны, огромную роль в деле преодоления пережитков сыграла банковая система. Банковая система не представляла собой результата постепенного стихийного возникновения и концентрации отдельных банковых ячеек. Ее основной костяк — государственный банк — был создан пролетарским государством как командная высота, должная в конечном итоге подчинить себе, а на первых порах лишь регулировать движение в той сфере, которая синтезировала в себе огромнейшую массу отдельных стихийных движений. Государственный банк должен был активно преодолеть все остатки старых форм и нравов хозяйственных отношений, содействовать развитию денежной хозяйства и развязать кредитные отношения. Банковая система на первых порах не находила опоры для своей работы в коммерческом кредите, но сама должна была насаждать и стимулировать развитие этого

² „Народное хозяйство“, 1922 г., № 4, статья И. Деревенко, с. 57.

вида кредита. В свою очередь укрепление коммерческого кредита содействовало расширению и усложнению банковской системы: в частном секторе стала развиваться сеть частных банков (обществ взаимного кредита). Следовательно, все же и в советском хозяйстве, как и при капитализме, базой для развития денежного кредита являлся коммерческий кредит. Денежный кредит развивал коммерческий кредит и в известной мере поглощал его. Денежный кредит расширял свою базу с тем, чтобы тотчас поглотить и превратить ее в элемент самого себя.

Денежный кредит, который вначале был только кредитом банка, на первом этапе имел своей основной функцией создание знаков денег. И лишь тогда, когда, выполняя эту функцию, денежный кредит не только обслуживал настоящий оборот, но и антиципировал будущий, лишь тогда создавалась возможность для процессов временного высвобождения и связывания денежных средств и капиталов. Что банковая система уже в первые моменты своего возникновения занималась такой антиципацией, что эта антиципация проходила по самым разнообразным каналам, показывает ярко следующее: правление Юго-восточного банка в отчете за первые полгода своей деятельности отмечало: „В настоящее время все сданные в аренду мукомольные и маслобойные предприятия Ростова-на-Дону целиком финансируются банком и существованием обязаны банку“.

Обозреватель состояния кредитных учреждений в декабре 1923 г. по этому поводу справедливо замечает: „Расшифровывая это указание отчета, можно сказать, что местная контора Госбанка, которой всецело обязан существованием Юго-восточный банк, через него создает частную промышленность (за хорошие проценты), что очевидно Госбанку делать неудобно, т. к. это грюндерство, а не краткосрочный коммерческий учет торговых векселей, что было бы настоящим делом банка“.

Это явление не было случайным. Кредитование частного капитала в то время было одним из обычных каналов, по которому притекали в оборот денежные средства.

Задачи антиципационной деятельности Госбанка особенно усложнялись в связи с обстановкой падающей валюты. Стоимость денежных знаков, обращавшихся в стране, не только не увеличивалась, но падала. Задача восстановления денежного фонда страны стояла в полном противоречии с природой падающего бумажного знака. И лишь переход на твердую банковую валюту дал возможность энергичного развития процессов антиципации, а с ним и денежно-кредитных отношений. Мы этим не хотим, конечно, сказать, что и впоследствии денежный кредит развивался в меру того, насколько банк кредитовал хозяйство. В этом и заключалось своеобразие первого этапа восстановления денежно-кредитных отношений, что они не могли развиваться без антиципационной деятельности банка, ибо она восстанавливала денежный „капитал“ страны, без чего процессы высвобождения денежных средств вообще не могли иметь широкого распространения.

Но это не означает, как думают иные (Михалевский, К методологии изучения нашего денежного обращения), что эта „антици-

³ Дорошенко А., Кредитные учреждения в декабре, „Вестник финансов“, 1924 г., № 5.

пация“ продолжалась и дальше и что за ее счет идет процесс индустриализации страны. Антиципация имеет и должна иметь место лишь как сезонное явление.

Восстановление товарно-денежных отношений создавало возможность кредита товарного и денежного. Эта возможность товарного, коммерческого кредита превращалась в необходимость по мере того, как развивалось производство на рынок и восстанавливался частный торговый капитал. Возможность денежного кредита превратилась в его необходимость, поскольку была создана банковая система и восстанавливался денежный фонд страны.

Прежде всего, этот денежный кредит развивался внутри обобщественного сектора и между обобщественным и частнокапиталистическим. В первом случае (денежный кредит внутри обобщественного сектора) мы имеем полное перерождение социальных отношений кредита. Это бесспорно. Но в какой мере сохранилась здесь старая капиталистическая форма кредита — форма продажи особого товара — капитала за определенную цену (процент)? Само собой ясно, что в нашем случае то, что продается, не является капиталом. Этим самым содержащее уже изменяет форму. Остается, таким образом, та сторона формы, которая связана со свободной продажей денежных средств одним обобщественным предприятием другому. Эта форма на первых порах остается, и она играет определенную регулятивную роль, роль рычага в перекачке свободных средств в сторону их наиболее рентабельного помещения. Рентабельность же определялась в основном стихийно складывавшейся обстановкой (в которой значительную роль играла падающая валюта).

Председатель Госбанка в речи на совещании по реализации хлебного займа отмечал, что „у ряда трестов имеются свободные средства, и они иногда помещаются даже в твердую иностранную валюту“⁴. С другой стороны, и банк стремился помещать свои ресурсы в наиболее прибыльные предприятия и, следовательно, обслуживал стихийно складывающееся соотношение сил. Отмечалось, что ряд предприятий вследствие дороговизны кредита (что было связано с падающей валютой) не могли пользоваться этим кредитом⁵.

Для нас важно именно это обстоятельство — свобода распоряжения средствами, что определяло уже и денежно-кредитные отношения как свободно складывающиеся и, следовательно, — сохранявшие старую форму при совершенно ином социальном содержании. Но это совершенно новое содержание и делает остатки старой формы кредита неустойчивыми, очень быстро выветривает моменты „свободы“ — свободу помещения своих средств хозяйственным и свободу распоряжения банка этими средствами, связывая его определенным общехозяйственным планом, и через короткое время уже полностью уничтожается свобода купли и продажи денежных средств, т. е. сама форма кредита получает совершенно иной характер. Под внешней капиталистической формой, ставшей совершенно чуждой, скрывается новая форма планового кредита.

На развитии этого процесса мы остановимся в дальнейшем. Отметим лишь, что перерождение формы кредита началось раньше, чем перерождение товарной формы. Это объясняется, во-первых, тем,

⁴ „Вестник финансов“, 1922 г., № 15.

⁵ См. ст. А. Дезена в „Экономическом обозрении“, 1923 г., № 4.

что кредитная форма не имеет столь всеобщего характера, как товарная форма, во-вторых, тем, что высокое развитие банковской системы капитализма ведет к значительной централизации кредитных отношений и оставляет после себя огромный опыт в деле их урегулирования. Пролетарское государство, отсекая то, что „капиталистически уродует этот превосходный аппарат“ (Ленин), делает дальнейший шаг по пути регулирования кредита, захватив кредитную монополию, превратив банки в свои командные высоты, связывая их деятельность со всем социально-производственным планом хозяйства.

Этот тип „кредитных“ связей, где мы имеем полное перерождение содержания и формы, является господствующим.

Кредитные отношения между обобщественным и частнокапиталистическим сектором, как мы увидим в дальнейшем, не получают большого развития, но на первом этапе нэпа играют все же довольно значительную роль. Здесь наибольшее приближение в смысле капиталистической формы кредита мы имеем в случае, когда кредитор—капиталист, а заемщик—обобщественный сектор—банк. Здесь мы имеем свободную продажу товара—капитала, который, пройдя однако через банк, в значительном числе случаев перестает быть капиталом. Поскольку эти средства направляются в обобщественный сектор, получение процента еще не означает, что капитал применяется как капитал и, следовательно, содействует расширению капиталистических отношений, а, наоборот, означает, что ссуженный капитал действует непосредственно как средство, уничтожающее капиталистические отношения. Капитал здесь подрывает самого себя.

В случае же, когда кредитором выступает банк, а заемщиком капиталист, старая форма кредита сохраняется непродолжительное время, заменяясь быстро строгим регламентированием кредита. С одной стороны, здесь несомненное содействие расширению капиталистических отношений, но, с другой, это расширение происходит там, где в настоящий момент выгодно пролетарскому государству и, следовательно, представляет собой одновременно и ограничение капиталистических отношений. Процент воплощает здесь двойственный характер этой кредитной сделки и представляет собой часть прибавочного продукта, присвоенного прежде в качестве прибавочной стоимости капиталиста и возвращаемого коллективному рабочему.

Третий тип—чрезвычайно своеобразных отношений—это кредитные отношения между обобщественным и простым товарным сектором. Важнейшая их сторона—это кредитование обобщественным сектором простого товарного хозяйства. Здесь и содержание и форма кредита ничего не имеют общего с капиталистическими. Вся сумма направленного сюда кредита, высота процента, социальное направление,—все это определяется планом. Достаточное развитие эта форма получает уже в результате укрепления планового хозяйства. Эта третья форма кредита имеет тенденцию слиться с первой, поскольку основная функция кредита заключается здесь в переделке простого товарного хозяйства, в превращении его в обобщественное, в поддержке бедняцко-средняцких слоев деревни в их борьбе против ростовщиков.

Все остальные виды кредитных отношений имеют гораздо меньшее значение. В наиболее чистом виде сохраняет у нас свою форму ростовщический кредит, но и здесь значительно модифицируется его содержание (поскольку присутствует третий наблюдающий и

„ограничивающий“ — пролетарское государство). Здесь мы имеем только модификацию, тогда как в первом и в третьем случае мы имеем новое качество.

Таким образом, отношение между формой и содержанием кредитных отношений в нашем хозяйстве гораздо сложнее, чем это обычно изображается. Недостаточным и, следовательно, неверным является положение, что содержание общественных отношений изменяется, но сохраняются формы их⁶.

Мы имеем, во-первых, различные степени изменения содержания, во-вторых, различные степени сохранения и изменения формы.

Неверно также положение, что „по своим формальным признакам то, что мы и в условиях советского хозяйства называем ссудным капиталом, походит на ссудный капитал буржуазного общества“⁷. Неверно просто потому, что автор не различает в кредите формы как внутренне присущей данному отношению от формы внешней, как у ждой. При одних и тех же „формальных“ признаках меняется и суть отношений и их действительная форма.

Нельзя также сказать, что „ссудный капитал образуется па стыке обобществленного сектора нашего хозяйства и необобществленного его окружения, на стыке коллективистического способа производства и индивидуального метода домохозяйства (! — Г. К.). В сущности говоря, только потому, что, во-первых, в Советском союзе мы наблюдаем сожительство разнообразных хозяйственных систем (необщественное окружение), только потому, во-вторых, у нас во всем хозяйстве сохраняются товарно-денежные отношения... в сфере обращения функционирует ссудный капитал“⁸. Нельзя говорить о какой-то единой категории ссудного капитала, которому полностью соответствуют социальные отношения вне обобществленного сектора и который отражается, „рефлектируется“ лишь в форме ссудного капитала в обобществленном. Автор здесь делает ту ошибку, что берет явления не в их развитии и поэтому переоценивает значение „рефлектирования отношений“ необобществленного в обобществленный сектор, которое имеет место лишь на самом первом этапе, тогда как уже при ближайшем развитии этих отношений изживание кредитной формы переносится из обобществленного на необобществленный. Во-вторых, как мы видели, разный смысл и разное содержание имеют отношения обобществленного сектора с простым товарным и с частнокапиталистическим сектором.

Одним словом, основными ошибками т. Трахтенберга мы считаем игнорирование посекторного рассмотрения — содержания и формы кредитных связей в процессе развития как внутренних отношений каждого сектора, так и в процессе развития взаимосвязи секторов.

Это обстоятельство приводит т. Трахтенберга к механическому делению всех кредитных отношений на „настоящий“ ссудный капитал и его „рефлектированное отображение“. Кажется бы, что т. Трахтенберг именно через это „рефлектированное отображение“ связывает различные секторы, реализует предпосылку единства совет-

⁶ Трахтенберг, И. А. Современный кредит, т. I, с. 287.

⁷ Там же, с. 285.

⁸ Там же с. 185.

ского хозяйства. Однако, именно потому, что он не рассматривает отношения формы к содержанию в ее развитии, вся проблема „единства“ кредитных связей и его распадаения ускользнула от его анализа.

3. ПРЕОДОЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕТСКОГО КРЕДИТА К ЕДИНСТВУ

Мы до сих пор говорили о содержании и форме кредитных отношений в отдельных секторах и в межсекторных связях. Теперь следует рассмотреть вопрос, в какой мере развивалась взаимосвязь между различными типами кредитных отношений. Когда мы говорили о кредитных связях между секторами, речь шла об определенной стороне связи между секторами. Но это не покрывает вопроса о взаимосвязи между различными типами (внутрисекторными и межсекторными) кредита. В капиталистическом хозяйстве кредитные отношения складываются в систему отношений. Эта кредитная система является результатом появления свободного рынка кредита, как результата интенсивнейшего развития кредитных отношений. Как на обычном товарном рынке стерты следы того способа производства, при котором производился данный товар, так и на рынке кредита стерта социальная природа поступающих на него денег, а целая система специальных предприятий превращает любые деньги в безличный капитал. Любые свободные деньги поступают на рынок ссудных капиталов, обезличиваются и подчиняются общим, закономерностям движения ссудного капитала. Ссудный капитал подчиняет своему движению все виды свободных денег и тем самым в известной степени различнейшие виды социальных отношений. Форма, в которой происходит это движение — форма свободного рынка ссудных капиталов, свободного их предложения и спроса.

Однако, это — капиталистическая „свобода“: каждый может предложить свои средства этому рынку, почти в любом размере, но не каждый может получить оттуда. Полная свобода предложения и обезличение через это, но далеко не полная „свобода“ получения, — таков тот механизм, через который рынок ссудных капиталов меняет социальное направление, социальную характеристику функционирующего на нем денег. Именно этот девиз — „с миру по копейке — богатому заводик“ — деньги берут у всех“, написан на всех тех изощренных разнообразных формах привлечения ресурсов на денежный рынок, применяемых при капитализме (сберегательные кассы, двухрублевые акции и т. п.). Свободный денежный рынок создает единую социальную характеристику для всех свободных ресурсов и дает им единое капиталистическое направление.

В какой же мере все виды кредита в СССР складываются в единую систему, в какой мере можно говорить об единстве в различнейших кредитных отношениях, в какой мере стираются следы различия в социальной природе высвобождаемых ресурсов? Иначе говоря, не существует ли особой единой категории советского кредита?

При решении этого вопроса прежде всего следует принять во внимание неравномерность отмирания старой формы кредита в различнейших видах советского кредита. Совершенно очевидно, что поскольку мы имеем резкие различия в их социальном содержании, это единство могло бы создаться лишь на основе, во-первых, единства формы и, следовательно, одинакового или приближен-

тельно одинакового выполнения ею регуляторной функции в различных условиях и, во-вторых, постепенного перерождения содержания различнейших кредитных отношений в направлении отношений господствующего сектора.

Таким образом, прежде всего, и стоит вопрос о темпе отмирания кредитной формы в господствующем секторе. Мы уже указывали выше, как дело началось со свободы распоряжения своими ресурсами для госпредприятий. Вначале потребовался даже ряд чисто административных мероприятий, чтобы заставить предприятия держать свои свободные кассовые ресурсы в банке и включиться в систему кредита. Лишь по мере роста оборота и связанных с ним технических трудностей, после введения текущих счетов в твердой валюте (и административных мероприятий) начинается интенсивный прирост текущих счетов, но и здесь мы имеем вначале известную „свободу“. Можно было держать текущие счета в любом банке, и до недавнего времени можно было свои средства свободно помещать в любые государственные ценные бумаги.

Многие учреждения предпочитали эти последние, благодаря их более высокой доходности по сравнению с текущими счетами. Таким образом, в самом обобществленном секторе конкурировали между собой различные методы мобилизации свободных средств. Впрочем, эта свобода маневрирования была весьма ограниченной, ибо свободные фонды могли помещаться в той или иной форме, но в обобществленном секторе. Но чем дальше проходила консолидация обобществленного сектора, чем больше плановое начало заменяло „свободную игру стихии“, тем уже становились даже эти возможности маневрирования, тем планомернее по ранее намеченным руслам направлялись свободные средства из обобществленного сектора на „денежный рынок“.

Количество банков уменьшалось, клиентура распределялась между банками, прямым административным приказом запрещалось помещать свои средства в ценные бумаги, не предназначенные для помещения свободных денежных фондов госучреждений. Проводимая сейчас кредитная реформа завершает этот процесс. Предприятия обязаны держать все свои наличные ресурсы в банке, производящем за него все расчеты. Никакое укрывательство своих свободных средств здесь невозможно, ибо оно сразу обнаружится как прорыв в финансовом плане клиента банка. Кредитная реформа организационно завершает в окончательной форме тот процесс, который в предыдущие годы направлялся рядом отдельных регламентирующих мероприятий. Строго определенное направление всех высвобождающихся ресурсов к месту их концентрации, по точно установленным потокам — такова та высшая форма мобилизации свободных денег, в которой развивался кредит обобществленного сектора.

С другой стороны, по мере роста планирования производственных процессов сами процессы высвобождения принимают все более плановый характер. Таким образом, вполне „свободный“ рынок для помещения свободных ресурсов для обобществленного сектора был лишь кратковременным эпизодом начала нэпа. Но тем самым гигантскими шагами шел процесс выхолащивания старой капиталистической кредитной формы. Свободная купля-продажа денежных ресурсов сменилась строгим регламентированием социального направления и техники их мобилизации.

Этим самым кредитная форма с ее видимостью свободного помещения средств и процентом превращается во внешнюю чуждую форму, которая легко лопается, как яичная скорлупа над созревшим цыпленком.

Но это быстрое выхолащивание кредитной формы в общественном секторе—превращение ее в нечто иное—тем самым означало невозможность развития кредитного контакта с секторами, где кредитная форма в основном сохранилась (частнокапиталистический сектор). Здесь нам могут возразить, что кредитная связь могла бы сохраниться на основе единства денежной формы. Но в этом возражении не учитывалось бы то решающее обстоятельство, что выхолащивание кредитной формы в общественном секторе („плановый кредит“) и могло иметь место именно потому, что кредитные связи с частнокапиталистическим сектором были сведены почти к нулю. Само отсутствие кредитной формы включало в себя отсутствие кредитной связи с частнокапиталистическим сектором.

Разберем это подробнее.

Мобилизация кредитным путем ресурсов частнокапиталистического сектора и кредитное воздействие на него в течение нэпа меняли свой характер под влиянием изменений удельного веса частнокапиталистического сектора, с одной стороны, и нашей политики по отношению к нему, с другой (оба эти фактора, конечно, связаны друг с другом). В начальный период нэпа, когда частный капитал занимал до 80% в розничном обороте и до 50% в оптово-розничном, мы имели довольно интенсивный рост его накоплений. С другой стороны, и часть кредитных ресурсов общественного сектора не могла не направиться, как мы выше видели, через частный сектор. Отсюда и тот сравнительно высокий удельный вес, который частные средства занимали в пассивах наших банков.

„Остатки по текущим счетам частной клиентуры составляли на I/X 1922 г. по свободному балансу Госбанка 7,5% (по филиалам 10,8%)...“

„Однако, были моменты, когда даже в правлении, где процент госпредприятий особенно высок, значение текущих счетов частных лиц было значительно больше; так, на I/VI они составляли 18%, а на I/VII—даже 25%“⁹.

Такой приток средств объяснялся желанием завязать связь с банками, через участие в пассивах пользоваться и активами.

„По вексельным операциям удельный вес частника составлял 22,7% по филиалам и 15,1% по сводным балансам, а по подтоварному—23,8% по филиалам и 19,3% по сводному балансу“¹⁰.

„В 1922/23 г. в частный оборот было влито свыше 40 млн. руб. банковских средств. Если взять общий оборот, то можно полагать, что в течение 1922/23 г. было выдано банками частным лицам и предприятиям около 100—120 млн. руб.—каковые суммы нельзя не признавать значительными, принимая во внимание положение частного капитала в это время и объем его работы“¹¹.

⁹ „Народное хозяйство России за 1921/22 г.“, с. 249.

¹⁰ Там же, с. 250.

¹¹ Из сообщения Фридмана в Институте экономических исследований НКФ. См. „Вестник финансов“, 1926 г., № 4.

С другой стороны, это наличие известных собственных ресурсов, желание закрепить свои позиции на денежном рынке и скрытое стремление использовать средства госучреждений привели к довольно интенсивному росту частнокапиталистических обществ взаимного кредита. Это была попытка превращения кредитных отношений в частном секторе в систему отношений — попытка создания кредитной системы.

Обобществленный сектор на это вначале шел, полагая, что при государственной монополии крупных банков и монополии внешней торговли имеется возможность такого сильного чисто экономического воздействия на частный кредит, что рост его в форме организации общества взаимного кредита не страшен. Действительно, вначале мы имели попытку кредитного регулирования деятельности обществ взаимного кредита.

Но чем больше укреплялся обобществленный сектор, тем больше требовалось ресурсов для его развертывания, и чем больше вытеснялся частный капитал, тем все менее имело смысла предоставление даже небольших кредитов частному сектору. Кроме того, приходилось считаться с тем, что общества взаимного кредита, не довольствуясь доходностью от кредитных операций, в большинстве случаев сильно развивали товарные операции чисто спекулятивного характера. Поддержка обществ взаимного кредита означала в этом случае поддержку операций, явно вредных для советского хозяйства. Отсюда почти полное прекращение кредитования обществ взаимного кредита со стороны Госбанка.

„Экономическая жизнь“ от 8 марта 1927 г. сообщала о докладе представителя Бюро московских обществ взаимного кредита на совещании хозяйственников, который констатировал:

„Участие государственных средств (в виде займов) в работе обществ взаимного кредита на протяжении всего года показало определенную тенденцию к значительному снижению, вследствие чего в настоящее время задолженность обществ Госбанку доведена до минимальнейших размеров и, не оказывая решающего влияния на состояние ресурсов обществ, не может, естественно, оказывать влияния и на направление их кредитной политики“.

Отсюда ясно, что основными мерами воздействия должны были стать чисто административные методы регулирования характера и направления операций этих обществ.

Но этим самым организованный частный кредитный рынок отрезывался от обобществленного кредита и уже путем чисто хирургических административных мероприятий доводился до минимальных размеров и обезвреживался. Сведя к минимуму свои связи с частнокапиталистическим сектором, обобществленный сектор получил возможность значительно большей свободы маневрирования и планирования кредита.

В организованный частный кредитный рынок вовлекался далеко не весь свободный частный капитал. Существовал ссудный капитал, непосредственно связывавшийся с частными предприятиями, нуждавшимися в средствах. Продолжал свое существование также ростовщический капитал. Неорганизованный рынок частного ссудного капитала и ростовщический капитал в городе и деревне отличались весьма высокими процентными ставками. Для первого это находило объяснение в весьма высоких спекулятивных прибылях частного ка-

читала при товарном голоде, для второго — просто его монопольным положением — в особенности там, где недостаточно была развита система с.-х. кредита и система достаточной помощи деревенской бедноте.

Непосредственное экономическое воздействие на неорганизованный рынок путем взаимопроникновения кредитных отношений обобщественного и частноорганизованного рынка кредита с неорганизованным существовало в минимальной степени, вследствие ряда моментов.

Во-первых, неорганизованный кредит, обслуживая наиболее спекулятивные участки рынка, получал колоссальные проценты, и ему самому невыгодно было вступать в общение с обобщественным кредитом.

Во-вторых, при таком характере этого кредита обобщественный сектор также стремился к его полной изоляции и уничтожению его административными мерами непосредственно или через посредство регулирования и ограничения частного торгового капитала.¹²

В-третьих, организованный кредит не мог воздействовать на неорганизованный без помощи обобщественного, в силу своей слабости.

В результате всего этого мы вместе с известным развитием капиталистических отношений в стране имели в этом секторе развитие частного кредита с присущим ему содержанием и формой.

Этот отрыв рынка частного кредита, его самостоятельное существование противопоставляло себя обобщественному кредиту и в известных пределах создавало конкурентоспособного противника, мешавшего достаточному развитию мобилизационной кампании обобщественного сектора.

Так напр., в экономической печати встречались такие указания: „На Кубани, напр., существуют частные кассы, вокруг которых группируются зажиточные крестьяне, где платят по 80% годовых; в Донбассе, по заявлению представителя Равенецкого товарищества, частные торговцы дают 240% годовых. При наличии таких процентов, крестьяне, имеющие средства, не несут свои излишки в кредитные товарищества, дающие 8%, т. к. они могут получить этот процент за 1 мес.“¹³

„Нередко частные торговцы заставляли своих служащих ссужать им деньги. Сберкассы здесь конкурентами не могли быть“¹⁴.

¹² Иллюстрацией этого последнего может служить следующее сообщение смоленского корреспондента „Экономической жизни“ (от 27/II 1927 г.). „В результате сжатия частной торговли почти повсему фронту освободились значительные суммы капиталов, которые ищут применения и временно являются свободным валютным резервом. Частные кредиторы и ростовщики, зарабатывавшие раньше бешеные деньги, в настоящее время почувствовали все значение факта прилива свободных денежных средств и падения учетного процента. Частный дисконт, достигавший в период максимального расцвета частной торговли в условиях товарного голода до 8—120% месячных, уже в октябре—ноябре упал до 5—60%, и в настоящее время не превышает 2½—40%, т. е. понизился почти в 2 раза.“

Увеличение свободных средств по линии частноторгового сектора, изъятых из торгового оборота, открывает большие перспективы для госзаймов. Уже в настоящее время многие частные фирмы проявляют большой интерес к различным ценным бумагам, а последние облигации выигрышного займа на частном рынке котировались по 115 руб.“

¹³ „Экономическая жизнь“, 1927 г., № 75.

¹⁴ „Вестник финансов“, 1926 г., № 4.

Ясно, что не путем обычной рыночной борьбы обобществленный сектор мог преодолеть здесь своих частных конкурентов. Лишь прямое и интенсивное вытеснение частника, ограничение деревенского кулака и инициатива самих масс приводили к выпрямлению пути, к направлению мелких сбережений по намеченным для них обобществленным сектором каналам.

Весь этот путь борьбы за преобладание социалистических отношений проделывался при отчаянных попытках тянуть нашу кредитную практику назад к частному капиталу. Какие здесь трюки только ни придумывались. Один из этих трюков, придуманный неким Чалхушианом—закон максимальной экономии, заключавшийся в том, чтобы продвинуть „максимальных размеров товарную массу в максимально-выгодном для народного хозяйства направлении—с минимальной помощью кредитных учреждений; отсюда вывод о необходимости усиления кредитования частного капитала“¹⁵.

Переход к денежному хозяйству, процесс периодического вы-свобождения денежных средств и их накопления, уничтожение почти всех препятствий, тормозивших развитие частного обмена и мелкого производства, были факторами, вызывавшими тенденцию к образованию единого денежного рынка. Этому чрезвычайно способствовала активная политика Госбанка, который на этом создающемся денежном рынке осуществлял гегемонию обобществленного сектора. Все его мероприятия, сводившиеся к стимулированию развития кредитных отношений, к их упорядочению содействовали притоку средств не только в обобществленный сектор, но и в известной мере в частный. Слабость планирования создавала некую общность в формах кредита, имевших различное социальное содержание. Появилась тенденция к единому кредитному рынку смешанной социальной окраски при гегемонии обобществленного сектора. Задача этого последнего на первых порах заключалась в развязывании кредитных отношений, предугадывании их направления, в такой их модификации методами кредитного рынка, которая обеспечивала бы в общем и целом интересы расширенного воспроизводства обобществленного сектора.

Однако, именно укрепление обобществленного сектора, интенсивный темп его роста вели к необходимости максимального использования всех ресурсов в его интересах и, следовательно, к экономии на кредитных связях в форме кредитного воздействия на частный сектор. Отсюда усиление обратной тенденции к расщеплению кредитного рынка на различные сектора с различной социальной окраской. Отсюда же невозможность достаточного воздействия частного организованного кредита на неорганизованный; первый без помощи обобществленного сектора был слишком слаб, чтобы справиться со вторым. Отсюда рост самостоятельности неорганизованного частного кредита, его известное укрепление, конкуренция с обобществленным сектором в деле мобилизации мелких сбережений и трудность в его подчинении для обобществленного сектора методами кредитного воздействия.

Посекторальное расщепление кредитного рынка означало переход от периода сравнительно „мирного“ кредитного сожительства обобществленного и частного кредита к решительной борьбе за уничтожение последнего. Но именно здесь, когда мы стали вообще вытеснять

¹⁵ См. его статью в „Вестнике финансов“, 1926 г., № 3.

частный капитал со всех его позиций, именно тогда он стал видеть свое последнее прибежище в предоставлении своих ресурсов обобществленному сектору, он предпочел подвергаться мягкому воздействию государственного кредита, чем попасть в довольно жесткие руки фининспектора.

Условия СССР, конечно, нельзя обобщать на переходное хозяйство вообще. Теоретически мыслимо гораздо более широкое использование кредита в деле регулирования частного капитала (одна из форм госкапитализма). Но, конечно, при каких бы то ни было условиях нельзя себе представить ликвидации класса капиталистов кредитными мерами.

Это развитие явлений на кредитном рынке важно со своей принципиальной стороны, ибо оно подтверждает невозможность овладения частным капиталом чисто рыночно-денежными методами, оно подтверждает невозможность „вращения“ капиталистов в социализм.

Итак, некое единство форм кредита вело к созданию системы кредитных отношений, к форме кредитного рынка с его свободой передвижения ресурсов. Она существовала лишь короткое время, в начале нэпа, но и тогда социальная суть этих движений была совсем иная, чем при капитализме. Процесс приспособления этой формы к новому социальному содержанию происходит через распадение этой формы и ее расщепление, посекторальное приспособление и постепенное полное самоуничтожение в обобществленном секторе и насильственное уничтожение в частнокапиталистическом.

4. ПЕРЕРОЖДЕНИЕ КРЕДИТА—ПЛАНОВЫЙ КРЕДИТ

Выше было указано, что перерождение кредитной формы в обобществленном секторе связано, во-первых, с кредитной изоляцией обобществленного сектора от частнокапиталистического, во-вторых, с усилением плановости кредита, выражающимся в точной фиксации путей и методов мобилизации и распределения кредитных ресурсов.

Но это последнее лишь одна сторона планирования. Вторая не менее важная сторона заключается в количественной определенности намечаемых к мобилизации ресурсов и в количественной определенности их распределения по отраслям народного хозяйства и установленным целям. Не трудно видеть, что эта вторая сторона является прямым следствием первой, ее неотъемлемой частью. Лишь такая качественная и количественная определенность мобилизуемых ресурсов и их направление представляет собой кредитное планирование.

На этом мы и предполагаем сейчас остановиться.

Однако, предварительно следует отметить ряд важнейших обстоятельств.

Когда мы говорим о кредитном планировании, мы имеем в виду, так сказать, внутреннее перерождение кредитной формы. Уничтожение же кредитной формы идет не только путем ее внутреннего перерождения, но и путем прямой ее замены и вытеснения, ограничения сферы кредитных форм связи вообще.

Мы уже не говорим о таких явлениях, как отсутствие вольного фондового рынка, который является весьма питательным источником расширения сферы кредитных отношений в условиях капитализма.

Здесь речь пойдет, прежде всего, о прямой замене кредитных методов перераспределения методами прямого бюджетного изъятия и распределения ресурсов.

Для характеристики того, какое влияние этот последний метод имеет на мобилизацию ресурсов кредитной системой—проанализируем их движение.

Количественная характеристика процессов освобождения денежных ресурсов может быть охарактеризована следующими данными:

Динамика вкладов и текущих счетов по 5 банкам (в млн. р.).

Все вклады и тек. счета	То же без вкладов НКФ (так наз. коммерческие вклады и тек. счета)
На I/I—1922 г.	29,9
„ I/X—1923 г.	206,6
„ „ —1924 г.	512,2
„ „ —1925 г.	1145,8
„ „ —1926 г.	1253,1
„ „ —1927 г.	1353,1
„ „ —1928 г.	1503,8
„ „ —1929 г.	2086,2
„ „ —1930 г.	2525,1
	29,8
	148,9
	406,0
	830,0
	855,0
	899,5
	1002,3
	1364,0
	1718,0

Следует иметь в виду, что на движении вкладов НКФ до 1929 г. отражалась реализация платежных обязательств НКФ, которые служили формой помещения средств для различных госучреждений и предприятий.

С другой стороны, так наз. коммерческие вклады включают ресурсы всяких бюджетобразных учреждений. Поэтому для характеристики процесса высвобождения средств из предприятий не бюджетного, а чисто „коммерческого“ типа полезно привести следующую таблицку:

Текущие счета по 5 банкам (в 1924 и 1925 гг. без Электробанка) в млн. р.

	Госпромышл.	Кооперации	Госторговли
На I/X 1924 г.	119	16,8	29
„ „ 1925 г.	276	43,9	55
„ „ 1926 г.	262	54,2	27
„ „ 1927 г.	216	66,4	27,4
„ „ 1928 г.	208	117,3	31,2
„ I/I 1930 г.	290	156,8	43,9

Сопоставление I и II таблиц ясно показывает, какую сравнительно незначительную долю во всех ресурсах, притекающих в порядке высвобождения в кредитную систему, занимают текущие счета промышленности, кооперации и госторговли. На причинах этого мы остановимся несколько ниже.

Теперь же проиллюстрируем еще один важный момент—внутригодовые колебания текущих счетов и вкладов:

Г о д ы	Все вклады и тек. счета			Коммерческие вклады		
	Наиб. остаток	Наим. остаток	% отнош. 1 к 2	Наиб. остаток	Наим. остаток	% отнош. 1 к 2
1922/23	206	29	710,2	162	30	540,0
1923/24	512	204	251,0	406	148	274,3
1924/25	1145	512	223,6	855	409	209,0
1925/26	1253	1037	120,8	855	725	117,9
1926/27	1353	1236	109,5	1007	855	117,8
1927/28	1509	1320	114,3	1002	899	111,5
1928/29	2086	1503	138,7	—	—	—

То же по отдельным отраслям:

Г о д ы	Госпромышленность			Кооперация			Госторговля		
	Наиб. остат.	Наим. остат.	% от-нош.	Наиб. остат.	Наим. остат.	% от-нош.	Наиб. остат.	Наим. остат.	% от-нош.
1924/25	276	120	230,0	43,9	19,8	296,6	55,1	21,1	261,1
1925/26	276	119	231,9	53,7	33,0	162,7	55,1	26,4	208,7
1926/27	270	216	125,0	83,3	54,2	153,7	31,1	24,1	129,0
1927/28	254	179	141,9	117,3	16,4	176,6	31,2	16,6	187,9
1928/29	290,8	208,8	139,3	156,8	98,4	159,3	43,9	28,9	151,9

Первое, что бросается в глаза при анализе этих таблиц—это резкое уменьшение внутригодовых колебаний вкладов (от минимума к максимуму) от 1922/23—до 1924/25—1925/26 гг. Объясняется это, конечно, восстановлением денежных фондов страны—минимум почти всегда падает здесь на начало, а максимум на конец года.

В последнее время внутригодовые колебания наиболее ярко выражены в кооперации и госторговле, но значительно меньше в промышленности и сильно смягчаются в движении общей массы вкладов.

Причины как незначительного удельного веса чисто коммерческих вкладов в общей сумме высвобождающихся ресурсов, так и различной степени внутригодовых колебаний в различных элементах этой категории вкладов—причины этого лежат в том количестве сужении возможностей кредитного высвобождения, которое вытекает из природы нашего хозяйства—это количественное сужение переходит в качественное, окрашивает наш кредит в особый специфический цвет, резко ограничивая его роль и возможности. Но это все является лишь результатом особой социальной природы нашего кредита.

Первые годы (примерно до 1925/26) характеризовались бурным ростом текущих счетов, выразившим восстановление денежных оборотных фондов предприятий. Наряду с этим на текущих же счетах

стали отлагаться накопления и амортизационные фонды. Задача растущего плана, правильно им разрешенная, заключалась в том, чтобы подхватить и организовать это движение. Плановность ему была придана перераспределением накопления через бюджетную систему. Так, напр., в 1929/30 г. из суммы в 2 980 млн. р. собственных ресурсов промышленности (прибыль 2 430 млн. р. и амортизация 550 млн. р.) бюджет изымает 1 324 млн. р., давая в то же время промышленности 1 692 млн. р.

В этих условиях, когда значительная часть собственных накоплений промышленности изымается и перераспределяется бюджетным методом, а остальная часть включена в жесткий финансовый план—возможности „высвобождения“ ресурсов крайне ограничены. Текущие счета превращаются просто в кассовые резервы предприятий, сводимые до минимума. Отсюда и сравнительная незначительность их колебаний внутри года. Большой процент колебаний в госторговле и кооперации просто объясняется менее жестким финпланом и значительно меньшей перераспределительной работой бюджета.

Сфера денежно-кредитных отношений суживается. Стихийное высвобождение все больше замещается плановым изъятием средств.

С другой стороны, становится ненужной, тормозящей развитие форма коммерческого кредита. Падение роли частного капитала в товарообороте само по себе уже уничтожает потребность в коммерческом кредите в той его советской форме, о которой мы уже говорили выше. Причем развитие происходит вовсе не так, что вытеснение частного капитала вызывает отпадение коммерческого кредита, а наоборот, обобществленный сектор, разрушая отношения коммерческого кредитования, использует его в качестве одного из существенных методов разрушения частного капитала.

В обобществленном секторе, поскольку его торговые связи с частным капиталом сводятся почти к нулю, форма коммерческого кредита как форма сезонного перераспределения средств представляет собой вредную, отжившую, наименее поддающуюся централизованному планированию форму.

Замена коммерческой формы кредита прямым банковским денежным кредитом на определенные цели, определенному клиенту, самому нуждающемуся в кредите, а не передающему его неизвестно кому, представляет в отношении планирования огромные преимущества.

Отмена коммерческого кредита в нынешней кредитной реформе есть лишь естественный результат того процесса вытеснения частного капиталистического сектора, который начался уже давно.

Таким образом, крайне ограничивается сфера кредитных форм связи вообще. Там же, где они остаются—они подвергаются все большему воздействию плана. План здесь является в отличие от бюджетного метода замены кредита результатом прямого полного внутреннего перерождения кредитной формы, ее приспособления к ее развивающемуся в направлении полного уничтожения стихийных элементов содержанию.

Плановый в полной мере кредит уже вообще не кредит, даже в его переходной форме. Это уничтожение кредита. Это просто перераспределение ресурсов в плановой форме. Поэтому совершенно недо-

«статочны такие обычные характеристики плановости в сов. кредите— что „плановость это неотъемлемая черта советского кредита“. Этого мало—плановость это метод полного уничтожения кредита.

Совершенно неверным является уже сравнение нашего планирования с капиталистическим (см. хотя бы у Соболева).

Конечно, у капиталистических банков тоже есть свои планы распределения кредитов. Неправильно иногда представлять себе дело так, что они реагируют только на случайные требования кредитов. Тесно связанные с различными предприятиями, длительно заинтересованные в них, капиталистические банки эпохи финансового капитала не могут не иметь известного плана в распределении своих кредитов. Но наше планирование принципиально отлично от капиталистического. Во-первых, тем, что у нас есть единый кредитный план. Во-вторых, тем, что этот кредитный план (и его „единство“) опирается на систему обобщественного производства.

Обречены на провал все попытки капиталистического мира иметь какой-то централизованный кредитный план, который может регулировать не только кредит, но и все производство. Эти старческие утопии как нельзя лучше разбиты современным американским кризисом.

Но именно опираясь на это капиталистическое „планирование“, ряд экономистов снисходит до признания возможности планирования и у нас, настаивая в то же время на капиталистических методах планирования. Мы имеем собственно три направления в нашей экономической литературе в этом вопросе.

Одни желали сохранить „планирующее“ значение за процентом: „Точного установления потребности данного клиента в кредите, в особенности по сравнению с другими клиентами при плановом кредите быть не может“, писал проф. Силин; но вслед за этим он прибавлял несколько либеральных фраз о том, что „из этого утверждения не следует заключить, что плановое начало вполне устраняется применением учетной политики. Даже в условиях полного господства начала свободной конкуренции и частного предпринимательства дисконтная политика признается теперь далеко не всегда достаточным средством регулирования кредита“¹⁶. Одним словом, нашему хозяйству милостиво разрешалось заимствовать наиболее „высокие“ формы капиталистического „планирования“.

Тут просто полное игнорирование природы нашего кредита, полное непонимание того, что изменение социальной природы кредита и процента не могло не сказаться на количественном его выражении, на регулирующей его роли. Ведь одна только фиксация каналов притока для подавляющей массы свободных ресурсов уже уничтожала „кредитный рынок“ и тем самым регулирующее значение процента. Но иные полагали, что это регулирующее значение процента может и должно сохраниться в отношении обобщественного сектора с частным¹⁷.

В основе этих взглядов сознательно или бессознательно несомненно было представление о том, что отношения обобщественного и частного секторов все время будут сводиться к приспособлению первого к закономерностям второго. Враги—в этом видели неизбеж-

¹⁶ См. его статью в „Вестнике финансов“, 1925 г., № 6.

¹⁷ См. хотя бы Трахтенберг, Современный кредит.

ность капиталистического пути развития. Друзья—здесь просто не понимали того, что подойти к полному обобществлению без ломки закономерностей частного сектора невозможно.

Верхом на стоимости к социализму не выедешь. Надо сменить лошадку. Думать же, что у лошадки могут вырасти вместо ног колеса, а вместо морды—мотор,—это просто... верить в боженку...

Другое направление, нашедшее богатое отражение в литературе, признавая на словах необходимость планирования у нас, отрицало необходимость точного его количественного выражения. Кредитному плану противопоставлялись „кредитные директивы“. Так писал Ф. К. Радецкий:

„... поскольку подчинение хозяйственной стихии плановой воле может быть осуществляемо не только в порядке составления кредитных расписаний сметного характера, но, как думают некоторые, и другими путями; поскольку маловерующие в целесообразность таких кредитных расписаний и отрицающие их практическую применимость выдвигают мысль о других методах планового регулирования, в частности мысль о составлении и преподании кредитных директив—нет основания говорить о противниках планирования кредита. И тем, кто отстаивает составление квартальных кредитных планов, следовало бы доказать, что планы эти—единственный метод планирования, что невозможно планомерно регулировать кредитный оборот директивами высших органов“¹⁸.

В обоснование этой точки зрения приводились резкие отклонения от кредитных планов при их реализации.

Реакционность этой точки зрения сейчас должна быть совершенно ясна. Кредитный план со всем его содержанием не может сразу упасть с неба, как только будет достигнута какая-то высшая ступень развития хозяйства. Кредитный план можно было получить лишь в результате повседневной длительной борьбы за него, длительной практической работы, испробования десятков методов изучения и составления, изучения всего того механизма, который вызывал отклонения от предположений. Только таким путем, составляя кредитные планы и пытаясь их осуществить десятки, сотни раз, можно было добиться прогресса в этой области.

Кредитные директивы соответствовали наиболее низким ступеням нэпа, невысокому уровню концентрации управления промышленностью и господству частного в торговле. Противопоставлять кредитные директивы—кредитному плану на более высоких ступенях нэпа означало просто тащить нас назад к пройденным этапам.

Весь „цвет“ буржуазной экономической мудрости возражал против „жесткого планирования“ и пытался путем резолюций „ученых“ организаций оказать давление на нашу политику. Так, Институт экономических исследований НКФ по секции ден. обращения и кредита вынес в 1924 г. резолюцию, в которой подчеркивается, что: „появившиеся в последнее время тенденции крайне жесткого планового регулирования кредитной работы банков могут стать помехой их дальнейшего развития, хотя нельзя отрицать допустимости планирования в более мягкой форме“¹⁹.

¹⁸ „Вестник финансов“, 1927 г., № 5.

¹⁹ „Вестник финансов“, 1924 г., № 11.

К этому вопросу Институт возвращается в 1925 г., и автор отчета о заседании отмечает²⁰, что с несомненностью выяснилось, что планирование кредита явилось результатом неумеренных требований на кредиты, и покуда это последнее сохранится, до тех пор должны быть планы. Планы—явление временное, ибо наше хозяйство базируется на сельском хозяйстве и на крестьянском рынке. Отсюда ориентировочность планов и необходимость лишь общих „директив политического характера“. (Нельзя же в самом деле „признавать советскую власть“ и отказать ей хотя бы в праве „директив политического характера“ в области кредита).

Господа буржуазные экономисты провалились со своими прогнозами, т. к. здесь, как и повсюду, они не могут понять действительных тенденций развития. Не планы оказались временными, а сама их ученость оказалась весьма „временного“ характера...

Третье направление—сюда относятся экономисты, признававшие необходимость систематической плановой работы в области кредита, но применявшие такие методы в этом отношении, которые по существу являлись отрицанием всякого планирования. Отражение этих методов работы в наших плановых органах мы находим в статье проф. Соболева.

Проф. Соболев ставил себе задачей вместо „грубых эмпирических приемов“—„отыскание об'ективной базы, на которой было бы возможно строить кредитные планы“. Такой базой, по его мнению „должно служить чрезвычайно устойчивое взаимоотношение между статьями баланса банков... другими словами, постоянство удельного веса статей баланса“.

Оперируя рядом работ сотрудников Госплана, проф. Соболев приходит к выводу, что в дореволюционное время в балансах банков существовал постоянный удельный вес отдельных статей баланса, к которому приближается и структура балансов наших банков.

Предположим вначале, что это действительно так, что такая чисто эмпирическая „закономерность“ обнаружена. Дает ли это нам право пользоваться ею в качестве метода планирования? Нисколько. Такой метод обречен на провал. Ибо, поскольку установлены только статистические совпадения и не выяснена их причина, было бы просто мистицизмом применение этих совпадений для конкретной практической работы, при изменяющихся общественных условиях.

Во-вторых, все хоть сколько-нибудь знакомые с тем, что собою представляли дореволюционные банки, прекрасно знают, что их балансы вовсе не служили для об'ективного отображения действительности,— а наоборот, для всяческого ее замазывания и выдавания фальшивых ценностей за настоящие. Можно ли ими вообще пользоваться для целей практического планирования?

В-третьих, не служит ли гарантией случайности совпадения удельного веса отдельных статей изменение социального содержания нашего кредита? Разве не иное совершенно содержание отдельных статей, сходных по названию, в наших и дореволюционных балансах, разве не отсутствует и совершенно не отражается на балансах банков движение биржевого капитала, разве не иначе стоит вся проблема ликвидности банков, разве не качественно иной характер всех расчетных операций? Какой же верой в потустороннее содержа-

²⁰ „Вестник финансов“, 1925 г., № 6.

ние цифр нужно обладать, чтобы предлагать в этих условиях строить пятилетний план на основе этих выкладок!

Впрочем, здесь дело очевидно объясняется проще. Здесь просто попытка применения метода столь известных статистических и динамических гродановских коэффициентов,—здесь просто вера в неизбежность восстановления „равновесия старого типа“, или, как остроумно выразился один товарищ по поводу наших плановых „попутчиков“: „Они планировали (может быть даже бессознательно), но... переход к капитализму“.

Основные трудности планирования кредита заключаются в самой природе кредита. Планирование высвобождения и распределения свободных ресурсов есть по существу планирование всего народного хозяйства. Поэтому планирование кредита включает в себя, предполагает планирование народного хозяйства. Без этого последнего невозможно и планирование кредита. Характер его зависит от степени общего овладения планом народного хозяйства. Если взять кредитный план с точки зрения двух его сторон—мобилизации и распределения средств, то не трудно понять, что с самого начала наиболее поддается планированию его распределительная сторона. Распределение ресурсов определяется общими целями экономической политики и их выражением в производственных задачах ближайшего периода. На первых этапах планирования это выражается в виде общих директив, а затем принимает более или менее твердое цифровое выражение. Тем самым на этом участке реализуется ведущая роль плана. Если же взять процессы мобилизации ресурсов в особенности через коммерческие предприятия, то они собственно и включают в себя все стихийные поправки к плану. Само собой разумеется, что эти стихийные поправки сказываются и на активной части, но уже в процессе самой работы по распределению кредитов. Для пассивной же части вначале вообще нет достаточно твердой базы для планирования, для определения каких-то принципов высвобождения, ибо здесь все основывается на приспособлении к неподдающимся прямому воздействию процессам, на их предугадывании.

Кредитная реформа, приближая банк к предприятию, к его финансовым планам и их выполнению, дает возможность сделать значительный шаг вперед в деле более реального высвобождения ресурсов. Однако здесь несомненно потребуется еще огромная работа.

Таким образом, в отношении плановости мы имеем гораздо более твердую базу в распределении ресурсов, чем в их мобилизации. Но этим самым создается противоречие, которое и не могло возникнуть в капиталистическом кредите, противоречие между плановым распределением ресурсов и их стихийным высвобождением. Банковская система сама по себе не в состоянии разрешить этого противоречия. У нее для этого мог бы быть лишь один способ—увеличение собственных ресурсов. Тенденция в эту сторону имелаась. Именно эта тенденция—лучшее свидетельство наличия указанного противоречия. Ибо при ином совершенно решении проблемы ликвидности банков у нас, по сравнению с капиталистическими банками, должна была существовать обратная тенденция в отношении политики собственных средств. Тенденция к увеличению собственных средств конечно не могла разрешить противоречия в целом, хотя бы с чисто количественной стороны. Разрешение этого противоречия идет двумя пу-

тями—все большей ролью бюджета в мобилизации ресурсов и отсюда все большим значением бюджета в ресурсах банка, и самое главное—ростом „твердости“ производственных планов.

Приближение производственного плана все больше и больше к реальной действительности путем его конкретизации и роста охвата народного хозяйства означает для кредита наличие процессов планового высвобождения ресурсов. В тенденции здесь стирается различие между бюджетным и кредитным методом. Чем выше планирование производства, тем мы ближе к 100%-ному планированию кредита. Но по существу приближение к такому планированию кредита уже будет обозначать уничтожение кредита.

Означает ли это однако, что кредитные планы должны выполняться на все 100%, что только в этом случае мы можем говорить о плановом высвобождении и распределении кредита, о превращении его в некредит. Конечно, это не так. Чем более обобществлено хозяйство, тем проще составление кредитных планов, тем меньше возможностей отклонения. Но это абсолютно не означает полного совпадения с планами. Качественный скачок получается уже до этого. В самом деле, предположим, что мы имеем первую ступень полностью обобществленного хозяйства. Разве планы расчетных центров обязательно будут выполняться на все 100%? Здесь и просто неумение „считать“, и разные объективные производственные условия не общественного порядка, и условия общественного порядка—сохранение некоторых буржуазных навыков в труде. Однако, формы кредита уже не будет. По существу и у нас уже в этих отклонениях от плана вообще и в том числе от кредитного плана начинают сказываться все больше и больше эти факторы отклонений ближайшей ступени полного социализма. Очень трудно уже сейчас взвесить, что в этих отклонениях идет за счет наличия еще мелкобуржуазного производства и что за счет тех факторов, которые будут действовать и в ближайшем нашем обобществленном будущем. Поэтому доказательство от отклонений само по себе еще не доказательство отсутствия перевеса процессов планового высвобождения и распределения свободных ресурсов.

Деньги, денежная форма хозяйства являются непосредственной почвой для развития кредитных отношений. Однако, кредитные отношения в господствующей своей форме быстро завершают свой советский цикл развития. Кредитная форма выхолащивается гораздо раньше денежной, а вместе с этим она становится одним из факторов уничтожения этой последней. Уничтожение свободного рынка кредита, лишение денег свойства продаваться как особый товар—денежный „капитал“—является одним из существенных моментов сужения свободного рынка вообще, моментов рационализации стихийного оборота.

С другой стороны, поскольку остаётся кредитная форма в своем несколько модифицированном старом виде, „рационализация“ денег наносит ей существенный ущерб. Чем больше план овладевает народным хозяйством, тем все больше уничтожается стихийный закон, сводящий цены к стоимости товаров. Цена все больше и больше становится рычагом планового перераспределения народного дохода, одним из рычагов перераспределения.

Если на предыдущем этапе советского хозяйства в основе всей системы цен лежали процессы стихийного ценообразования (плановая

цена базировалась на стихийной), то сейчас наоборот — стихийные цены имеют своим отправным пунктом, своей базой систему плановых цен. Отсюда перерождение цены.

Цена становится номинальной. Вместе с этим становятся номинальными и деньги. Не так происходит дело, как обычно представляли себе, что золотой рубль заменяется непосредственно трудовой единицей учета. Жизнь показала, что он проходит такую стадию, где он лишается определенного трудового содержания, становится условной единицей счета с меняющимся трудовым содержанием, меняющимся соответственно изменениям в уровне цен, связанным с их использованием планом в качестве рычага перераспределения.

Номинальные деньги — это отражение высокого овладения планом ценами (следовательно рынком и стихийными движениями вообще). Но не полного еще овладения²¹. Сужение сферы свободного рыночного оборота и плановые цены являются существенными факторами в перерождении денег, а вместе с этим наносится чувствительный удар денежному капиталистическому и ростовщическому кредиту, ибо это усиление плановых моментов подрывает самые основы накопления капитала.

5. РОЛЬ КРЕДИТА

Одна из важнейших функций кредита в капиталистическом хозяйстве заключается в том, что кредит обслуживает процесс уравнения нормы прибыли, ускоряет его и тем самым содействует ускорению постоянного процесса перераспределения производительных сил. Вместе с этим кредит является одним из могущественных факторов общей тенденции движения капитала, его концентрации и централизации.

Но, являясь „ускорителем“ всех этих процессов, кредит вместе с тем является одним из тех важнейших рычагов, которые выводят капиталистическое хозяйство из состояния равновесия. Чем быстрее идет процесс развития производительных сил капиталистического хозяйства, чем больше размах всего этого движения, тем больше и сильнее катастрофа.

Эта двойственная роль кредита сказывается уже в капиталистическом цикле, где кредит форсирует фазу подъема и ускоряет и усиливает взрыв накопившихся в ней противоречий. В советском хозяйстве, в его обобщественном (решающем) секторе не норма прибыли является рычагом перераспределения. Не процент является стимулом предоставления кредита, и не туда, где высшая прибыль, он направляется, но вместе с тем и в переходном хозяйстве кредит выполняет функцию рычага перераспределения общественного труда. Эта функция его крайне ограничена; мы уже видели, как бюджет

²¹ Иные умники полагают, что констатирование значительного перерождения денег есть теоретическое обоснование для безудержной эмиссии.

Они очевидно предполагают, что чем ближе к социализму, тем больше возможность инфляции.

Понимание действительной природы наших денег дает действенное оружие для борьбы и с денежным фетишизмом, видящим всю мудрость кредитного регулирования в рестрикции, и с инфляционистами, предполагающими, что перерождение денег есть псвод для политики анархической эмиссии (колхозные треды и т. п.)

замещает его в этой роли. Однако, роль кредита этим не исчерпывается. Обслуживая сезонное высвобождение, мобилизуя путем эмиссии добавочные ресурсы, кредит содействует перераспределению производительных сил и переделке общественных отношений, планово направленным в сторону индустриализации страны и полному обобществлению производства. Этим самым ликвидируется двойственный характер, присущий кредиту при капитализме. Общая тенденция развития советского хозяйства лишает существующий здесь капиталистический кредит тех капиталистических сторон, которыми он обладает в своих „естественных условиях“ при капитализме. Процесс перераспределения производительных сил в этом секторе определяется в значительнейшей мере воздействием, ограничениями и регулированием государства. Отсюда ограничение производительного применения частного капитала, его удирание в сферу спекулятивной торговли и превращение кредита, обслуживающего эту торговлю, в спекулятивный кредит, в ростовщичество, в кредит, порой не только не содействующий расширению сферы капиталистических отношений, но наоборот, суживающий их, сводящий их к наиболее паразитическому, наименее полезному их виду.

Какова же конкретно роль кредита как перераспределителя в ряду других рычагов перераспределения?

В 1929/30 г. финансовый план предполагает мобилизацию 18,5 млрд. р., из них рычагом цен изымается 14,1 млрд. р., прямыми изъятиями 4,1 и эмиссией—475 млн. р. Эмиссия составит всего 2,3% изымаемых ресурсов, тогда как в прошлом году она составляла еще 5,1% (675 млн. р.). Таким образом, роль кредитной системы как непосредственного рычага изъятий значительно падает. Так же сильно уменьшается роль кредитной системы (краткосрочной) как орудия перераспределения ресурсов внутри обобщественного сектора.

В 1928/29 г. роль краткосрочного кредита в финансовом плане составляла всего 5,8%, а в 1929/30 г. она падает до 3%.

Насколько относительно незначительную роль играет краткосрочная кредитная система, прекрасно видно также из того, что из 617 млн. р., мобилизованных Госбанком (без эмиссии), только 56 млн. р. падает на средства чисто „коммерческого“ характера.

Перераспределяющую роль процента можно характеризовать следующим образом: всего чистой прибыли банки предполагают получить 327 млн. р., а в 1928/29 г. они получили 264 млн. р. Из этой прибыли часть уходит в бюджет (в 1928/29 г.—103 млн. р., в 1929/30 г.—117 млн. р.). Таким образом, разница между процентами полученными и уплаченными не только покрывает издержки по содержанию кредитной системы, но представляет собой самостоятельный метод мобилизации ресурсов в пользу бюджета и по увеличению собственных средств банков, в конечном счете реализующийся посредством рычага цен (издержки по кредиту являются одним из факторов ценообразования).

Если сравнить 14 млрд., мобилизуемых через цены, с этой суммой, исчисляемой миллионами р., то станет ясным небольшое значение этого метода. Рационализация системы изъятий не сможет пройти и мимо процента. Его регулирующая роль давно потеряна, его перераспределяющая роль связана со слишком сложным и нечетким механизмом. В конце-концов кредитные издержки уплачивают потребители, поку-

пающие товары таких отраслей хозяйства, которые имеют сравнительно мало оборотных ресурсов и принуждены прибегать в значительно большей мере к краткосрочному кредиту. Нелепость такого механизма изъятий становится все больше очевидной. Проблема отмены процента выдвигается на очередь дня. Это падение перераспределяющей роли кредита является результатом все большего его уничтожения методами прямого перераспределения ресурсов.

Вторая важная функция кредита в переходном хозяйстве заключается в том, что он является орудием учета. Всем известно место у Ленина в брошюре „Удержат ли большевики государственную власть“:

„Капитализм создал аппараты учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих. Без крупных банков социализм был бы не осуществим. Крупные банки есть тот „государственный аппарат“, который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике,—это уже девять десятых социалистического аппарата. Это—общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества“.

Вопрос сводится к тому, каким образом этот учет осуществляется и в какой мере он на опыте нашего хозяйства оказывается действительно необходимым наряду с системой прямого учета хозяйственных процессов, проводимой статистическими органами.

Первое различие между прямым и банковым учетом заключается в том, что статистика способна охватить явления на определенные даты, она имеет дело с результатами процесса и не приспособлена к непрерывной фиксации течения всего процесса. Банковский учет в противоположность этому непрерывно фиксирует все изменения, происходящие в хозяйственной жизни, фиксирует связи, непрерывно создающиеся и уничтожающиеся между различными сферами и отдельными отраслями хозяйства в их точном количественном выражении (гораздо более точном, чем на это способна статистика в ее современном состоянии).

Детализированная обратная ведомость банковских операций все более (с ростом обобществления и с ростом связи между отраслями) становится зеркалом всего процесса перераспределения и воспроизводства в народном хозяйстве. Самостоятельная перераспределяющая роль кредитной системы все больше замещается ролью „учетчика“ процессов перераспределения, совершаемых прямыми плановыми методами. В тенденции это должно вести к кооперации статистического и банкового учетов.

Для весьма значительного этапа переходного периода банковый учет не может непосредственно служить этим целям, как вследствие того, что мы не умеем во-время отсечь до конца то, что „капиталистически уродует этот превосходный аппарат“ (хотя бы

займованный от капитализма характер операций и систему учета), так и в силу чисто объективных непреодолимых обстоятельств, связанных с своеобразными движениями, прodelьваемыми денежным „капиталом“, отличными от движения процесса действительного воспроизводства. Противоречие между обоими этими движениями остается и в переходный период и должно служить предметом особого исследования. Чем ближе к конечной цели, чем больше концентрируется банковое дело, упрощаются и приспособляются к новым условиям методы учета и вырастает значение прямого планирования, тем все проще становится использование данных банкового учета, тем все большее значение они получают для целей оперативной работы, прямого непосредственного использования.

Само собой разумеется, что планирующие органы используют банковские данные как симптоматические показатели с момента зарождения планирования и банков в советском хозяйстве. Но здесь речь идет не об этом, а об учетной роли банков, в смысле сплошного и непосредственного учета процесса о превращении банкового аппарата в общественную бухгалтерию, дающую полную картину состояния народного хозяйства.

Надо прямо сказать, что до сих пор нашу кредитную систему мы так использовать еще не можем. Она пока прodelьывает большую подготовительную работу в этом отношении. Упрощение кредитных отношений путем уничтожения коммерческого кредита, твердый курс с оргвыводами на единый банк, развитие безналичных расчетов, уничтожение самостоятельных касс на предприятиях и замена их кассами Госбанка, все это—методы и пути к той новой роли, которая наша „кредитная“ система должна будет играть в условиях полного обобществления. Здесь надо прямо фиксировать противоречие между перерождением кредитной формы и нашей способностью и подготовленностью к его организационному оформлению,

Третья функция кредита заключается в том, что он используется как орудие особого косвенного планирования, как метод воздействия и контроля в той области, которая мало поддается прямому планированию, воздействию и непосредственному контролю. В этом отношении работа, прodelанная нашей банковской системой, поистине колоссальна.

Можно перечислить ряд кампаний, где банки сыграли огромную воздействующую роль. Перевод предприятий на хозрасчет и установление правильной отчетности (в начале нэпа), кампания по снижению цен, кампания по мобилизации внутренних ресурсов, снижение себестоимости—во всех этих важнейших задачах хозяйственной политики банковое воздействие на клиентуру, контроль за выполнением предписаний регулирующих органов сыграли не малую роль.

Одним из методов такого же контроля и содействия прямому планированию является распределение бюджетных ассигнований народному хозяйству через банки. Собственно никакого долгосрочного кредита здесь и в помине нет ни со стороны его социального содержания, ни со стороны его формы безвозвратности ассигнований. Однако, банковский аппарат предполагается здесь использовать в качестве аппарата контроля за своевременным, целесообразным и экономным расходованием денег теми предприятиями, которым они ассигнуются. Впрочем больших практических достижений в этой области пока нет.

Кредитная реформа дает огромную возможность использования банковского аппарата как орудия контроля и орудия активного постоянного воздействия на предприятия в сторону безусловного выполнения промфинплана. Для иллюстрации приведем мнение одного из ответственных работников Союзугля о значении кредитной реформы для этого объединения.

Договор между Госбанком и Союзуглем „как известно предусматривает непосредственное финансирование против отгрузки отдельных шахтоуправлений по установленным для них в плановом порядке расчетным ценам. Всякое уменьшение отгрузки больно бьет не только по всему тресту, но и по данной низовой организации; то же получится при затоваривании материалами. Все лимиты банковского финансирования исходят из нормально необходимых оборотных средств; следовательно, всякое несоблюдение норм немедленно ударит по производственной единице. Опыт уже показал, что это обстоятельство имеет очень большое значение, заставляя каждую хозяйственную единицу постоянно оглядываться на свой промфинплан, особенно на зафиксированные в нем качественные показатели“²².

Четвертая функция кредита—экономия денег. Эта функция с развитием советского хозяйства теряет свое значение: поскольку деньги перерождаются, их природе соответствует их внешняя форма бумажного знака. Но на первом этапе нэпа эта функция имела чрезвычайно большое значение.

Создавая кредитом денежную форму „капитала“ в кавычках и капитала без кавычек наша банковая система освобождала размеры нашего денежного обращения от прямой зависимости от величины золотых запасов. Тем самым банковая система сделала наше денежное обращение независимым от крупных капиталистических государств, монопольно владеющих большей частью золотых сокровищ мира так же, как капиталистические эмиссионные банки в свое время, делая обращение независимым от количества благородных металлов, освобождали торговый и промышленный капитал от зависимости от ростовщического капитала.

Но это не означает, что наша кредитная система могла или может нас избавить от необходимости иметь золотой запас вообще. Он нужен нам как резерв в наших отношениях с капиталистическими странами, как воплощение противоречий внешнего порядка.

(Продолжение следует)

²² „За индустриализацию“ от 9 марта 1930 г.

ИЗМЕНЕНИЯ В СТОИМОСТИ ЗОЛОТА И ТОВАРНЫЕ ЦЕНЫ ¹

(Окончание)

РУДОЛЬФ ГИЛЬФЕРДИНГ

В начавшемся споре т. Варгу поддержал Гильфердинг. Читатель, знакомый с общей „теорией“ денег Гильфердинга, в которой он порвал с марксовой теорией ценности и занял место среди одной из разновидностей количественников; может себе ясно представить всю теоретическую ценность для марксиста такой поддержки. По мнению Гильфердинга, точка зрения т. Варги верна, но „нуждается в основательном дополнении, чтобы быть убедительной“¹. Рассмотрим вкратце эти дополнения Гильфердинга.

Мы предполагаем, что читатель знаком с теорией денежного обращения Гильфердинга или, верней, со всей той путаницей, которую он выдает за теорию. Мы для экономии места не будем останавливаться и на исследовании того, как логически увязывается ложная точка зрения Гильфердинга в рассматриваемом нами вопросе с его общими взглядами в области теории денег и денежного обращения. Мы прямо обратимся к его взглядам по существу интересующей нас проблемы.

„Решающим пунктом“ всей рассматриваемой проблемы Гильфердинг считает „неограниченный спрос“ на золото и своеобразное регулирование денежной системы государственными эмиссионными банками².

„В лице больших центральных банков в настоящее время создан механизм, который регулирует вступление необходимого или изъятие излишнего для обращения золота. Эмиссионные банки берут все предлагаемое им золото, и спрос, следовательно, является неограниченным. Между тем изменение цены всегда происходит лишь в результате изменения соотношения (*Verschiebung*) между спросом и предложением“³.

„Для того, чтобы изменения в стоимости золота могли проявиться, золото должно постоянно находиться в обращении. Ибо товары и средства обращения могут взаимно определять стоимость друг друга лишь в том случае, если они непосредственно противостоят

¹ Rudolf Hilferding; *Geld und Ware*, „*Neue Zeit*“, 1911—1912, B. I, S. 773.

² *Ibid.*, S. 774.

³ *Ibid.*, S. 775.

друг другу. Деньги же, находящиеся вне обращения — в подвалах банка, в качестве сокровища — не находятся ни в каком отношении к находящейся в обращении сумме товаров“⁴.

Итоговый вывод этого „дополнения“ Гильфердинга к аргументации т. Варги сводится к следующему.

„Мы приходим к следующему выводу. Государственное регулирование денежного обращения означает принципиальное изменение в отношении между золотом и товарами. Меновые отношения золотой монеты и товаров фиксируются благодаря вмешательству государства, хотя и не устанавливаются произвольно; государство перенимает лишь то меновое отношение, которое сложилось естественно-историческим путем; оно ничего не может здесь изменить, пока механизм остается тем же. Изменения в издержках производства золота не влияют на меновое отношение золотой монеты к товарам и имеют решающее значение лишь для вопроса о том, до каких размеров могут с выгодой накапливаться запасы золота“⁵.

Вот самое существенное, что мы находим у Гильфердинга, если не считать его экскурсии в область теории денег и денежного обращения, изложенной в „Финансовом капитале“.

Начнем с неограниченного спроса на золото. Разумеется, в этом пункте есть различие между денежным товаром и всяким иным товаром. Но это различие ни в каком случае не может ликвидировать закона ценности в отношении денежного товара, потому что золото выходит из производства в обращение со стоимостью, а не приобретает эту стоимость в обращении. Когда Гильфердинг указывает на то, что изменение цены всегда происходит лишь в результате передвижки между спросом и предложением и отсюда хочет вывести заключение о неизменной стоимости золота, то он смешивает в процессе стоимостного регулирования самый закон с точки зрения направления действия и пределов действия, с тем механизмом, через посредство которого этот закон проявляется и осуществляется.

Совершенно верно, что отношение фунта сырого золота к количеству золотых монет, которые чеканятся из фунта, или так называемая „монетная цена золота“, есть величина постоянная. Но сам же Гильфердинг говорит, что это в сущности не цена в собственном смысле, а простое „весовое отношение“. И это совершенно верно.

С другой стороны — является фактом, что большая часть производимого в мире золота скупается центральными эмиссионными банками и поступает в обращение лишь в той мере, в какой банкам приходится осуществлять золотой размен. Но из этих двух бесспорных фактов нужно сделать лишь тот вывод, что решение исследуемой нами проблемы следует искать не в сфере взаимоотношений золотопромышленников с центральными банками, а где-то в другом пункте их соприкосновения со сферой производства и обмена. Если однако мысль экономистов упорно возвращается именно к этому пункту, к тому пункту, где при простом товарном производстве и раннем капитализме непосредственно (или после чекана) осуществлялся размен произведенного золота на товары, то эти экономисты доказывают лишь, что не умеют оперировать всеми категориями марксовой политической экономии,

⁴ Ibid. S. 780.

⁵ Ibid., S. 775.

относящимися к развитому капитализму, и остаются все время в пределах «Критики политической экономии» и I тома «Капитала», т. е. в искусственных пределах, которые были созданы лишь методом изложения марксова учения.

В самом деле, откуда собственно следует, что тот механизм, благодаря которому закон стоимости регулирует отношение общетоварного индекса к стоимости золота, должен быть во всех деталях и формах проявления аналогичен внешнему проявлению того же закона при производстве, например, мануфактуры и всех остальных товаров. Если золото, как денежный товар, пользуется неограниченным спросом и этим отличается от всех остальных товаров, то именно поэтому механизм закона ценности должен на этом участке хозяйственного поля чем-то отличаться от обычного его механизма в остальной сфере товарного производства. Гильфердинг не в состоянии открыть этого механизма путём голой аналогии, т. е. путем самого элементарного и вульгарно-упрощенного приема мысли (приема, который в истории науки вводил в заблуждение, вообще говоря, пожалуй чаще, чем давал верный результат), а потому ликвидирует самую проблему: стоимость золота превращается у него в спящую красавицу, которая не может проявиться в мире явлений, не может влиять на изменение индекса товарных цен, если сама меняется, а тем самым вообще замирает и прекращает свое реальное существование. И все это «замирание» стоимости золота происходит не вследствие какой-либо коренной трансформации в самых основах современного капиталистического хозяйства и его регулятора—закона ценности,— а лишь в результате определенной валютной политики центральных эмиссионных банков. Как будто эта политика может отменить те основы, на которых покоится вся кредитная система и в частности банкотно-эмиссионная политика современного капитализма! И в самом деле, Гильфердинг близок к такому чудовищному утверждению, означающему полную капитуляцию мысли перед вульгарной политической экономией, которая снимает свои «законы» с поверхности экономических явлений. Он говорит, что «государственное регулирование денежного обращения означает „принципиальное изменение в отношении между золотом и товарами“». Гильфердинг сам даже подчеркивает это слово «принципиальное». Между тем все это нелепое утверждение падает, как только мы присмотримся ближе, что же собственно произошло в сфере регулирования государством денежного обращения.

Если золотопромышленник вместо того, чтобы отчеканить свое золото на монетном дворе и расплатиться этой новой монетой по своим обязательствам и за все покупаемое им, отдает добытое им золото в центральный эмиссионный банк, получив за него банкноты, то что принципиально нового происходит здесь в сфере отношения золота к товарам? Ничего нового, если появление банкноты вообще не означает никакой революции во взаимоотношениях между деньгами и товарами.

Если центральные банки увеличивают свои золотые резервы не путем извлечения золота из обращения по мере надобности, а покупая почти всю продукцию у золотопромышленников непосредственно на основании долгосрочных контрактов, то что нового это вносит в отношения между золотом и товарами, если в отношении между золотом и банкнотой не произошло ничего принципиально нового?

Разве и раньше обращение не поглощало всего вновь произведенного количества денежного товара и в периоды подъема и в периоды упадка его стоимости?

Если регулирование денежного обращения сводится в основном к тому, чтобы заменить циркулирующее в качестве монеты золото банкнотой и золотые резервы банка иметь лишь для случаев необходимого размена при международных платежах, для поддержания вексельного курса и международных платежей по салдо; если в результате этого в сфере товарного обращения золото соприкасается с миром товаров через разменную банкноту, то что принципиально нового это вносит в отношения между золотом и товарами, если банкнотное обращение вообще не отменяет законов металлического золотого обращения?

Нелепость утверждения Гильфердинга более чем очевидна. Если на денежный товар имеется неограниченный спрос, то это прежде всего связано с тем, что это денежный товар. А денежный товар остается таковым, как неоднократно подчеркивает Маркс, между прочим и потому, что его собственная стоимость является переменной величиной. Если бы общественно-необходимое рабочее время, воплощенное в золоте, не могло систематически сравниваться через все механизмы ценностного регулирования с общественно-необходимым рабочим временем, потраченным на производство всех прочих товаров, и передвижка этих пропорций, идущая не только со стороны товаров, но и со стороны золота, не получала своего отражения в соответствующем изменении цен, то золото перестало бы быть мериллом стоимости, а тем самым золото перестало бы быть денежным товаром. Во всяком случае современное золото в изображении Варги и Гильфердинга является гораздо менее совершенным мериллом стоимости, чем серебро и золото раннего средневековья, если не сказать больше. Оно превращается у них в какую-то идеальную счетную единицу, стоимостно невесомую и порвавшую свою связь с материалистическим миром товарной демократии.

Гильфердинг говорит: «Изменения в издержках производства золота не влияют на меновое отношение золотой монеты к товарам...» Но если это так, то это значит, что по крайней мере производство золота изъясняется из сферы действия закона стоимости, и само золото оказывается каким-то блестящим исключением из товарного мира, оказывается своеобразным товаром без стоимости, потому что стоимость, которая не меняется, не есть стоимость, а неизменности стоимости золота по условиям его производства никто не доказал. Спрашивается лишь, какое отношение вся эта галиматья имеет к марксизму?

Варга и Гильфердинг провозгласили неизменность стоимости золота в полемике по вопросу о причинах предвоенной дороговизны⁶. Они превратили стоимость золота в абстракцию, полемизируя как раз по поводу того явления, которое представляло собою приспособление индекса товарных цен к изменившейся стоимости золота. Наоборот, их оппоненты с самого начала стояли на гораздо более правильных позициях как в принципиально-теоретическом споре о стоимости золота, товаров и товарных ценах, так и в конкретном вопросе о причинах предвоенной дороговизны. К ним мы теперь и перейдем.

⁶ У Гильфердинга первая позиция в этом вопросе имела и другие корни.

ОТТО БАУЭР

О самой первой брошюре О. Бауэра на тему о дороговизне («Teuerung». Eine Einführung in die Wirtschaftspolitik der Sozialdemokratie. Wien, 1910) нам не приходится много говорить. Причины дороговизны Бауэр сводит здесь к двум факторам: к уменьшению себестоимости золота—во-первых, и к покровительственным пошлинам, картелированию и иным фактам общественно-распределительного характера—во-вторых. Все соображения Бауэра и все цифровые данные из этой последней области мы оставляем в стороне. Что же касается уменьшения себестоимости производства золота и влияния этого обстоятельства на уровень цен, то Бауэр говорит об этом следующее.

«Теперь не подлежит никакому сомнению, что издержки производства золота за последние годы значительно снизились. После англо-бурской войны английское правительство ликвидировало последние препятствия, которые задерживали развитие южноафриканской золотопромышленности». В золотых приисках были введены усовершенствованные машины. Для снабжения горнопромышленников дешевой рабочей силой в Южную Африку были сначала ввезены китайские кули, позднее на золотые прииски было привлечено 160 тыс. кафров. Таким путем издержки производства золота были уменьшены. Теперь открылась возможность пустить в ход прииски, разработка которых в условиях более высокой заработной платы и при отсутствии технических усовершенствований была недостаточно выгодна. Вследствие этого производство золота быстро поднялось. Понижение издержек производства золота в южноафриканских рудниках является очевидно одной из причин современной дороговизны. Мы теперь должны за каждый товар давать больше денег, больше золота, потому что в каждой частице золота в настоящее время воплощено меньше общественного труда, чем раньше («Teuerung», S. 39-40).

Кроме этого замечания общетеоретического характера в брошюре нет никаких указаний на то, каким образом, через какой механизм это удешевление производства золота дает себя знать на повышении общего уровня товарных цен.

Наоборот, в своих статьях «Goldproduktion und Teuerungs»⁷ Бауэр пытается ответить на вопрос, как это повышение индекса при снижении себестоимости золота происходит практически. Мы остановились только на этой части статьи, оставляя в стороне все иное, в том числе в основном правильные возражения Бауэра против Варги и Гильфердинга. Он прав, когда говорит: «Если их аргументы правильны, то мы должны подвергнуть ревизии наши взгляды по столь важным вопросам как теория денег, цены и заработной платы» (S. 4). Бауэр только очень деликатен по отношению к Гильфердингу. Где этот последний в основе порывает с марксовой теорией денег и стоимости, переходя к количественникам, Отто Бауэр говорит лишь о его ошибочной критике количественной теории.

Суть взглядов О. Бауэра на рассматриваемую нами тему сводится к следующему:

Если в золотопромышленности наблюдается уменьшение издержек производства и связанное с этим расширение добычи золота, то

⁷ «Neue Zeit», XXX, В. II. первая статья, S. 4—14, вторая—S. 49—68.

это приводит в этой отрасли к увеличению нормы прибыли по сравнению со средней нормой, установившейся перед этим для всех отраслей и в том числе и для золотопромышленности. Это увеличение нормы прибыли вызывает приток новых капиталов в золотопромышленность. Приток новых капиталов связан с двумя последствиями. Во-первых, в самой золотопромышленности он приводит к расширению производства, которое теперь, в случае введения технических улучшений, рентабельно и на тех приисках, которые раньше было невыгодно разрабатывать. Это расширение производства означает закупки новых средств производства, увеличение платежеспособного спроса предпринимателей для целей личного потребления, увеличение спроса на товары со стороны увеличившегося количества рабочих золотопромышленности. С другой стороны—перераспределение нового капитала с относительным увеличением вложений в золотопромышленность приводит к тому, что все остальные отрасли товарного производства расширяются сравнительно более медленно. Это неизбежно должно вызвать увеличение спроса на товары при относительно более медленном увеличении предложения. А это неизбежно должно вызвать общее повышение цен. Это повышение цен означает увеличение издержек производства в золотопромышленности, которая и без того повысила их среднюю, вовлекая в разработку менее рентабельные прииски. В результате это приведет к уменьшению нормы прибыли и в самой золотопромышленности. Итогом же будет увеличение общего индекса товарных цен и тем самым уменьшение покупательной способности золота в соответствии с уменьшением его стоимости⁸.

Мы показали основной стержень аргументации Отто Бауэра, оставляя в стороне многие частности, в том числе сомнительные и неверные частности.

Прежде всего надо отметить, что О. Бауэр, не покидая почвы теории стоимости, стоит на принципиально правильной позиции по сравнению с Гильфердингом и Варгой. Он пишет: «Наша точка зрения в корне отлична от количественной теории. Мы исходим не из обращения, а из производства. Мы объясняем повышение товарных цен не из отношения между находящимися в обращении деньгами и реализуемыми товарами, а из распределения капитала между производством золота и производством остальных товаров. Наша точка зрения опирается не на количественную теорию, а на закон уравнения норм прибыли. Следовательно, она не предполагает увеличения денежного обращения. (S. 50—51).

Здесь Бауэр принципиально прав, более прав, чем Каутский, который, хотя в основном желает стоять на той же позиции, но фактически, как увидим ниже, делает существенные уступки в разбирательстве вопросе количественной теории. Основной недостаток аргументации Бауэра состоит в том, на что указал с самого начала т. Варга,

⁸ Отметим только самую существенную ошибку Бауэра. После своей аргументации он вдруг заявляет, что увеличение цен при увеличении производства золота потому является естественным, что более значительная часть общественного труда тратится на *faux frais* обращения. Вряд ли надо пояснять, что такая аргументация не имеет ничего общего с теорией ценности. Это все равно, если бы сказать: цены на винтовки и снаряды растут потому, что на военную промышленность непропорционально тратится больше общественного труда, чем это было тогда, когда винтовок изготовлялось меньше.

а именно: увеличение производства в золотопромышленности как со стороны изменений в распределении капитала в сравнении со всеми остальными сферами производства, так и со стороны создания в этом пункте добавочного товарного спроса, является слишком слабым фактором, чтобы приподнять весь индекс товарных цен мирового рынка. Все, что говорит Бауэр, это есть простое упоминание о законе уравнивания нормы прибыли в приложениях к золотопромышленности, применив его по аналогии на общем основании и без учета всего того своеобразия, в котором находится золотопромышленность с точки зрения отношения ее к рынку,—своеобразия, которое целиком вытекает из своеобразия того товара, который она производит. Маркс никогда не забывал о таком своеобразии. Дело идет здесь не о частности, а о весьма существенном факте.

Разумеется, все указанные Бауэром факторы общего порядка действуют и в отношении золотопромышленности. Но это есть, во-первых, не единственный, во-вторых, не главный путь, каким закон денности в его видоизмененной форме закона цен производства пробивает себе путь в золотопромышленности и в сфере соприкосновения товара золотопромышленности со всем миром остальных товаров. Бауэр не попытался даже отделить в своем анализе страны, производящие золото, от стран, получающих золото из вторых рук, на что Маркс указывал уже в «Критике политической экономии». Основной недостаток точки зрения Бауэра состоит в том, что Бауэр чрезвычайно упрощенно понимает самую задачу. Если уменьшение стоимости золота должно в конечном счете привести к общему увеличению товарных цен, то для Бауэра это оказывается достаточным, чтобы само это повышение осуществлялось, так сказать, экономическими силами самой золотопромышленности и на основе прямого влияния изменений в этой области на рынок капиталов и рынок товаров. Между тем и в сфере социальных и в сфере экономических явлений та или иная тенденция может проявляться не только в том изменении, которое она вызывает непосредственно и прямым путем, но и в закреплении изменений, произведенных на основе действия в том же направлении других, иногда более интенсивных по своему действию законов. Между тем из общей картины всех хозяйственных изменений, которую рисует себе Бауэр в результате снижения себестоимости золота, можно сделать вывод, что это снижение является достаточной причиной для общего промышленного подъема.

В связи с этим можно сказать следующее. Уменьшение себестоимости золота может выступать наряду с другими факторами, влияющими на начало хозяйственного подъема, но не может быть основной причиной и основным двигателем подъема: причина слишком непропорциональна следствию. Во-вторых, если уменьшение себестоимости золота способно вызвать такое крупнейшее явление, как общий промышленный подъем, то Бауэр не показывает нам, каким же образом, после того как кульминационный пункт подъема пройден всей громадой мирового хозяйства, именно золотопромышленность может остановить начавшееся падение цен.

Бауэр ограничился простым распространением по аналогии закона уравнивания норм прибыли на золотопромышленность. Будучи не в состоянии дать объяснение искомого механизма на основании продуманного до конца приложения закона цен производства к рассма-

триваемой области и учесть все своеобразие анализируемого участка экономики, он вынужден остановиться на совершенно недостаточном и весьма мало убедительном объяснении, которое отводит золотопромышленности, несмотря на ее довольно скромное место в мировой экономике, непропорционально большую роль. Он не показывает тех специфических причин, почему она может сыграть такую роль. Тов. Варга прав в этом пункте, утверждая, что его оппоненты не показали того механизма, посредством которого индекс цен приспособляется к изменяющейся стоимости золота.

Что касается следующей работы О. Бауэра о дороговизне, а именно его доклада на эту тему, составленного к несостоявшемуся международному социалистическому конгрессу в 1914 г.⁹, то в этой работе нет ничего нового по интересующему нас вопросу, если не считать краткого перечня тех технических нововведений и усовершенствований, которые были применены в капиталистическом хозяйстве на протяжении двадцати лет перед мировой войной, т. е. на протяжении того периода, в течение которого обнаружилось и развивалось явление дороговизны. Все это имеет значение для другой стороны рассматриваемой нами проблемы, т. е. для доказательства того, что причину роста цен надо искать не на стороне товаров, а на стороне денег.

КАРЛ КАУТСКИЙ

Первая статья Каутского, с которой он выступил в дискуссии на рассматриваемую тему,¹⁰ посвящена полемике с Гильфердингом. В основном эти возражения, доказывающие несовместимость «теории» Гильфердинга с теорией денег Маркса, являются правильными. Точно так же Каутский прав, доказывая, что «существующий теперь способ пускать деньги в обращение хотя и отличается по форме, но не отличается по существу от способа, употреблявшегося до появления банков»¹¹. Он прав также, указывая, что «неограниченный спрос» на золото существует не благодаря банкам; такой спрос вытекает из свойств золота как денежного товара и существовал и в период простого товарного производства. Он мог бы еще добавить, что в частности неограниченный спрос банков на золото перед войной является тем более понятным, что—при наличии огромного роста товарного хозяйства и денежного товарного обмена и при наличии роста ежегодной добычи—самый рост общего уровня товарных цен означал обесценение на весьма значительный процент всего мирового запаса золота и быстрый рост общей суммы золотых цен товаров в мировом обращении. Иными словами сама переоценка золота, выраженная в товарных ценах, требовала большего количества золота для выполнения всех его функций в роли денег.

Но в рассматриваемой статье Каутский не касается вопроса о том, посредством какого механизма ценностного регулирования индекс товарных цен приспособляется к стоимости золота. В связи с разбираемой нами проблемой нам следует лишь отметить замечание:

⁹ «Die Teuerung», 1914, напечатано в № 10 «Der Kampf».

¹⁰ «Gold, Papier und Ware» «Neue Zeit», XXX, В. I, S. 837—847; 886—893.

¹¹ Ibid., S. 890.

Каутского о том, что ни он, ни Отто Бауэр не считают уменьшение стоимости золота единственной причиной дороговизны или хотя бы самой важной.

По существу проблемы Каутский довольно пространно высказался в брошюре, вышедшей в 1913 г. в виде приложения к «*Neue Zeit*» и озаглавленной «*Die Wandlungen der Goldproduktion und der wechselnde Charakter der Teuerung*».

Каутский рассматривает сначала проблему в условиях простого товарного производства. Он берет случай, когда благодаря новым техническим усовершенствованиям добыча золота на тех же приисках и с той же затратой труда удваивается. Это вызывает добавочный рост спроса на товары, что в свою очередь вызывает рост цен. Если цены не возрастут вдвое (что означало бы установление равновесия этим путем), это будет означать большую выгодность занятия золотодобычей в сравнении с другими профессиями, вызовет отлив рабочих сил в золотопромышленность, относительное уменьшение выработки других товаров, еще большее увеличение выработки золота и еще больший спрос на остальные товары и в итоге—новый подъем цен. Все эти колебания закончатся, когда «за продукт одного только часа труда можно будет купить продукт, требующий так же одного часа труда, и закон ценности продолжит себе путь»¹².

Каутский далее задает вопрос, что будет в том случае, если добыча золота удвоится, но затраты труда на единицу металла останутся без изменения? Ведь и тогда надо ожидать увеличения цен, за которыми не скрывается никакого уменьшения себестоимости денежного матерьяла, что было бы лишь подтверждением правильности количественной теории. Каутский выходит из затруднения просто тем, что считает этот случай невозможным. Откуда возьмутся здесь добавочные рабочие руки? Что их должно привлекать в золотопромышленность? А если бы имел место прилив рабочих сил на прииски, это не могло бы долго длиться, потому что рост цен на другие товары сделал бы занятие всеми другими профессиями более выгодным¹³.

Хотя эти рассуждения Каутского и не очень убедительны, но основной его вывод верен: закон ценности сохраняет все свое значение и в сфере производства денежного товара. Однако изложение Каутского является достаточно небрежным, и постановка вопроса и приводимые им примеры довольно топорны и грубы. Чтобы не дать возможности упрекать себя в уступках количественной теории, Каутский должен был бы с самого начала провести отчетливую черту между таким повышением цен, которое хотя и происходит вследствие увеличения количества золота, но является лишь определенной

¹² «*Die Wandlungen etc.*», S. 5.

¹³ Каутскому совсем не гадо было снимать вопрос, потому что он является вполне реальным. Простое товарное производство не есть производство на базе неизменного количества рабочих рук. Рост населения здесь не исключен. Он имел место исторически, он не исключается и при теоретическом анализе простого товарного производства. В рассматриваемом случае увеличение добычи золота при тех же трудовых затратах на единицу металла вызовет дополнительный спрос на товары, известный подъем цен, увеличение интереса к производству остальных товаров и расширение производства этих товаров за счет рабочих сил, доставляемых природою населения. Это процесс медленный, но при простом товарном производстве все процессы протекают медленно. В итоге мы будем иметь после конъюнктурных колебаний увеличение и производства золота и производства всех остальных товаров и сохранение прежнего уровня цен.

фазой в действии закона ценности и закрепляется в конце концов на новом уровне стоимости золота, и таким повышением цен, которое отражает не процесс приспособления цен к изменившейся стоимости золота, а механизм пропорционального распределения рабочих сил общества в условиях неизменной стоимости и золота и товаров.

Но условия простого товарного производства мы исключаем из нашего исследования. Поэтому перейдем к тому, что Каутский говорит об изменении стоимости золота и товарных цен в капиталистическом хозяйстве.

При уменьшении стоимости и увеличении производства золота дело представляется Каутскому так: «Увеличение количества золота, появляющегося на товарном рынке, вызывает увеличенный спрос на товары, повышает цены, а вместе с этим и прибыль, которая может быть получена от их производства. Теперь новые капиталы, а вместе с тем и рабочие силы притекут не только в золотопромышленность, но и в те отрасли, которым она дала толчок (S. 14—15).

Повышательное движение распространяется и на все другие области, происходит общий подъем цен. «Если этот рост цен принимает общий характер, то он повидимому задерживает рост нормы прибыли в промышленности, потому что растут и расходы на сырье и на заработную плату и благодаря этому снова восстанавливается более высокая норма прибыли в золотопромышленности, существовавшая в ней в начальный период происшедшего в ней благоприятного изменения в условиях производства до подъема цен» (S. 15).

Но эта тенденция встречает противодействие со стороны другой тенденции, поскольку увеличение быстроты оборота капитала увеличивает норму прибыли. Такое увеличение быстроты оборота капитала имеет место во всех отраслях, кроме золотопромышленности, потому что золоту не приходится искать покупателей: «Повышение нормы прибыли, благодаря ускорению обращения товаров, оказывается полезным лишь товаропроизводящему капиталу». Это обстоятельство сдерживает до известных пределов приток капиталов в золотопромышленность с того момента, когда производство добавочного количества золота начинает оживлять спрос на товары, а также и их производство и обращение.

Именно это оживление, это ускорение производства товаров идет параллельно с ростом цен, как показывает каждый период расцвета. «Создание (*Herbeiführung*) такого периода расцвета и связанного с ним роста цен и есть тот метод, посредством которого закон стоимости осуществляется при капиталистических условиях в золотопромышленности, когда в ней уменьшается общественно-необходимое рабочее время, требующееся для производства единицы металла. И только если этот метод оказывается недостаточным, к нему присоединяется перелив капитала в золотопромышленность для уравнивания нормы прибыли» (S. 16).

Здесь надо заметить, во-первых, что оживление, о котором говорит Каутский, носит конъюнктурный характер. Норма прибыли превышает обычную в такое время лишь потому, что заработная плата еще не подтянулась до возросшего уровня цен. Когда и этот товар поднимется в цене, то для всей промышленности (кроме золотой) произойдет лишь изменение в мериле стоимости, которое в дальнейшем, когда равновесие установилось, ничего не меняет по существу. И уве-

личение быстроты оборота—тоже явление конъюнктурного порядка, хотя Каутский пытается представить его длительным. Но значит ли, что золотопромышленность снова теперь попадает в такое же привилегированное положение, как и до подъема цен? Каутский как будто так именно думает; он это и говорит. И только этим можно объяснить, зачем ему потребовалось после повышающего нормы прибыли роста цен искать подкрепление той же тенденции в увеличении быстроты оборота капитала, т. е. в факторе, столь же конъюнктурном и дрящемся столько же, сколько и первый фактор. Между тем как раз для золотопромышленности с ростом общетоварных цен вся конъюнктура меняется в корне. Если текстильный фабрикант продает дороже, скажем, на 10%, свою продукцию и на 10% возросла стоимость сырья и заработной платы, то для него (если оставить в стороне вопрос о ценности основного капитала) в основном ничего не изменилось. Но если золотопромышленник реализует ту же продукцию в том же количестве банкнот, векселей и т. д., но вынужден на 10% заплатить больше и рабочим и за средства производства, то для него не только не возвращается старое привилегированное положение, существовавшее в то время, когда издержки производства золота сократились, а общетоварные цены еще не возросли, а наоборот, он есть как раз тот персонаж, о котором *fabula narratur*, потому что он приводится к одному знаменателю с прочими товаропроизводителями. На этом примере видно, почему Каутский неспособен найти решение проблемы: он не в состоянии систематически проследить по всей линии производства и обмена специфические особенности, которые отличают золотопромышленность от других отраслей производства.

Посмотрим, однако, что же получается в целом у Каутского.

В золотопромышленности создались благоприятные условия производства: снизилась себестоимость, с затратой того же самого количества труда и капитала добывается и выбрасывается в обращение больше золота. Норма прибыли в золотопромышленности выше обычной средней. Увеличение количества реализуемого золота вызывает оживление одной отрасли за другой и затем общий подъем и повышение общего индекса цен. Если это повышение достигает уровня падения стоимости золота, то весь процесс исчерпывается этим. Если же нет, то начинается перелив капиталов из других сфер в область производства золота.

Из всего этого ясно одно: Каутский—еще с большей решительностью, чем Бауэр, находит возможным утверждать, что факта изменения условий производства в золотопромышленности совершенно достаточно, чтобы прямым путем вызвать общий подъем цен и общий промышленный подъем. И только в том случае, если этот подъем цен оказывается недостаточным, начинается перелив капиталов в золотопромышленность. В этом пункте однако надо решительно предпочесть путанному многословию Каутского более ясную постановку вопроса у Бауэра, который сразу начинает с перелива капиталов в золотопромышленность. В самом деле. По Каутскому выходит, что в тот период, когда уменьшение себестоимости золота еще не отразилось на общем повышении цен, когда золотопромышленность имеет максимально выгодную конъюнктуру и максимально высокую норму прибыли в сравнении со средней нормой,—именно в этот период перелива

капиталов в золотопромышленность не происходит. А когда изменение в условиях и размерах производства золота уже вызвало общий подъем цен—хотя еще не достигающий уровня стоимостного равновесия,—тогда только и начинается перелив капиталов в золотопромышленность.

В действительности же дело обстоит как раз наоборот. При теперешней мобильности новых капиталов, ищущих приложения, и при выработанной капитализмом эластичной форме их привлечения путем акционирования и т. д. подвижка капиталов в золотопромышленность не только может произойти гораздо быстрее, чем произойдет общее повышение цен, но и фактически происходит быстрее. И здесь, и на этом примере мы видим, что Каутский не понимает самого важного обстоятельства, без учета которого вообще невозможно разрешить рассматриваемую проблему,— не понимает взаимной противоположности интересов золотопромышленности по сравнению со всеми остальными отраслями производства во всем, что касается общехозяйственной конъюнктуры и цен. Все остальные отрасли промышленности выигрывают при систематическом росте цен, хотя и в разной степени и в разные периоды подъема—в разных пропорциях. Наоборот, золотопромышленность систематически теряет на всем этом процессе подъема; благоприятная конъюнктура в золотопромышленности наступает в диаметрально противоположные моменты в сравнении с остальными отраслями. Не учитывая этого обстоятельства, которое является решающим для рассматриваемого вопроса, Каутский со свойственным ему утомительным многословием, с которым он берется осуждать любой вопрос и в котором он способен утопить любой вопрос—«качество», отмеченное в нем еще Энгельсом,—занимается всякими второстепенными вещами и в итоге не только не дает ничего больше Бауэра на разбираемую тему, но скорей ухудшает постановку вопроса последнего.

Во-вторых, приходится поставить еще следующий вопрос, который напрашивается сам собой. Если «создание периода расцвета и связанного с ним роста цен» есть тот способ, посредством которого «закон стоимости осуществляется при капиталистических условиях», то спрашивается, этот период расцвета и этот рост цен являются ли они следствием изменения условий производства в одной только золотопромышленности, или же дело идет об общих циклических изменениях конъюнктуры при капитализме. Если дело идет о регулярно повторяющейся смене подъема депрессией или кризисом, то читатель должен с изумлением спросить: а куда же спрятал Каутский период снижения конъюнктуры и упадка цен? Вторая часть цикла не укладывается в схему Каутского, и это больше, чем очевидно; он ее спрятал в своем изложении, но она однако продолжает существовать в природе капиталистического производства. Как же быть с этим снижением цен? И почему это снижение должно остановиться как раз на уровне, соответствующем изменившейся себестоимости золота? На эти вопросы нельзя найти ответа у Каутского, потому что сама постановка этих вопросов означает продвижение в решении проблемы гораздо дальше того рубежа, перед которым беспомощно остановилось и расплылось в многословии «исследование» Каутского.

Если же дело идет об общем подъеме цен и подъеме общехозяйственной конъюнктуры, не входящих в обычные конъюнктурные циклы

капитализма, то, во-первых, таких подъемов история капитализма не знает (независимо от того, существуют или нет кроме малых еще и большие циклы). А во-вторых, теория Маркса не знает и такого специфического издания закона ценности, который существовал бы только для одной цели — для установления стоимостного равновесия между золотопромышленностью и всем остальным производством.

По всему видно, что Каутский имеет в виду увеличение цен, причиной которого и единственным рычагом является исключительно изменение в условиях производства золота. И именно поэтому он должен из всех сил стараться доказать, что такая причина, как рост спроса, вызванный добавочным золотом, может вызвать общий подъем цен и общий промышленный подъем.

Проследим однако дальше аргументацию Каутского.

Возражая Варге, Каутский говорит: «Варга должен был бы доказать, что период расцвета, который длится около почти двух десятилетий, не связан с переворотом в области производства золота и объясняется совершенно другими причинами. Если же он хочет доказать, что к денежному товару закон стоимости не применим, он должен также доказать, что усиленный спрос, вызванный увеличенным производством золота, остается без влияния на товарные цены, товарное обращение и на производство товаров. Но это ему вряд ли удалось бы доказать» (S. 17).

Нам не нужно здесь снова останавливаться на несостоятельности позиции т. Варги. Каутский не дает удовлетворительного объяснения того явления, которое он взялся объяснить, но его не приходится, по крайней мере, упрекать в принципиальном разрыве с марксизмом в вопросе о стоимости золота, каковой разрыв объединил т. Варгу с Гильфердингом. Однако в цитированных строках Каутский перенсит вопрос в другую плоскость. Можно доказать, что переворот в условиях производства золота должен, теоретически рассуждая, привести к увеличению общего индекса цен; можно даже доказать, что именно этот переворот был причиной увеличения цен со второй половины 60-х годов прошлого столетия; и все же можно при этом не доказать, не суметь показать, посредством какого механизма, через какие посредствующие звенья закон ценности пробивает себе путь.

Что же касается второго пункта, то как раз именно ортодоксальный сторонник марксовой теории ценности и может и должен доказать, что увеличение производства золота непропорционально расширенному воспроизводству других отраслей влияет на увеличение товарных цен, но только это влияние осуществляется не так примитивно просто, как это кажется Каутскому. Во всяком случае те элементарные явления в этой области, на которых сосредоточивает свое внимание Каутский, представляет собою не самый важный фактор во всем процессе.

Если мы возьмем индекс за столетие до мировой войны, то кривая этого индекса экспериментально-статистически бесспорно доказывает влияние условий производства золота на цены, но она также показывает и влияние подъема и кризисов на подъем и падение цен и на протяжение общей кривой их падения с начала 70-х годов и на общей кривой их подъема с 90-х годов. Но об этом несколько ниже.

В дальнейшем Каутский старается дать ответ на вопрос, «каким образом изменения в условиях добычи золота вызывают столь глубокие изменения во всей хозяйственной жизни, хотя производство самого

«золота составляет лишь ничтожную часть в общей сумме мирового производства» (S. 20). Каутский доказывает, что голое противопоставление годового производства золота годовому производству товаров—неправильно. Надо сравнивать темп прироста годовой добычи золота с темпом прироста всего производства, имея при этом в виду и увеличение быстроты оборота товаров и денег. Все, что говорит здесь и дальше Каутский, не вызывает особых возражений, если только не забывать одного важного отличия золота от огромного большинства других товаров. Раньше добытое и употребленное на монету золото не исчезает, а ежегодное добавление к этой веками накапливавшейся массе золота хотя и гораздо больше, чем добавление, произошедшее в период открытия Америки, но все же оно очень скромно, тогда как большинство вновь произведенных товаров потребляется в сравнительно короткие сроки, и всякое резкое изменение в размерах производства скажется немедленно на рынке, как и каждое серьезное и массовое изменение в условиях себестоимости производства. Если, допустим, производство и реализация сахара, мыла, мануфактуры и проч. ведутся при полугодовом переходящем запасе, то достаточно увеличения производства на 10—15% по сравнению с ростом спроса, чтобы запасы возросли на 20—30%, что уже равносильно кризису сбыта. Наоборот, увеличение добычи золота на 10% сверх обычного среднего увеличения добычи есть величина, совершенно ничтожная в сравнении с мировыми запасами золота. Возьмем реальные числовые данные. Всего с XVI века мировая добыча золота в долларах равнялась 14 775 100 долл., золотой монеты в 1913 г. имелось в мире на 8 480 700 000 долл., добыча золота в 1913 г. была 459 036 670 долл.; увеличение этой добычи на 10% составило бы увеличение запасов золота в монете около полупроцента, а с учетом золота, идущего на промышленную переработку, и того меньше. Все это показывает, как различны не только условия производства золота, но и соотношение вновь добытого золота с запасами в сравнении со всем остальным товарным миром, и лишний раз указывает, почему здесь необходимо искать в механизме стоимостного регулирования каких-то особенностей в сравнении с обычным механизмом при производстве и обмене прочих товаров.

С обычным для него эклектизмом Каутский кроме указания на изменение в условиях производства золота набирает еще целый портфель причин, которые вызывают дороговизну. Здесь все найдется: и рост земельной ренты, и таможенное покровительство, и рост расходов на милитаризм. И все это без малейшей попытки поставить теоретически вопрос о том, когда, при каких условиях и до каких пределов с точки зрения закона ценности факторы распределения могут явиться ценообразующими факторами.

Но нас интересует в данной статье не это. Чтобы покончить с Каутским, процитируем еще раз то резюме его выводов, которое он сам дает в своей работе. Он пишет: «Мы познакомились с тем процессом, в котором осуществляется (*sich durchsetzt*) для золота закон ценности. Это происходит таким образом, что при неизменном распределении рабочих сил между различными сферами производства, увеличенное количество добытого золота ведет к увеличению спроса на товары и вместе с тем к росту цен. И только в том случае, когда вызванное таким образом изменение в ценах оказывается недостаточным, чтобы создать возможность осуществления закона ценности и

в отношении золота, и когда производство золота — в капиталистических условиях — в течение продолжительного времени создает добавочную прибыль, только тогда в качестве регулирующего фактора выступает тенденция к уравниванию нормы прибыли, на основе которой в золотопромышленность до тех пор приливают добавочный капитал и добавочную рабочую силу, пока не достигается процесс выравнивания» (S. 35).

Таким образом и в конце исследования Каутский говорит то же, что и в начале. В его взглядах на весь исследуемый процесс ясно преобладают представления из области простого товарного производства. Он не пытался применить закон цен производства к золотопромышленности, а только упоминает о тенденции к уравниванию нормы прибыли и не показывает, каким же путем достигается установление равновесия на основе перелива капитала в золотопромышленность.

Прежде чем перейти к изложению нашего решения проблемы, остановимся еще вкратце на остальных участниках дискуссии.

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ И ДР.

Несколько отличную позицию от других участников спора занял в разбираемом вопросе Ю. Мархлевский, писавший по-немецки в большинстве случаев за подписью И. Карский. Сейчас мы имеем в виду его брошюру: «Teuerung, Warenpreise und Goldproduktion»¹⁴. От взглядов Варги и Гильфердинга точка зрения т. Мархлевского отличается тем, что он твердо стоит на позиции марксовой теории денег и считает совершенно незыблемым положение о том, что стоимость золота есть величина переменная и изменение этой стоимости должно неизбежно приводить и к изменению индекса цен. Он оговаривается лишь — и в этом он, конечно, прав, — что из этого положения отнюдь не вытекает, что даже самое незначительное и кратковременное изменение в стоимости золота должно обязательно вызывать и изменение индекса цен, и оперирует для наглядности примером с высокочувствительными весами и весами для взвешивания больших тяжестей. Возражая сторонникам количественной теории, он утверждает: «Увеличение количества золота, золотой монеты, следовательно одного из средств платежа современного капиталистического хозяйства, не может иметь никакого влияния на товарные цены»¹⁵.

«Всякая попытка объяснить современную дороговизну увеличением производства золота является несостоятельной»¹⁶.

Эти выводы и предшествовавшая им аргументация направлены против количественников. В данном случае т. Мархлевский говорит об увеличении объема производства при неизменных издержках, а не об увеличении производства, вызванном снижением себестоимости. В последнем случае он считает неизбежным повышение цен, но относится скептически к утверждению, что именно это снижение было очень значительным за рассматриваемый период и что именно оно вызвало рост дороговизны. Из отдельных замечаний т. Мархлевского отметим его правильное напоминание о том,

¹⁴ J. Kariski, Teuerung, Warenpreise und Goldproduktion, Dresden. 1913. Из серии «Abhandlungen und Vorträge zur sozialistischen Bildung», Heft 7.

¹⁵ «Teuerung etc.», S. 9.

¹⁶ Ibid., S. 11.

что рассматриваемую нами проблему сам Маркс не находил возможным решать в условиях простого товарного обмена¹⁷. К изложенным выше соображениям О. Бауэра относительно того, каким образом происходит приспособление индекса цен к стоимости золота, Мархлевский относится скептически. В частности он указывает на то, что при современном огромном избытке свободных капиталов потребность золотопромышленности в новых вложениях в период существования там высокой нормы прибыли может быть покрыта не только без всякого отлива капитала из других отраслей, но и без заметного ущерба для новых эмиссий в других отраслях. В качестве конкретного примера он приводит распределение новых эмиссий в Англии в 1910—1912 гг. между золотопромышленностью и другими отраслями производства. А отсюда следует вывод, что приток капитала в золотопромышленность не может быть столь значительным, чтобы затронуть остальные отрасли и этим путем оказать заметное влияние на цены.

Однако вместе с Варгой т. Мархлевский склонен в золотопромышленности переоценивать роль ренты, которая по его мнению съедает большую часть сверхприбыли золотопромышленности в период благоприятной для нее конъюнктуры и именно поэтому не дает оснований ожидать даже в такие периоды большого притока новых капиталов в эту отрасль. Точно так же сомнительным является его утверждение, что постоянство монетной цены золота является одним из серьезнейших факторов стабилизации стоимости золота¹⁸. Монетная цена золота есть весовое отношение (унция золота равняется x марок, y франков, z рублей и т. д.), а не цена в собственном смысле. Она не имеет никакого отношения к стоимости золота. Наоборот, указание т. Мархлевского на то, что значительность запасов породы с меньшим содержанием золота на всех приисках мира ведет к увеличению их разработки, к выравниванию средних затрат труда на единицу металла и к понижению нормы прибыли в самой золотопромышленности—это указание, несомненно, имеет под собою известную почву.

Общее резюме исследования Мархлевского таково: «Стоимость золота, несомненно, оказывает влияние на товарные цены. При вне-зальных больших изменениях в стоимости золота (или благородных металлов вообще, функционирующих в качестве денег) неизбежны революции в ценах, подобно таковой, фактически имевшей место в XVI столетии. Если оставить в стороне такие, так сказать, катастрофические изменения, при существовании золотого обращения и широкой продукции золота на капиталистических началах падение стоимости золота может влиять на товарные цены лишь окольным путем—через уравнение нормы прибыли. Между тем специфические условия производства золота приводят к тому, что пока существуют значительные запасы золотых руд и золотосодержащих песков с небольшим процентом содержания золота, стоимость золота подвержена лишь незначительным колебаниям и уровень прибыли в золотопромышленности не может значительно и на длительный срок подняться над средней нормой прибыли»¹⁹.

¹⁷ Ibid., S. 17.

¹⁸ Ibid., S. 26.

¹⁹ Ibid., S. 27—28.

Что же касается той дороговизны, которая имела место перед войной и в связи с которой и разгорелся весь спор, то т. Мархлевский приходит здесь к следующим выводам: «В результате открытия золотых залежей в Калифорнии, в Австралии и в результате мощного технического прогресса с половины предыдущего столетия произошло падение стоимости золота и продолжалось вплоть до 90-х годов, когда сказались результаты от введения цианистого процесса добычи. Наоборот, в последние годы, несмотря на сильное увеличение добычи, не замечается дальнейшего уменьшения стоимости золота. Тот факт, что вследствие уменьшения издержек на тонну руды в Трансваале все время пускаются в разработку более бедные руды, что в Америке и Австралии, можно констатировать абсолютное уменьшение содержания золота в руде и отвалах, в то время как не произошло открытия никаких руд или россыпей с богатым содержанием золота,—этот факт способствовал увеличению средних издержек производства золота и тем самым и стоимости золота. Поэтому за этот период не может быть речи об увеличении в золотопромышленности нормы прибыли, несмотря на увеличение общей массы прибыли»²⁰.

С экономическими датами этого вывода Мархлевского нельзя согласиться (см. об этом ниже). Ясно, однако, что причину роста дороговизны перед войной Мархлевский отказывался видеть на стороне золота. Он видел причину роста индекса в политике капиталистических трестов и картелей, в ограничении свободы конкуренции, в анархии производства при капитализме и систематическом отставании земледелия от промышленности. Мархлевский заканчивал последнюю главу своей работы прогнозом: «Настоящий период дороговизны является вступлением к всеокрушающей революции, которая должна кончиться падением капиталистического господства»²¹.

Прогноз этот не оказался ошибочным и отчасти уже осуществился. Однако Мархлевский ошибался насчет причины предвоенной дороговизны, поскольку исключал как раз для последнего периода перед войной влияние причин, идущих от условий производства золота. Факты из области послевоенной мировой экономики говорят об этом с полной очевидностью.

Из других авторов, писавших на разбираемую тему, укажем небольшую статью в «Neue Zeit», подписанную инициалами I. V. G., под названием «Goldproduktion und Preisbewegung»²². Эта коротенькая статья с возражением против Варги не дает почти ничего нового в сравнении с уже рассмотренными нами работами других участников дискуссии. Точно так же ничего нового нельзя найти и в послевоенной статье Э. Людвига, «Gold, Geld und Papiergeld» из журнала немецкой компартии «Интернационал»²³.

Укажем еще на статьи т. Спектатора.

Хотя Спектатор и писал до войны о дороговизне (в «Neue Zeit»), но он не участвовал в теоретической полемике на эту тему. Наоборот, в своей статье «Проблема послевоенных цен» в журнале «Мировое хозяйство» № 4 за 1927 г. он приходит к выводу, что «повышение цен есть результат ограбления стран, производящих золото». Так как аргумен-

²⁰ Ibid., S. 39—40.

²¹ Ibid., S. 53.

²² «Neue Zeit» XXX, B. I, S. 660—664.

²³ «Die Internationale» 1923. Эта и некоторые другие из разобранных нами статей имеются в сборнике «Основные проблемы политической экономии». Гиз, 1925.

тация т. Спектатора базируется на конкретном материале из области золотопромышленности Англии и Америки, мы разберем эту статью по ее резюме, когда будем говорить о второй, конкретной стороне нашей темы.

НАШЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Сначала мы постараемся дать чисто теоретическое решение проблемы. Затем мы проверим его на конкретных фактах из области мирового хозяйства и наконец ответим на вопрос не только о причинах предвоенной дороговизны, но также постараемся объяснить, почему мировой индекс золотых цен не вернулся к предвоенному уровню и держится на 40—50% выше довоенного.

При теоретическом решении проблемы мы исходим из необходимости вести исследование по следующим линиям: 1) изучение всех особенностей, которые характеризуют золотопромышленность в ее отношении к рынку и сравнению со всеми остальными отраслями товарного производства; 2) систематическое приращение к золотопромышленности закона цен производства в свете вышеуказанных особенностей этой промышленности; 3) анализ всей проблемы приспособления индекса цен к стоимости золота с точки зрения смены промышленных циклов капиталистического хозяйства. И, наконец, при переходе к более конкретному изучению вопроса: 4) исследование проблемы под углом зрения той роли, которую играют в мировом хозяйстве основные золотодобывающие страны—Англия с ее колониями и Соед. Штаты.

Мы мельком касались уже выше первого из этих вопросов. Остановимся теперь на нем более обстоятельно.

Предположим, что все отрасли производства находятся с золотопромышленностью в состоянии стоимостного равновесия, т. е. что индекс товарных цен соответствует стоимости золота, и распределение общественного труда между всеми отраслями является более или менее пропорциональным. Предположим теперь, далее, что по каким-либо причинам начинается очередной промышленный подъем. Он начинается с увеличения спроса, увеличения заказов, роста цен, с увеличения скорости оборота капитала, увеличения и абсолютной массы прибыли и (в сравнении с периодом застоя) нормы прибыли. Это увеличение массы прибыли вызывается двумя причинами. Первая причина заключается в том, что увеличивается количество занятых рабочих и вследствие этого увеличивается как общая продукция общества, так и количество неоплачиваемого труда, присваиваемого капиталистическим классом. Вторая причина состоит в том, что (на это указывал еще Маркс в цитированном выше письме его к Энгельсу): увеличение цен, означающее увеличение цены и валовой продукции каждой отрасли, при тех же затратах означает и увеличение стоимости бюджетного набора рабочего, т. е. сокращение реальной заработной платы: пока рабочий почувствует это сокращение, пока он раскачается на борьбу, проведет эту борьбу и добьется увеличения номинальной заработной платы в уровень с подъемом индекса цен—пройдет известное время. Этот период является максимально благоприятным для увеличения прибавочной стоимости. Когда зарплата подтягивается к увеличению стоимости жизни, а общее увеличение цен распространяется и на вновь приобретаемые

средства производства, капиталистический класс будет получать в дальнейшем, пока длится оживление, лишь выгоды от общего увеличения продукции общества и от абсолютного увеличения массы прибавочной ценности из этого источника, а также от реализации по повышенной цене в готовых продуктах той части старого основного капитала, который был приобретен по прежним низким ценам и подвергся моральному износу.

Когда же наступает период депрессии, то производство сокращается, цены падают, товары, произведенные при повышенных денежных затратах, приходится реализовать ниже цен производства. Если за это время произошло обновление части основного капитала, то при продаже товаров по сниженным ценам происходит фактически растрата части этого капитала. Абсолютная масса прибавочной ценности и норма прибыли сокращаются.

Так обстоит дело во всех отраслях товарного производства, за исключением золотопромышленности, потому что в золотопромышленности периоды благоприятной конъюнктуры наступают в моменты, обратные противоположные периодам процветания всех остальных отраслей производства.

В самом деле, когда начинается общий промышленный подъем, растет масса валовой продукции и повышаются цены, то золотопромышленность систематически теряет в эти периоды. Это относится и к заработной плате и к возобновлению средств производства. Если все остальные отрасли производства расширяют выработку продуктов, нанимают новых рабочих и получают вследствие этого большую массу прибавочной стоимости, то золотопромышленность не имеет никаких стимулов к такому расширению, а наоборот: если все остальные отрасли продают свою продукцию по систематически растущим ценам, то золотопромышленность не может иметь никакого повышения цен за свою продукцию, потому что за фунт золота она и в период промышленного подъема и в период общей депрессии получает все то же количество монет, которое чеканится из фунта сырого золота. Если остальные отрасли используют расхождение между номинальной и снизившейся реальной заработной платой, то для золотопромышленности вследствие фиксированности монетной «цены» золота при тех же (если не уменьшенных) размерах продукции нет никаких выгод от сложившейся ситуации. Наоборот, когда цена рабочей силы подтягивается к возросшему индексу цен, то и рабочим золотопромышленности приходится повышать заработную плату — при прочих равных условиях — за счет сокращения массы прибавочной ценности. Это повышение в остальных отраслях компенсируется с избытком, в золотопромышленности же не компенсируется ничем. Если уровень личного потребления групп золотопромышленников выражался раньше в определенной сумме, допустим 10 млн. золотых рублей в год, то теперь эти 10 млн. имеют меньшую покупательную способность. Если в период подъема цен делаются необходимые затраты на те средства производства, которые входят в оборотный капитал, то в это время уровень этих затрат повышается, следовательно норма прибыли сокращается. Наконец, если приходится делать неотложные затраты на обновление той части основного капитала, восстановление которого нельзя отложить.

до более благоприятной для золотопромышленности конъюнктуры (т. е. до наступления неблагоприятной конъюнктуры для всех остальных отраслей производства), то и здесь затраты неизбежно являются вздутыми, и норма прибыли с этого конца также испытывает понижение.

Обратное положение наступает, когда начинается общий промышленный кризис и общее понижение цен. Уменьшение уровня заработной платы, происходящее во всех отраслях, происходит и в золотопромышленности. Но если во всех остальных отраслях в обстановке сжатия производства, уменьшения цен, замедления оборота капитала при затруднениях с реализацией это снижение не может компенсировать всех потерь,—в золотопромышленности оно целиком идет на пользу предпринимателям. Падение всех цен на все средства производства дает возможность обновлять капитал предприятий золотопромышленности с меньшими затратами, т. е. ведет к увеличению нормы прибыли. Наконец и для обновления основного капитала наступает здесь самый благоприятный момент. Правда, и для всех остальных отраслей производства момент величайшей депрессии и угнетения рынка также является самым выгодным моментом для обновления основного капитала и для превращения денежных амортизационных отчислений в новый основной капитал *in natura*. Однако здесь-то и выступает другое, очень важное различие, которое существует между производителями денежного товара и производителями всех остальных товаров. Эти последние в период наибольшей депрессии и наибольшего падения цен испытывают величайшие затруднения в деле превращения товаров в деньги. Начинается всеобщая бешеная погоня за наличными деньгами, за золотом и банкнотами, за иностранными девизами.

Период, максимально выгодный для обновления основного капитала промышленности, оказывается периодом максимальных объективных затруднений для осуществления такого обновления. Эту операцию оказываются в силах, да и то с опозданием, провести лишь самые мощные предприятия, которые располагают большими резервами и которые, произведя техническое перевооружение, в состоянии приспособиться к низким ценам и выдержать в ожесточенной конкурентной борьбе. Наоборот, производители денежного материала, которым не приходится никогда искать покупателей для своей продукции, особенно в такой момент погони за наличными средствами платежа, в состоянии обновлять свой капитал в эпоху величайшей депрессии без всяких затруднений и с огромной выгодой.

В этой коренной разнице положения золотопромышленности и прочих отраслей производства в отношении к товарному рынку и к смене хозяйственной конъюнктуры и надо искать решения рассматриваемой нами проблемы. Именно здесь и лежит разгадка всего вопроса.

Возьмем для иллюстрации произвольный числовой пример. Допустим, основной капитал золотопромышленности равен 300 млн., постоянный капитал годового оборота в нормальных средних условиях—100 с млн., зарплата за год—20 в млн., общая масса прибыли за год 20 т млн., следовательно годовая продукция золота—140 млн. Износ основного капитала 10⁰/₁₀₀, т. е. в среднем 30 млн. за год.

Возьмем теперь период общей высокой конъюнктуры с увеличением общего индекса цен на 15⁰/₁₀₀. Предположим далее, что размеры

продукции золотопромышленности все время остаются без изменения, также неизменна и производительность труда на приисках.

При такой общей конъюнктуре золотопромышленность закончит свой год не блестяще. Обновление оборотного постоянного капитала будет стоить 80,5 млн. вместо 70 млн.; 30 млн. основного остаются без изменения²⁴; зарплата будет равна 23 млн. вместо 20; общие издержки производства—133,5 млн. вместо прежних 120 млн. Так как золота будет произведено то же количество, что и раньше, т. е. на 140 млн., то вся годовая прибыль составит 6,5 млн. вместо обычной средней цифры в 20 млн. Иными словами, период общего подъема—больших цен и больших прибылей для всей остальной промышленности—оказывается периодом наименьших прибылей для золотопромышленности, ее норма прибыли в этот период падает много ниже средней, даже за средний год, цены производства в золотопромышленности становятся значительно выше средних, а монетная «цена» ее продукции, как всегда, остается прежней.

Возьмем теперь период депрессии и падения цен на те же 15%. Издержки производства будут равны: по оборотному постоянному капиталу—59,5 вместо 70 млн. среднего года; по основному—30 млн., т. е. останутся без изменения; по зарплате—17 млн. вместо 20 млн. Итого издержки производства составят 106,5 млн. вместо средних обычных 120 млн.; прибыль при тех же размерах производства золота на 140 млн. составит 33,5 млн., т. е. валовая выручка даст на 13,5 млн. выше средних цен производства. Иными словами, самый неблагоприятный год для всех отраслей товарного производства будет самым благоприятным для золотопромышленности.

В обоих случаях в нашем примере расходы на основной капитал мы оставляли без изменения. Совершенно очевидно, что в действительности золотопромышленники должны неизбежно стремиться к тому, чтобы обновлять основной капитал в периоды общей депрессии и всемерно воздерживаться от обновления его в периоды промышленного подъема. Они могут осуществить это, потому что не связаны в реализации продукции с изменением цен на свою продукцию (они не меняются), в то время как все прочие отрасли хозяйства неизбежно должны обновлять часть основного капитала и в период подъема, а многие предприятия заново строятся в такие периоды, потому что иначе промышленники не будут в состоянии полностью использовать благоприятную конъюнктуру: рост спроса и рост цен.

В нашем примере, если обновление основного капитала происходит, допустим, в два приема, по пятилетиям, но оба раза в периоды депрессии, это даст возможность уменьшить затраты на основной капитал на 15%, в нашем случае на 45 млн. рублей, что значительно увеличит среднюю норму прибыли, которая берется в отношении ко всему капиталу.

Из приведенных нами примеров видно, какое огромное хозяйственное значение имеет указанный нами факт полярности золотопромышленности и прочих отраслей в отношении к мировому рынку.

²⁴ Так как постоянный капитал C делится на изнашиваемую часть основного капитала в 30 млн. и на 70 млн. капитала, оборачиваемого за год, то 30 млн. основного капитала, закупленного раньше, при другой конъюнктуре,—допустим средней,—не дадут увеличения издержек при росте цен.

Теперь перейдем к самой сути проблемы, а именно разберем тот случай, когда в золотопромышленности происходит значительное уменьшение себестоимости производства золота и значительный рост добычи.

Предположим, и размеры вложенного капитала в промышленности и его строение остаются теми же, что и в вышеприведенном примере.

Теперь предположим, что в золотопромышленности вводятся какие-либо существенные технические усовершенствования, — допустим, цианистый процесс, драги новой конструкции, открываются новые богатые месторождения, понижающие средние издержки производства, и т. д. На нашем примере это отразится следующим образом: при прежних размерах всего в целом и ежегодно амортизируемого основного капитала (300 млн. C^{25} и 30 млн. ежегодного износа) и при s , равном 100 млн. и $v = 20$ млн., мы будем иметь ежегодную добычу не на 140, а, допустим, на 168 млн. золотом, т. е. увеличение производительности труда на 20%. Допустим, это изменение в условиях производства золота является не кратковременным, а прочным и длительным. Спрашивается теперь, как эта возросшая производительность труда в золотопромышленности, т. е. соответствующее уменьшение стоимости золота, может поднять вверх индекс товарных цен?

Как мы видели, для Каутского решающую роль имеют эти 28 млн. добавочной продукции как раз постольку, поскольку они поступают на товарный рынок.

Мы же сейчас увидим, что эти миллионы играют решающую роль на товарном рынке не просто потому, что увеличивают спрос, а потому, что увеличивают его в решающем пункте этого рынка и в решающий момент (плюс концентрированный спрос на основной капитал в периоды общей депрессии).

Увеличение нормы прибыли в золотопромышленности, особенно если оно является результатом прогресса техники в этой отрасли и делает рентабельной разработку более бедных пород, несомненно действует стимулирующим образом на вложения сюда новых капиталов. Эти вложения могут быть сделаны как из накоплений самой золотопромышленности, так и за счет новых свободных капиталов общества, притекающих в эту отрасль в период существования в ней более высокой нормы прибыли. В результате мы будем иметь и увеличение добычи на старых площадях и вовлечение в разработку новых.

Что же произойдет дальше?

Если все это изменение условий производства и размеров производства в золотопромышленности произошло в данном, допустим, в 1890 г., то в 1891 г. нельзя ожидать никаких резких изменений на мировом товарном рынке. Увеличение покупательной способности общества вследствие увеличения производства золота так невелико в сравнении как с добавочным мировым производством каждого нового среднего года, так и с мировыми запасами, что увеличение цен может носить разве лишь местный, локальный характер, распространяясь лишь на пункты непосредственного соприкосновения золото-

²⁵ Мы употребляем здесь термин C вместо s . C — весь основной капитал, s — постоянный капитал одного года. У Маркса же, как мы уже сказали выше, для упрощения предполагается, что C амортизируется за один год. При конкретном анализе из этого исходить нельзя.

промышленности с ее рынком, т. е. частью на потребительский спрос рабочих, частью на текущий спрос на средства производства, входящие в оборотный капитал. Решающие же изменения произойдут не в этом пункте и не сразу.

Выше мы видели, что Каутский употребляет все усилия доказать, что увеличение производства золота при уменьшении себестоимости может поднять весь индекс товарных цен еще до перелива капиталов в золотопромышленность, а Бауэр, желая искать решения в сфере производства, надеется на подъем индекса вследствие перелива капиталов в золотопромышленность. В результате оба автора делают величайшие натяжки, чтобы доказать возможность столь больших следствий от столь сравнительно скромных по своему непосредственному действию причин. Между тем для капиталистического общества не надо выдумывать никаких новых специфических причин для поднятия всех цен, поскольку такой подъем имеет место во время каждого циклического расширения производства, т. е. в период общехозяйственного оживления. Здесь подъем происходит от общих причин и на основании действия того же самого закона ценности в условиях стихийного развития анархического по своей структуре капиталистического хозяйства. Задача заключается не в том, чтобы вывести общее повышение цен из действия расширяющейся золотопромышленности на мировой рынок, а в том, чтобы объяснить, почему и как золотопромышленность в состоянии, по миновании подъема, задержать падение цен на уровне, который оказывается выше исходного пункта цикла. Как видит читатель, вопрос этот гораздо сложнее, чем представляли себе Каутский, Бауэр и все участники предвоенной дискуссии, но зато в данной постановке дело идет о решении и более скромной задачи: дело идет не о подъеме всего мирового индекса цен экономическим давлением золотопромышленности на мировой рынок, а лишь о включении золотопромышленности в систему тех факторов, которые в период депрессии приостанавливают падение цен на определенном уровне. Такая задача является уже гораздо более легко разрешимой теоретически. На практике же приспособление цен к стоимости золота облегчилось вследствие той роли, которую занимала золотопромышленность Англии и ее колоний в английском хозяйстве, экономика Англии — в мировом хозяйстве, лондонский товарный и денежный рынок — в системе мирового рынка.

Продолжим наш пример. Допустим все описанное нами явление в золотопромышленности наметилось в период промышленного подъема. В этот период, как мы видели, золотопромышленности невыгодно ни производить замену старого основного капитала новым, ни делать очень большие вложения для резкого расширения основного капитала. Она естественно имеет тенденцию перенести всю эту операцию на более поздний период, на период общепромышленной депрессии. Но перенося срок этой операции на период депрессии, она, с одной стороны, имеет теперь большие денежные накопления, чем раньше, вследствие происшедших в ее экономике благоприятных изменений, а с другой стороны, она в состоянии развить широкие закупки новых средств производства раньше, чем все остальные отрасли промышленности, находящиеся в состоянии упадка, за исключением, быть может, самых мощных. Вот эти-то выступления золотопромышленности на рынке закупок средств производства в период

падения цен в состоянии сыграть решающую роль в деле приостановки падения цен. Здесь золотопромышленность может выступить в роли фактора, который создает перелом конъюнктуры раньше, чем это бы произошло без ее участия, а следовательно и может приостановить дальнейшее падение цен. Ее влияние здесь можно сравнить с действием небольшого отряда свежих сил, который выступит в разгар сражения на решающем пункте и сила действия которого определится местом и временем выступления, а не его численностью в сравнении с остальными действующими силами.

Спрашивается теперь, чем же отличается выступление золотопромышленности в рассматриваемом нами примере от обычного выступления ее в период кризисов с закупками для смены основного капитала?

Отличие здесь двоякое. Во-первых, золотопромышленность, сделавшая собственные большие накопления в годы исключительно благоприятной конъюнктуры в этой отрасли и привлекая новые капиталы со стороны, выступает с гораздо большими — не только абсолютно, но и относительно — закупками средств производства, чем, допустим, в период обычной депрессии перед этим. Во-вторых, золотопромышленность, именно потому, что ее цены производства теперь ниже средних в стране или в мировом хозяйстве, может с полной рентабельностью производить обновление основного капитала и при меньшем падении цен в сравнении с самым низким пределом их падения во время прошлых обычных кризисов. Одним словом, масса капитала, выступающая на рынке закупок, много больше, чем обычно. И закупки начинаются раньше, чем обычно.

Все это можно иллюстрировать таким простым примером. Если до переворота в условиях производства золота при средних ценах, за десятилетие или семи-восьмилетие равных 100, во время подъема цены достигали 115, а во время кризиса спустились до 85, то под влиянием описанных выше причин они спустятся при следующем кризисе, — допустим только до 90, — а по возвращении нормального положения средняя задержится на 105 или около этого. Если это будет повторяться при каждом кризисе, то мировое хозяйство в течение 2—3 десятилетий будет в состоянии постепенно приспособить уровень цен к стоимости золота и изжить наметившуюся диспропорцию. Такой путь изжития данной диспропорции, мне кажется, является при капитализме основным.

Это объяснение несколько не исключает и того действия на рынок растущего спроса расширяющейся золотопромышленности, о котором говорят Бауэр и Каутский и который относится к потребительному спросу рабочих и капиталистов и к текущему производительному спросу элементов не основного, а оборотного капитала. Но и этот спрос сам по себе не в состоянии создать промышленный подъем, а может лишь включиться, как один из добавочных факторов, в тенденцию общего подъема и в состоянии тогда взогнать кривую цен в их кульминационном пункте на несколько более высокую ступень. В нашем примере это даст наибольший подъем, допустим, не до 115, а до 117 или в этом роде, повысив тем немного и среднюю за операционный срок лет.

В нашем исследовании мы исходили до сих пор из положения, что стоимость золота меняется, а стоимость остальных товаров остается без изменения, фактически же изменения происходят и на стороне

товаров. Если мы возьмем ситуацию мирового хозяйства, начиная с 90-х годов прошлого столетия, которая и дала повод поставить весь этот вопрос, то мы увидим здесь, без сомнения, такое положение, когда стоимость товаров тоже понижалась, но она понижалась медленней, чем понижалась стоимость золота. Если бы понижение стоимости и золота и товаров происходило в одинаковых пропорциях, это не могло бы никак отражаться на уровне цен. Если бы понижение стоимости товаров шло быстрее понижения стоимости золота, мы имели бы не повышение, а понижение общего уровня цен. Теоретически рассуждая, здесь могло бы быть еще: 1) понижение стоимости золота вместе с повышением стоимости товаров, т. е. индекс цен повышался бы под влиянием одновременного действия двух причин; 2) повышение стоимости товаров при стабильности стоимости золота. Часть экономистов защищала реальность первого случая (Каутский, Бауэр), часть—первый вариант второго случая.

Как реально обстояло дело в действительности, это мы увидим на основании анализа фактов мирового хозяйства как до империалистической войны, так и после нее, вплоть до наших дней. Это конкретное исследование однако не относится непосредственно к той теме, которой мы до сих пор занимались, хотя и имеем с ней связь, какую имеет всякая теория в ее приложениях к конкретной экономике. Наоборот, вопрос о роли в мировом хозяйстве основной золотопроизводящей страны имеет не только конкретно-экономическое значение, но и свою теоретическую сторону.

Разумеется, мы могли бы ограничить чисто теоретическую часть нашего исследования лишь тем, что было развито выше, потому что для теоретического решения проблемы совершенно необязательно привлекать этот дополнительный вопрос. То решение проблемы, которое мы выдвигаем, сохраняет свое значение и в случае концентрированности золотопромышленности в хозяйственно руководящих странах мировой экономики и в случае ее распыленности между многими странами. Однако, очевидно, что все решение вопроса значительно облегчается, если страна, играющая ведущую роль в мировой экономике, одновременно является и основной золотодобывающей страной. А так именно до мировой войны и обстояло дело с Англией.

Теоретически рассуждая, проблема в этом случае решается легче потому, что изменение условий производства в золотопромышленности сказывается с большей силой на хозяйстве и на товарном рынке данной страны, чем оно сказалось бы на всем мировом хозяйстве в условиях распыленности золотодобычания. Но если изменения в условиях производства золота в английских колониях оказывают свое влияние на индекс цен в Англии, то это приводит к концентрированному воздействию этого же фактора и на все мировое хозяйство. И это тем более так потому, что Англия была не только руководящей страной мирового хозяйства, но и страной свободной торговли и, следовательно, ценностные отношения в ней не были искажены такими факторами, как таможенное покровительство и т. д.

Эта концентрированность экономического влияния Англии, эта концентрированность в Лондоне центральных нервных узлов мирового товарного и денежного рынков способствовала тому, что изменения в условиях производства английской золотопромышленности описанными выше путями быстрее и верней передавались на все мировое хозяйство и на индекс мировых цен.

Наконец, нельзя, быть может, прямо доказать, но можно предполагать с большой дозой вероятности, что и самый факт сосредоточения в руководящей стране мирового хозяйства (или в сфере ее контроля) основных источников добычи денежного товара, играющего столь исключительную роль в экономике товарного производства, также не является случайностью. И тогда перед нами не только единичный конкретный факт из области истории хозяйства, а некоторая закономерность, поддающаяся теоретическому изучению не только со стороны причин, но и со стороны ее многосторонних следствий.

Что касается конкретных вопросов: 1) о причинах дороговизны перед войной; 2) об экспериментальном доказательстве выдвинутой здесь теории на фактах развертывания конкретных кризисов и роли в них золотопромышленности; 3) об объяснении динамики золотых цен за время войны и после войны и о причинах, почему мировой индекс золотых цен держится на теперешнем уровне, мы будем говорить в другой статье.

БУРЖУАЗНАЯ АПОЛОГЕТИКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(О Касселе)

„Цель оправдывает средства“. Этот лозунг капиталистического производства и обогащения прекрасно выражает собой также и истинный характер современной буржуазной политической экономии. Для достижения соответствующей цели, полностью определяемой ее классовой сущностью, для теоретического оправдания и увековечения капиталистического способа общественного производства хороши все средства, действительны все методы. В руках теоретических служителей капитализма всякая наука, а тем более политическая экономия, неизбежно превращается в одно из подобных средств. Разительное подтверждение этого положения дает нам книга Густава Касселя¹.

Кассель несомненно является одним из наиболее видных представителей современной экономической апологетики. Его работы всегда обнаруживают блестящую эрудицию, исключительное знакомство с конкретным материалом. Но несмотря на все эти его личные качества, Кассель не может перепрыгнуть через самого себя, выйти за узкие рамки буржуазной ограниченности. Поэтому и его экономическая теория, основные принципы которой изложены в разбираемой нами книге, не представляет собой чего-либо оригинального и, при всех ее особенностях, остается аналогичной многим другим подобным же теориям и учениям.

Во всех своих работах, от их начала до самого конца, Кассель остается верен самому себе и породившему его классу. Вся его теория является поэтому обычным средством, применяемым для достижения апологетической цели. Об этом сам автор, нисколько не стеснясь, вещает с исключительной развязностью и поразительной откровенностью. Он предостерегает читателей против всяких „социальных экспериментов“, стремление к которым проистекает, по его мнению, от излишнего дилетантизма, граничащего с „некультурностью“ рабочего класса. Стараясь предотвратить наступление грозного часа революции, Кассель прилагает все свои силы и способности для борьбы с революционным марксизмом, для наступления против сторонников „опрометчивого“ разрешения „социального вопроса“. Соответственно этому, Густав Кассель видит величайшее значение своей экономической теории в том, что она опровергает подобные „бессмысленные мечтания“, доказывает несостоятельность „веры социалистов-догматиков“ в уничтожение капиталистического способа общественного производства.

Сущность капиталистической социально-экономической формации остается Касселю совершенно неизвестной. Предметом политической экономии для него, как и для многих других буржуазных экономистов, является пресловутое народное хозяйство, или, как он иногда выражается „хозяйственная жизнь“. С этого изначального определения и начинается Кассель нить своих

¹ Густав Кассель, Основные идеи теоретической экономии. Перевод с немецкого Б. М. Жолковой, предисловие Качуринера, изд. „Прибой“, 1929, с. 109, ц. 75 к., тираж 4000.

рассуждений“. „Прежде всего политическая экономия должна выяснить вопрос о праве на свое существование как науки. Предметом изучения этой науки является хозяйственная жизнь“ (с. 18).

В это отнюдь не оригинальное определение Кассель привносит некоторые новые, в известной степени своеобразные моменты. Вместо ответа на вопрос о сущности народного хозяйства, Кассель заявляет нам, что изучаемое политической экономией хозяйство „постоянно имеет своей основой более или менее широко развитую социальную организацию; поэтому предметом учения о хозяйстве в сущности всегда служат явления социальные. Для того, чтобы это особенно отчетливо подчеркнуть, следовало бы нашу науку назвать „социальной экономией“ (с. 19—20, разрядка наша—Г. Д). Здесь становится очевидным действительный характер экономической теории Касселя. Подойдя вплотную к выяснению вопроса о значении „хозяйства“, Кассель испугался этого термина, так как он может быть истолкован материалистически. А посему сей ученый представитель буржуазной науки старается идеалистически истолковать предмет политической экономии, „исправить“ недостатки своего первоначального определения аргументами от социального направления. Так с ходом исторического развития экономическая теория буржуазии вынуждена отказываться от своих прежних черезчур определенных, несмотря на всю их бессмысленность, определений. Термин „народное хозяйство“, бывший ранее ее излюбленным выражением, ныне более непригоден. На сцену выступают идеалистические определения.

Теперь, стало быть, предметом науки объявляется уже не народное хозяйство, а „социальные явления“. Политическая же экономия превращается в „социальную экономию“. Сам же Кассель предстает перед нами в качестве буржуазного экономиста идеалистического толка. Все эти „социальные явления“ или „идеальные отношения субъектов“ тем и важны для буржуазной экономической теории сегодняшнего дня, что с их помощью уничтожается целиком и полностью все то решающее значение, которое принадлежит общественному производству материальных условий человеческого бытия. Вместе с этим реальное основание общества—присущие ему производственные отношения—безнадежно растворяются в безбрежном море всевозможных социальных явлений“. Уничтожить во что бы то ни стало последние следы материалистического характера предмета политической экономии,— „как тот социальный жакал, который ныне усердно выполняется буржуазными экономистами, подвизающимися под знаменем идеализма.

Густав Кассель, как истый сын капитализма своего века, старается идти в ногу с этим течением, от него не отставать. Теперь оказывается, что хозяйство возникает на основе определенной „социальной организации“. Иначе говоря, в основе всего общественного развития лежит, по мнению Касселя, „более или менее широко развитая“ постоянная и неизблемая „социальная организация“. На этой идеальной основе возвышается „хозяйство“ и „хозяйственная жизнь“, содержание которой составляют изучаемые политической экономией „социальные явления“. За всевозможными „социальными явлениями“ исчезли без остатка все реальные явления живой и конкретной капиталистической действительности. Здесь все „социализовано“ и идеализовано до конца.

Однако и эта первоначальная схема кажется Касселю в дальнейшем недостаточно идеалистической. Он стремится окончательно разорвать всякую связь между „социальной организацией“ и „хозяйством“, установить между ними непроходимую пропасть. Действуя согласно принципу „одним ударом—двух зайцев“, Кассель одновременно пытается доказать, что никакие изменения „социальной организации“ не могут изменить вечных и неизблемых

принципов капиталистического хозяйства. Он считает, что „природа этого хозяйства находится некоторым образом под влиянием существующего общественного строя, но в известной степени она и независима от этого фактора (!). Главная задача политической экономии состоит, как я уже говорил, в том, чтобы выявить степень этой независимости“ (с. 25).

Наконец - то мы добрались до центрального ядра всех рассуждений Касселя! Теперь мы уже знаем истинную цель и „главную задачу“ политической экономии этого представителя буржуазной апологетики. Существеннейшая задача экономической теории заключается следовательно в „выявлении“, а попросту говоря, в доказательстве априорно установленной „независимости“ капиталистического способа производства от политического и хозяйственного господства капиталистов. Понятно самой собой, что доказательство этой „независимости“ нужно Касселю для оправдания и упрочения гегемонии капитала.

Вечная и нерушимая независимость, „известная внутренняя необходимость“, имманентно присущая капиталистическому народному хозяйству, доказывает устойчивость и неизменность „хозяйственной жизни“. Никакие социальные „катаклизмы“, никакая перемена государственного и политического устройства не может привести к какому бы то ни было видоизменению, а тем более „отмене“ тех частнособственнических основ, на которых покоится современное общество господствующей буржуазии. Кассель всерьез пытается доказать, что даже после пролетарской революции (о которой он иногда, более нежели иносказательно, упоминает) все принципы капиталистического производства остались бы совершенно неизменными. На этом основании он заявляет, что „вера социалистов-догматиков в силу радикально-преобразующего влияния такого (т. е. социалистического—Г. Д.) общественного порядка на основные хозяйственные процессы лишена внутреннего обоснования, и что эта вера является лишь суеверной переоценкой могущества политической власти“ (с. 27). Действительно, раз капитализм вечен и неизбежен, то всякий социализм „невозможен“, является мифически—религиозной фантазией.

Кассель считает, что если даже и согласиться с предположением о возможности социализма, то этот мысленно «представляемый себе общественный порядок является не чем иным, как только более отсталым и несовершенным прообразом капитализма. „Ибо социалистическое общество можно с известной точки зрения рассматривать как простейшую форму нового хозяйства“ (с. 27). И Кассель, как верный страж „прогресса“, считает необходимым бороться против подобной простейшей, а стало быть регрессивной формы. Само собой разумеется, что мудрый и пронзительный профессор Стокгольмского университета предпочитает умолчать при всех этих своих рассуждениях о таком „противоестественном“ „опыте“, каким является пролетарская революция в России и последующее успешное строительство социализма. Ибо эта низменная большевистская практика не желает считаться с возвышеннейшими умозаключениями и идеалистическими построениями автора данной книги, в корне все их опрокидывает.

„Доказав“ подобным образом, что изменения капиталистического способа производства, совершенно независимого от „социальной организации“, ожидать не приходится, Кассель формулирует столь желательные для него выводы, ради которых он и предпринял подобное „вполне научное“ рассмотрение проблемы. „При таком изучении этого вопроса обнаружилось бы, что всякая хозяйственная необходимость имеет гораздо большее значение, чем это себе представляют дилетанты, которые заняты построением произвольных планов нового общественного порядка“ (с. 24). И Кассель призывает

к отказу от „ненаучных“ и „утопических“ стремлений всяческих марксистских „дилетантов“, указывая вместе с этим на громаднейшее значение своей теории. Ибо „принятие такой точки зрения могло бы иметь большое значение для всей социальной политики. Этим указан путь, ведущий к достижению действительного прогресса (!) и одновременно сделано серьезное предостережение против всяких социальных экспериментов“ (с. 56, разрядка наша—Г. Д.).

„Действительный прогресс“, сторонником которого выступает Густав Кассель, заключается стало быть в отказе от всякого прогресса, от всякого движения вперед. Увековечить капиталистическое общество совместно с линчеванием негров и преследованиями Каммерера, обезьяньими процессами и расстрелами безработных, удушливыми газами и капиталистической эксплуатацией; увековечить все предели, свойственные загнивающему и разлагающемуся буржуазному способу производства — это означает, по мнению Касселя, стать на путь „прогресса“. Сам автор в меру своих сил и способностей конечно содействует „прогрессу“ капиталистической культуры.

Вопрос о способе общественного производства, вопрос о „форме общественного порядка“, Кассель считает для политической экономии совершенно несущественным. Поэтому он и считает себя вправе исключить вопрос о социально-экономической форме производства за пределы анализа. Ученый профессор отказывается от рассмотрения общественного строя капиталистического производства, совершенно отбрасывает вопрос о его классовой сущности и антагонистической структуре. И в этом совершаемом Касселем усечении главнейших проблем политической экономии опять на первое место выступает вполне определенная классовая цель. „Для достижения этой цели,—пишет он,—мы должны были бы поставить себе за правило при наших основополагающих исследованиях вводить только минимум предположений относительно организации и форм общественного порядка. Мы тогда придем к общим выводам, которые будут иметь значение для каждого хозяйственного строя независимо от внешних условий. Эти выводы будут очевидно относиться к самой сущности явлений экономической необходимости“ (с. 25).

Отбрасывая „внешние условия“, под которыми следует очевидно понимать все действительное содержание буржуазной экономики, Кассель пытается вывести „общие“ хозяйственные законы. Он универсализирует устанавливаемые им принципы, превращает их во всеобщие выводы, имеющие якобы абсолютное значение. Но тем самым его экономическая теория лишается последних остатков какой бы то ни было научности.

Автор рецензируемой книги больше всего опасается диалектики действительности. Сухой и формальной схемой пытается он заменить реальные связи и опосредствования капитализма. Он считает, что „хозяйственная жизнь“ должна рассматриваться в изолированном и неподвижном виде, т. е. метафизически. „Наука о хозяйстве,—вещает он,—должна мыслить хозяйство, которое она изучает, как целое, заключенное в самом себе, без связи с внешним миром“ (с. 19, разрядка наша—Д. Г.). Понятно, что на этом пути первенствующее значение приобретает механический, чисто количественный метод исследования. Предмет политической экономии насильственно превращается в совокупность количественных отношений, в которых растворяется все действительное содержание, реальное движение и качественное своеобразие буржуазной экономики. „Политическая экономия изучает главным образом количественные отношения. Мы должны поэтому пытаться все явления хозяйственной жизни, привлекающие к себе наше внимание, выражать в точных количественных определениях“ (с. 33). На этом основании

Густав Кассель и присоединяется к математическому направлению в политической экономии.

Буржуазная экономическая мысль подобно белке в колесе мечется из стороны в сторону в поисках доказательств для подтверждения „объективности“ выдвигаемых ею теоретических положений. И на этом пути она прибегает к математике, уравнения которой будучи чрезвычайно далекими от конкретной действительности, отличаются величайшей абстрактностью и кажущейся объективностью. А это то как раз и нужно апологетам капитализма. Недаром ведь математический метод исследования общественных явлений получает такое большое распространение в буржуазных общественных науках.

Даже в том случае, если бы все явления капитализма были бы снабжены соответствующей „цифровой оценкой“, если бы все процессы и явления буржуазной экономики выступали в пронумерованном и оцененном виде, как товары в витрине берлинского универмага, то и тогда задача теоретического анализа капиталистического способа производства этим значительно не облегчилась бы.

Простой последовательностью математических величин можно выразить только „относительное значение различных величин“, экономических явлений и прочих „хозяйственных факторов“, однако отнюдь не их взаимную связь и движение. Поэтому необходимость теоретического исследования экономической структуры общества не может быть устранена, или сколько-нибудь умалена.

Конкретная действительность настолько разносторонняя, в такой степени многообразна и диалектична, что свести ее исследование к простым математическим соотношениям и уравнениям значит, по сути дела, отказаться от научного рассматривания и подлинного изучения пресущих ей явлений. Именно поэтому Гегель указывал, что „чем богаче определенностью, а тем самым и отношениями, становятся мысли (которые, как мы считаем, отображают действительность—Г. Д.) тем, с одной стороны, более запутанным, а с другой, более произвольным и лишенным смысла становится их изображение в таких формах, как числа“. Это весьма существенное замечание Гегеля Ленин характеризует, как „меткое замечание“². Математический метод в применении к теоретическому исследованию капитализма в самом деле является „лишенным смысла“. Но вместе с тем он является произвольным. И именно по причине этой его произвольности математический метод столь дорог экономическим теоретикам капитализма.

Последователь математического метода конечно отнюдь не обходится без теоретического исследования буржуазной экономики. Для того, чтобы сообщить рассматриваемым экономическим явлениям то или иное численное выражение, установить их цифровое значение, исследователь вынужден предварительно определить то или иное соотношение этих явлений и их взаимозависимость. Только затем на основании этого анализа могут быть установлены и применены цифровые величины. Поэтому все уравнения Касселя, как и подобные же выкладки других „математиков“, представляют собой не что иное, как некоторую побочную иллюстрацию, долженствующую разъяснять его априорные выводы. Другое дело, что ученый профессор пытается превратить эту иллюстрацию в самодовлеющее доказательство его теоретических положений.

² Ленин, Конспект книги Гегеля „Наука логики“, см. „IX Ленинский сборник“, с. 83 разрядка наша—Г. Д.

Применение математического способа рассмотрения экономических проблем накладывает свой отпечаток и на всю экономическую теорию данного направления. Математическая школа не ставит себе задачей выяснение тех законов, которые управляют капиталистическим способом производства. Она не старается вскрыть действительную сущность экономических явлений капитализма. Математическое направление, равно как и Кассель, стремится всего лишь к установлению эмпирической закономерности экономических явлений, к выяснению их функциональной обусловленности. Иначе говоря, для „математиков“ отсутствует проблема выяснения причинной связи и внутреннего содержания производственных отношений капиталистической социально-экономической формации. Они считают вполне достаточным ограничиваться констатацией внешней поверхности экономических явлений.

Центральным пунктом, на котором покоится вся экономическая теория Касселя, является «принцип недостаточности». Математическая школа отправляется от человеческих потребностей. В этом заключается известное теоретическое родство „математиков“ и „австрийцев“. Однако здесь же лежит и корень различия между ними. В противоположность теории предельной полезности, математическое направление выдвигает на первый план отнюдь не субъективную „предельную полезность“, противопоставляемую некоторой „общей потребности“, не субъективные переживания потребляющего индивида. Густав Кассель даже критикует австрийцев за эту установку их экономической теории. Математическая школа рассматривает общественную потребность. Ее интересует удовлетворение человеческих потребностей данным хозяйством. „Сущность хозяйства, — заявляет Кассель, — заключается в заботах о человеческих потребностях при условии существования недостатка средств для удовлетворения этих потребностей“ (с. 63).

Касселю представляется, что человеческие потребности безграничны, в то время как средства, имеющиеся в распоряжении общества для удовлетворения совокупных потребностей его членов, существенно ограничены. Недостаток средств потребления и недостаток потребных для их изготовления средств производства возводятся им во всеобщий закон. Основная задача всякого хозяйства, категорически утверждает автор, заключается в искусственном ограничении этих потребностей в соответствии с „экономической необходимостью“. Эта задача и выражается „принципом недостаточности“. — „В каждом хозяйстве потребности должны быть поэтому ограничены и спрос должен быть в такой мере уменьшен, чтобы существующих средств хватило для его удовлетворения. В этом и заключается принцип недостаточности“ (с. 63).

В этом своем анализе Кассель полностью отвлекается от реальной действительности капиталистического общества, полностью игнорирует существующее последнему классовое противоречие. В его представлении капиталистическое общество выступает как совокупность людей, в равной мере удовлетворяющих свои, ограничиваемые принципом недостаточности потребности. Но в конкретной действительности „потребности“ и алчные потребительские аппетиты буржуазии ведь отнюдь не ограничиваются. Действительно ограниченным, крайне суженным является только лишь потребление рабочего класса, широких масс трудящегося населения. Однако это ограничение происходит отнюдь не по причине абсолютной недостаточности средств потребления, или употребляемых для их создания „первичных факторов производства“. Ибо средств потребления как имеющихся, так и могущих быть произведенными при полной загрузке производственного оборудования, вполне достаточно в наиболее передовых капиталистических стра-

пах для удовлетворения потребностей общества. Ограничение же потребления трудящихся проистекает вследствие частнособственнического характера капиталистического способа общественного производства. Частнособственническое присвоение, ограничение потребления платежеспособным спросом, несмотря на общественный характер производства, не дает возможности удовлетворять все потребности всех членов данного общества.

Кризис, возникающий по причине противоречия между общественным характером производства и частнособственническим характером присвоения как нельзя лучше доказывает, что потребление населения регулируется отнюдь не принципом недостаточности, а классовыми условиями буржуазного общественного производства. Кризис, являясь кризисом перепроизводства, свидетельствует о том, что возможности удовлетворения потребностей значительно превышают „ограниченный“ уровень потребления. Капиталистическое общество страдает не от недостатка товаров, а от их избытка. Вопреки Касселю, приходится сокращать не потребление (оно и так сокращено), а размеры производства до размеров платежеспособного спроса, ограничиваемого и уменьшаемого самим развитием капитализма. Цель всех этих рассуждений нашего профессора очевидна. Но вместе с тем несомненно также и их несоответствие действительному ходу вещей.

Теория стоимости оказалась таким мощным оружием в руках марксистской политической экономии,—оружием, вскрывающим истинную сущность капиталистического производства,—что буржуазная политическая экономия переходит от отрицания марксовой теории стоимости—к отказу от стоимости вообще. Густав Кассель, рассуждал о стоимости, избегает называть Маркса по имени. Он не адресуется ему своих более нежели прозрачных обвинений. Но зато с какой поразительной яростью нападает этот профессор на Рикардо, упрекая его в том, что тот своим учением содействовал появлению и теоретическому обоснованию научного социализма. „Так называемая теория стоимости, образующая основу научного социализма, является прямым следствием всех недоразумений, вытекающих из учения Рикардо (хорошее „недоразумение!“—Г. Д.). Упрощения, на которых построена теория Рикардо, так велики, что они не в состоянии дать никакого сколько-нибудь верного представления о том, как в действительности совершается процесс образования цен“ (с. 79). Как тут не вспомнить о доблестном праотце многих современных ученых профессоров—Кэри, который первый, критикуя Рикардо, по словам Маркса, „доносит на него, как на отца коммунизма“!

Какие же аргументы выдвигает Кассель против теории стоимости? Он считает, прежде всего, что теория стоимости непригодна уже по одному тому, что этому термину принадлежит несколько значений. „Так как слово „стоимость“ само по себе является достаточно неопределенным и в повседневной жизни употребляется в различном смысле, то для научного анализа из-за этого возникли большие затруднения“ (с. 44). Эти „большие затруднения“, оказывается, выражаются всего лишь в том, что вся эта теория страдала от двойного понимания „стоимости“, чему служат достаточным доказательством двоякое определение „потребительная стоимость“ и «меновой стоимость» (с. 42). Кассель подходит к стоимости с заранее предвзятой точкой зрения. Если поставить себе задачей, как он это делает, исследование потребления, то тогда действительно представляется совершенно непужным рассматривать товар с точки зрения его потребительной и меновой стоимости. Но все дело в том, что задачей политической экономии, а тем самым и теории стоимости, является не исследование потребления, а анализ товарно-капиталистического способа общественного производства в целом.

Сосредоточив все свое внимание на количественных соотношениях, Кассель считает, что теория стоимости напрасно занимается также и качественной стороной проблемы, и усматривает в этом существенный ее недостаток. Но даже при изучении одного лишь чистого количества он не желает иметь дела со стоимостью. Кассель считает вполне достаточным начать исследование прямо с анализа цены, с внешней фиксации динамики размеров цен. В этом исследовании он и видит задачу всей своей деятельности. „Я,—пишет он,—уже с самого начала. . . был убежден, что вполне возможно непосредственно построить теорию цен и что не существует сколько-нибудь существенного по своему значению положения, которое обычно доказывается при помощи особой теории стоимости, и которое нельзя было бы доказать без этой теории стоимости“ (с. 41).

Теория цены, построенная на основе „принципа недостаточности“, ставится в касселевской экономической теории на первенствующее место. Она вытесняет собой все другие самые сложные вопросы и проблемы политической экономии, становится универсальным ключом для их разрешения. Но тем самым политическая экономия всецело превращается в теорию цен. „На основании изложенных выше принципов учение о народном хозяйстве является в сущности теорией цен. Эта теория по необходимости охватывает весь процесс образования цен, так как в этот процесс включены не только цены предметов потребления, но и цены полуфабрикатов и всех основных факторов производства. Так как доход людей определяется ценами на ту долю участия, которая им принадлежит в производстве, то и весь процесс, известный в учении о народном хозяйстве под названием „распределение“, тем самым заключается в теории цен“ (с. 55).

Задача цен, по мнению Касселя, заключается в практическом осуществлении „принципа недостаточности“. Цена является средством, устанавливающим и определяющим размеры потребления. Она выступает в качестве регулятора потребления. Однако регулятор этот является односторонним, ибо он действует только в сторону сокращения потребления. Характеризуя действие цен, Кассель не стесняется в самых сильных выражениях, дабы оттенить их значение. Он прямо утверждает, „что цены имеют определенную задачу душить спрос, и что этим они выполняют очень важную социальную задачу“ (с. 65, разрядка наша — Г. Д.). Из своих исходных положений Кассель делает вполне определенные выводы. Он пытается дать теоретическое оправдание специфически-капиталистическому ограничению потребления широких масс узкими рамками платежеспособного спроса трудящихся. Он утверждает, что установившийся уровень материального существования определяется „принципом недостаточности“ и по тому ни в каком случае и никаким изменением способа общественного производства не может быть увеличен. Вместе с тем Густав Кассель дает теоретическое оправдание также и высокому уровню цен.

Величина цены таким образом определяется, согласно Касселю, соотношением между спросом и предложением обмениваемых товаров. В этом действительный смысл как всех уравнений Касселя, так и его „принципа недостаточности“, в этом заключается ядро всей его теории цен. И суть дела несколько не меняется от того, что Кассель вводит целую цепь дополнительных причин и „факторов“. Вся эта теория, несмотря на замысловатые „принципы“, представляет собой попросту воспроизведенную в модернизированном виде старую теорию спроса и предложения. И это настолько несомненно, что даже сам Кассель вынужден признать данное обстоятельство. Говоря о пресловутом „принципе недостаточности“ он замечает: „Можно было бы возразить, что этот принцип представляет собой не что иное, как

старую теорию спроса и предложения. В известном смысле это верно“ (с. 77).

„Изменения“, „исправления“ и „дополнения“, вносимые Касселем в теорию спроса и предложения, не меняют по сути дела ее основного характера. Эти „изменения“ заключаются в том, что Кассель переносит центр тяжести на потребление, изображает связь между спросом и предложением в форме уравнений. Кроме того эти уравнения „исправлены“, ибо теперь учитывается то влияние, которое оказывают на потребление данного товара, — а стало быть и на его цену, — цены и потребление других товаров, равно как и доходы потребителей. Наконец, дабы преодолеть основной недостаток теории спроса и предложения, заключающийся в возможности определить размер цены при количественном совпадении спроса и предложения, Кассель „дополняет“ систему уравнений также и величинами „факторов производства“ — издержками производства данного товара. В результате получается система уравнений, в которой как будто бы заключено все, а на самом деле не содержится ровно ничего. И прежде всего здесь отсутствует вся проблема производства.

Несмотря на то, что автор „Основных идей“ под давлением фактической действительности иногда и упоминает о производстве, тем не менее оно несколько его не интересует. Цена выступает у него регулятором отнюдь не производства, отнюдь не всего капиталистического хозяйства, а лишь одного потребления. Самое же потребление рассматривается Касселем как нечто, не находящееся ни в какой необходимой связи с производством. Экономическая теория Касселя, как и теория „предельной полезности хозяйственных благ“, фактически исследует только потребление данного наличного запаса материальных благ. Она принимает размеры производства за данные, за некоторую фиксированную и неизменяемую величину. Об этом Кассель сам склонен заявлять. Он считает, что „цена имеет своей задачей настолько ограничивать спрос, чтобы он мог быть удовлетворен недостаточным предложением, которое предполагается, как величина данная. Это и есть принцип недостаточности“ (с. 77, разрядка наша — Г. Д.).

В данной книге Кассель помимо проблемы цен останавливается также и на теории денег и теории процента. Само собой разумеется, что эти проблемы разрешаются им в полном соответствии с его теорией цен, представляют собой ее частный случай.

Но мнению Касселя, деньги возникли только потому, что потребности общества в определенной „единице стоимости“, а также в средстве обмена требовали своего удовлетворения. Денежная система и представляет собой не что иное, как соединенное удовлетворение этих двух „элементарных потребностей“ всякого человеческого общества. Приступая к дальнейшему исследованию денег, Кассель целиком и полностью разрывает связь, существующую между функцией денег в качестве мерила стоимости и их функцией в качестве средства обращения. Оказывается, что эти функции совершенно различны и между собой не связаны.

Впрочем Кассель вообще не говорит о функциях денег. Он рассуждает о „денежной единице“ стоимости, которая, по его мнению, является чисто условной, счетной величиной, произвольно устанавливаемой государством. Но под этим термином он разумеет не только деньги как мерило стоимости, но их функцию масштаба цен. Наш профессор отождествляет, смешивая воедино, эти две столь различные функции.

Анализируя „денежную единицу“ стоимости, Кассель пожалуй, еще готов согласиться с тем, что некогда „денежная единица“ представляла собой товар, обладавший вполне определенной стоимостью „оценкой“.

Однако он категорически отрицает за современным денежным мерилем стоимости какие-либо товарные свойства. Исторический процесс развития „денежной единицы“ заключался, по его мнению, в ее эмансипации от материальной сущности и стоимостной основы. „Переходя от одной ступени развития к другой, общество, в конце концов, приобрело представление об одной единице стоимости, в которой могла быть выражена всякая другая стоимость. Эта единица обнаруживала всегда сильную склонность (?) ставившись все более и более абстрактной, освобождаясь от связи с той материальной сущностью, которую она вначале собой представляла“ (с. 48). Этот процесс „абстрагирования“ „денежной единицы“ от стоимости денег, — ее материальных носителей, — полностью завершился в современном капиталистическом обществе. Мерило стоимости (оно же масштаб цен) представляет собой теперь чисто идеальную величину, лишенную какой бы то ни было имманентной стоимости, не обладающую реальными свойствами и качествами. Кассель пытается величину стоимости определить без самой стоимости, взвесить товар посредством гири, лишенных тяжести, смерить длину с помощью линейки, лишенной протяжения.

Для Касселя, как для чистой воды „математика“, к тому же стремящегося ко всемерному „абстрагированию“ денег, наиболее приемлемы бумажные деньги. В последних незаметна их связь со стоимостью золота, все процессы денежного обращения выступают в перевернутом и поставленном на голову виде. Это обстоятельство, — загадка бумажного фетиша, — высоко ценится буржуазными экономистами современности. Но теперь Кассель вновь вынужден вернуться к старательно им обходному вопросу о стоимости „денежной единицы“. Лишив ее внутренней реальной стоимости, он пытается теперь снабдить „денежную единицу“ хотя бы чисто относительной, внешней стоимостью. В противном случае нелепость его теории стала бы чересчур очевидна. Пытаясь найти самостоятельную стоимость бумажных денег, Кассель милостно нам разъясняет, что „стоимость, заключающаяся в денежной единице“ зависит от... „стоимости средств обмена“. Иначе говоря, стоимость денег в их функции мерила стоимости определяется их стоимостью в качестве средства обращения. Это приравнивание, прежде чем стихийно фиксироваться, устанавливается предписаниями соответствующего „начальства“. — „Оценка средств обращения в определенной денежной единице обычно устанавливалась традицией или предписаниями священнослужителей и властителей“ (с. 49).

Стоимость же средств обращения зависит от „недостаточности снабжения ими общества“, определяется вездесущим и всеобъемлющим „принципом недостаточности“. Но ведь „недостаточность“ денег выражает собой не что иное, как их количество. Стало быть, согласно Касселю, стоимость средств обращения определяется их количеством, находящимся в распоряжении общества. Ультрасовременный „принцип недостаточности“, оказывается, представляет совмещение самых старых, наиболее тривиальных теорий. Он воскрешает теорию спроса и предложения в исследовании цены, означает возвращение к количественной теории в изучении денег.

Кассель признает, что его „теория недостаточности“, в применении к деньгам, представляет собой количественную теорию. Все его стремления направлены лишь к тому, чтобы доказать, будто бы он приемлет эту теорию не априорно, а на основании фактических данных его опыта. Этот „опыт“ и заставил его обратиться к количественной теории, хотя он якобы „никогда не мог рассматривать так называемую количественную теорию денег, как учение, истинность которого должна быть принята à priori“ (с. 105). Кассель делает вид, будто бы он не замечает, что его априорно уста-

новленный „принцип недостаточности“ представляет собой, в его применении к деньгам, предустановленную, независимую от тех „фактов“, на которые он ссылается, количественную теорию денег. Кассель, изменяя последовательность причин и следствий в выпуске денег и образовании их покупательной способности, вносит теперь „новые формулировки“ в толкование количественной теории. Все великое обычно оказывается крайне простым. „Нынешняя форма“ количественной теории, долженствующая подтвердить бесспорность последней и произвести разительный переворот в экономической науке, заключается в следующем: „Выпуск новых платежных средств... создает дополнение к существующей покупательной способности и вызывает повышение цен“ (с. 105). Эта „новая“ формулировка, как видит читатель, по существу несколько не отличается от тех старых формулировок и схем количественной теории денег, которые существуют еще со времен до-рикардовских. Однако Кассель считает возможным остановиться на этой количественной формулировке. Теперь он переходит к золотым деньгам, рассматривая их как частный случай денег бумажных. Задача исследования в данном случае вновь заключается в выяснении причин недостаточности золотых денег, в выявлении того, как в данном конкретном случае действует все тот же „принцип недостаточности“.

Теория капитала в рецензируемой книге отсутствует. Мысль профессора, витающая в кругу наитовлеченнейших и в то же время наиповерхностных „идей“, не желает снизойти до рассмотрения этой чересчур практической категории, к тому же мешающей „объективному“ рассмотрению „социального вопроса“.

Для стокгольмского профессора капитал, как и цена его пользования— процент, представляет собой нечто вечное и естественное, необходимость чего коренится в самой природе хозяйственной жизни. „Проценты являются одним из необходимых элементов хозяйственной жизни“ (с. 35). Капитал останется даже в условиях социалистического, гипотетически предполагаемого общества. „Особенно полезно (а что из утверждаемого Густавом Касселем его классу бесполезно? — Г. Д.) отметить, что также и для социалистического общества владение этим фактором производства является совершенно неизбежной необходимостью“ (с. 59).

Теория процента представляет собой для Касселя часть общей теории цен. Он утверждает, что „вся проблема становится значительно проще и доступнее для понимания, если рассматривать процент как цену и всю теорию процентов считать органической частью общей теории цен“ (с. 57 — 58). И Кассель немедленно приступает к исследованию этой „цены“. Но тут он явственно обнаруживает теоретическое родство, существующее между его экономической теорией и теорией Бем-Баверка. Кассель все время открещивается от этого последнего. Он даже заверяет читателя в том, что исследование процентов на основе теории стоимости ведет к Бем-Баверку. Теперь же он начинает разъяснять сущность процентов и происхождение дохода капиталиста совсем в духе австрийской школы. Как для Бем-Баверка, так и для Касселя капитал и процент являются внеисторическими категориями. Как тот, так и другой вслески стремятся уничтожить классовый характер капитала и процента, превратить их в ничего не значащий „основной фактор производства“. Оба они кладут в основу объяснения дохода капиталистов факт ожидания, различие между „настоящими“ и „будущими“ благами. Усердно вторя главе австрийской школы, Кассель заявляет: „Производство в техническом смысле требует времени, а использование длительно существующих благ требует обычно еще большего времени. Между использованием факторов производства и платою возме-

ния за их использование должен поэтому пройти некоторый промежуток времени“ (с. 58 — 59, разрядка наша — Г. Д.). На различии между немедленно используемым капиталом и капиталом „абстрактным“, приносящим выгоду своему владельцу не немедленно, Кассель и строит свою теорию процента. Но тем самым он попадает в дружеские объятия Бем-Баверка.

Размер „сбережений“ капиталистов, — продолжает далее Кассель, — их „ожидание“, соответствующее величине свободного капитала, не является безграничным. Поэтому спрос на свободный капитал может быть удовлетворен далеко не всегда. Отсюда возникает „недостаточность“ капитала, которая приводит к образованию процента. Определяемый „принципом недостаточности“ процент сокращает спрос на капитал, способствуя этим также и увеличению предложения“. Кассель не может дать никакого объяснения источнику возникновения процентов и прибылей. Ему представляется, что процент уплачивается из цены товара, так как он является одним из элементов, эту цену образующих. В производстве каждого товара затрачиваются „основные факторы производства“, в том числе также и капитал. Каждый из этих факторов, принимая участие в создании товара, получает свою цену за это участие. „В меновом хозяйстве доход отдельного индивидуума в действительности определяется ценами на те основные факторы производства, которые вносятся им в общий производственный процесс“ (с. 69). Кассель и здесь, как и ранее, распределяет не произведенное. Ему представляется, что существует определенный, твердо фиксированный запас благ, который и распределится между различными „факторовладельцами“. Ибо „факторы производства“ чисто механически переносят свою цену в цену вновь созданного товара. Производство только изменяет форму ранее существовавших материальных элементов.

Кассель представляет дело таким образом, что при этих условиях будто бы может иметь место накопление „сбережений“, т. е. расширенное воспроизводство. Однако он не может конечно показать, откуда берутся эти „сбережения“, раз в процессе производства по сути дела ничего не создается. Он не выясняет источник образования новой стоимости, действительное происхождение доходов капиталистов. Поэтому схемам Густава Касселя вообще не соответствует никакое реальное воспроизводство.

Кассель и сам чувствует недостатки его теории процента. И поэтому он ищет спасения в апелляции к естественным силам. Он обращается, если и не к солнечным затмениям и японским землетрясениям, то к... человеческой жизни. „Общий размер процента не может продолжительное время держаться ниже определенного уровня... Этот пизжий предел находится в тесной зависимости от средней продолжительности человеческой жизни“ (с. 35 — 36).

Таков Кассель! „Принцип недостаточности“, „продолжительность человеческой жизни“ и всевозможные иные столь же вечные, естественные и неизменные великие принципы и закономерности намеревается он положить в основу выполняемого им социального заказа в области экономической теории. Напрасно однако же претендует наш почтенный профессор на оригинальность, своеобразие и тому подобные мнимые качества, якобы его экономической теории присущие. Напрасно выдает он свою теорию за последнее научное откровение. Во всей его экономической системе нет ни грана научности, ни тени доказательности. Последние остатки какой бы то ни было оригинальности или научности вытеснила у него самая неприкрытая буржуазная апологетика, составляющая истинное содержание рассматриваемой книги.

Современная буржуазия, как и ее теоретические приспешники, бесплодна, яко евангельская смоковница. Времена расцвета буржуазной политической экономики, времена Адама Смита и Давида Рикардо канули в вечность. Экономические теории, изрекаемые экономистами сегодняшнего капитализма, не отличаются научностью, являются совершенно бесплодной и бессмысленной апологетикой. Об этом красноречиво говорит книжка Густава Касселя и этим оправдывается ее перевод на русский язык...

Единственно научной является в настоящее время только марксистско-ленинская политическая экономия, последовательно выясняющая все условия и взаимоотношения, все противоречия и классовые антагонизмы капиталистического способа общественного производства. Являясь пролетарской наукой, она гласит не об укреплении господства буржуазии, а теоретически обосновывает и практически доказывает неизбежность краха этого господства, неизбежность диктатуры пролетариата. Не спасут от гибели современную буржуазию соломинки якобы „научной“ апологетики!

Г. Деборин

М. СПЕКТАТОР. Теория аграрных кризисов

(МАИ, „Аграрные проблемы“, Москва 1929, с. 136, ц. 1 руб. 20 коп.)

Рецензируемая книга состоит из ряда статей, опубликованных автором в разное время по разным поводам в разных журналах. Тут же воспроизведено предисловие к русскому переводу книги Зеринга и повторно дана глава из книги „Мировое хозяйство до и после войны“. Мы обращаем на это обстоятельство внимание, так как такой способ последующего сочетания разрозненных статей не может не сказаться на целом. Автор, правда, сообщает в предисловии, что он передает некоторые опубликованные работы „в несколько сокращенном виде, чтобы избежать повторений“. Это однако ему, не удалось — повторений в книжке много. Но суть дела не в них, а в том, что „теория“ вышла очень путаная и не вполне оформленная. В книжке нет даже попытки подробного изложения „теории“. То, что преподносится, носит скорее характер отдельных замечаний, вскользь сделанных возражений.

Читателю приходится извлекать теоретическое зерно из огромной кучи сырых статистических материалов и не совсем к делу относящихся высказываний. Исходная предпосылка — отрицание специфических причин, вызывающих аграрный кризис. Автор несколько раз решительно заявляет, что таковых „в природе нет“. Полемизируя против проф. П. Ляшенко, М. Спектатор говорит: „Поиски особого пути развития сельского хозяйства и подчеркивание специфических условий этого развития приводят к бессознательному, конечно, загушеванию основного противоречия между трудом и капиталом“ (с. 127). Либо сельское хозяйство подчиняется общим законам капиталистического развития, и тогда ничего специфического в развитии сельского хозяйства нет, либо специфическое есть, и тогда это — булгаковщина; третье, по мнению М. Спектатора, не дано. Он выбирает первое и на этом строит свою теорию. Всех, кто видит специфические особенности в сельском хозяйстве и склонен связать с ними аграрный кризис, он зачисляет в разряд сторонников Булгакова. Курьезно, что сторонником Булгакова оказывается и автор „Аграрного вопроса“, Каутский. Нет, конечно, никакой нужды доказывать, какая глубокая фальсификация марксистско-ленинской теории аграрного вопроса скрывается за этой „теорией“. Марксизм исходит из положения, что общие законы капиталистического развития проявляются в сельском хозяйстве в своеобразной форме. Ленин, выступая против Булгакова в защиту „Аграрного вопроса“ Каутского, очень подробно излагает это ныне общеизвестное положение. Отставание земледелия от промышленности, по мнению Ленина, является „одной из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между разными отраслями народного хозяйства, кризисов и дороговизны“. „Противоречие между промышленностью и земледелием не только не устранено капитализмом, а, напротив, расширяется и обостряется все более“ (Ленин, т. IX, с. 253).

Игнорируя это противоречие между промышленностью и земледелием, М. Спектатор подвергает ревизии марксистскую теорию аграрных кризисов.

Раз сельское хозяйство не имеет никаких специфических условий, то аграрный кризис, оказывается, также не обнаруживает ничего особенного, а является лишь „отражением“ промышленных кризисов. Отсюда и вторая методологическая ошибка М. Спектатора. Он хочет вывести теорию аграрного кризиса из условий развития „чистого“ капитализма. Марксистская же теория аграрного кризиса ищет причины на мировом рынке, выводя кризис из закона неравномерного развития капитализма в отдельных странах. Лучшие марксистские работы, трактующие вопрос об аграрном кризисе, именно так подходили к данной проблеме. Парвус, Каутский, Лафарг, Ленин,—все исходило при объяснении аграрного кризиса из условий конкуренции на мировом рынке, конкуренции стран так называемой старой культуры с новыми странами, в которых уровень ренты значительно ниже.

Так именно объясняют и Маркс и Энгельс кризис посленаполеоновских войн. Энгельс в своей ранней работе „Подожение рабочего класса в Англии“ объясняет этот кризис тем, что во время войны прекратился подвоз с.-х. продуктов, и это привело к искусственному расцвету английского сельского хозяйства. Когда же война прекратилась, то вместе с тем исчезло основание для повышенных цен. Энгельс пишет: „И вот эта-то задержка в подвозе, необходимость вывоза и недостаток в рабочих руках сразу прекратились. Неизбежным результатом явилось то, что англичане называют *agricultural distress*. Об этом же кризисе несколько раз говорил Маркс и в III томе „Капитала“, и в „Теориях прибавочной стоимости“. Маркс указывает, что во время наполеоновских войн благодаря тому, что Англия была отрезана от подвоза, пришлось втянуть в обработку худшие земли. „Это впервые создало вполне подходящие условия для обнаружения закона земельной ренты в его чистом виде“. Окончание войны привело к тому, что арендаторы, заключившие договоры во время высоких цен, разорились, так как возобновление подвоза из стран, где уровень ренты было ниже, привело к падению цен.

Мы остаемся так подробно на этом марксистском объяснении посленаполеоновского кризиса, так как нынешний послевоенный аграрный кризис имеет много сходного с посленаполеоновским кризисом. М. Спектатор в объяснении посленаполеоновского кризиса в корне расходится с марксистской трактовкой вопроса. „Кризис посленаполеоновских войн по Спектатору, является одновременно и результатом общего промышленного кризиса и разорения широких слоев населения“ (с. 59). Он пытается свести причину кризиса к сокращению потребления, „вследствие общего обеднения масс населения“. Это, с одной стороны. С другой, М. Спектатор старается уверить читателя, что „действительное положение сельских хозяев было вовсе уже не таким тяжелым, как можно было бы судить по непрерывным жалобам, которые раздавались с их стороны“ (с. 60). Тут он явно расходится и с Энгельсом, и с Марксом, которые говорят о длительном кризисе, продолжавшемся с 1815 по 1830 г., во время которого фермеры разорялись.

Высказывания Маркса и Энгельса относительно кризиса посленаполеоновских войн имеют особенно важное значение, так как факты этого исторического периода в значительной мере привели к выработке теории дифференциальной ренты Андерсоном, Вестом, Рикардо и др. Маркс очень тщательно изучал всю литературу, относящуюся к этой эпохе.

Относительно кризиса 1870-х годов Энгельс в двух местах во II части третьего тома „Капитала“ говорит о том огромном значении, какое имеет обработка прерий, пампасов, льяносов в заокеанских странах для судьбы европейского сельского хозяйства (один раз на с. 211, Гиз 1923 г., второй раз на с. 262). Во втором случае он подробно говорит о причинах кризиса, усматривая их в конкуренции „девственной степной земли, равно как в кон-

куренции крестьян России и Индии, изнемогающих под податным винтом“, подчеркивал, что европейский арендатор не может справиться при старых рентах с этой конкуренцией. Последующие работы Иарвуса и Каутского лишь детализируют это объяснение кризиса Энгельса.

М. Спектатор и в отношении кризиса 1870-х годов утверждает, что „в основе этого кризиса лежит, следовательно, падение цен в результате депрессивного состояния народного хозяйства и сокращения потребления хлебов“ (с. 61). Это положение опровергается уже хотя бы цифрами, приводимыми самим Спектатором о потреблении хлеба и мяса. Потребление хлеба на душу составляло в 1861—70 гг.—358 ф., в 1871—80 гг.—380, в 1881—90 гг.—385, в 1891—96 гг.—390 ф. (с. 61). Как можно после этого утверждать, что падение цен в 1870-х годах—результат „сокращения потребления хлебов“, это секрет М. Спектатора. Он, правда, пробует заговорить цифры. Так, он пробует выдвигать гипотезу, что увеличение потребления мяса происходило исключительно потому, что „одновременно происходило передвижение населения из деревни в город“, но что те слои, которые были в городах не увеличили своего потребления. Сама эта гипотеза ничего не стоит, но главное она же помогает нисколько. Во-первых, она относится только к мясу. Нельзя же в самом деле утверждать, что в городах потребляют больше хлеба, и этим объяснять увеличение душевого потребления. Во-вторых, если даже допустить, что прав Спектатор, то все же дело не изменяется нисколько. Раз потребление выросло (пусть за счет населения, пришедшего в город), то, стало быть, нельзя говорить о падении цен в результате „сокращения потребления хлебов“.

По вопросу о роли и значении ренты в аграрном кризисе мы находим в „Теории“ самые противоположные утверждения. На с. 126 М. Спектатор решительно заявляет, что рента „только один и не самый существенный фактор, вызывающий кризис“. На с. 94, говоря о послевоенном кризисе, М. Спектатор заявляет, что „в этом кризисе роль ренты была минимальная“. Это однако не мешает нашему автору заявлять на с. 25, что „отсюда совершенно ясно, что абсолютная рента, которую получает владелец с наилучших полей, является основой убыточного производства“. Наконец в предисловии к Норсу М. Спектатор солидаризируется с Норсом в том, что падение ренты играло большую роль в аграрном кризисе в Америке. Мы видим таким образом, что по центральному для данной проблемы вопросу у нашего автора семь пятниц на одной неделе. В основном он игнорирует значение ренты или сводит ее роль к минимуму. Ему остается поэтому единственный выход—искать объяснение аграрного кризиса не в том, что специфично для данной области, а в общих условиях расширенного воспроизводства. „Теория“ Спектатора в основном сводится к следующему: аграрный кризис возникает одновременно с промышленным, являясь его отражением, при этом сельское хозяйство надо рассматривать как производство предметов непосредственного потребления (это не совсем верно, поскольку сельское хозяйство производит сырье). Оно обменивает свои продукты на предметы первого подразделения, т. е. на средства производства. Для нормального развития необходимо известное соотношение между сельским хозяйством и промышленностью. Это соотношение или пропорциональность нарушается периодически, причем то сельское хозяйство опережает в своем развитии производство средств производства, то, наоборот, производство средств производства опережает сельское хозяйство. Когда промышленность развивается, поднимаются цены и улучшается положение сельского хозяйства. Когда же промышленность переживает кризис, то и сельское хозяйство также переживает отраженный кризис, так как „вместе с сужением воспроизводства основного капитала, уменьшением количества занятых рабочих и понижением их заработной платы сокращается и потребе-

ние с.-х. продуктов, сырья, а также съестных припасов, т. е. наступает кризис“ (с. 18). Другими словами, сельское хозяйство продлевает цикл вместе с промышленностью.

Эта теория по существу отрицает наличие аграрных кризисов, сводя последние просто к промышленным кризисам, которые захватывают и сельское хозяйство как одну из отраслей народного хозяйства. Каутский, а вместе с ним и Парвус и вся марксистская литература, до сих пор считали, что аграрные кризисы редко совпадают с промышленными, что в отличие от последних аграрные кризисы затяжные, что последние могут происходить одновременно с промышленным подъемом. Марксизм при этом исходил из той предпосылки, что перепроизводство с.-х. продуктов, поскольку последние являются либо промышленным сырьем; либо входят в стоимость воспроизводства рабочей силы, приводит к понижению цен, означает для промышленности снижение издержек производства. Обильный например урожай, если он только не влечет за собой слишком резкого падения цен, улучшает положение промышленности. С другой стороны, падение цен промышленных продуктов выгодно сельскому хозяйству, которое кроме того выгадывает во время промышленного кризиса на том, что заработная плата падает, что бегство в город не носит столь стремительного характера. Противоречия между промышленностью и сельским хозяйством во время кризисов как раз сказываются в том, что падение цен в одной сфере хозяйства оказывается благоприятным фактором для другой сферы.

Взаимоотношения между сельским хозяйством и промышленностью, правда, не исчерпываются одними только противоречиями. По ряду моментов у промышленности и сельского хозяйства имеются общие интересы. И задача „теории“ в первую голову показать, по какой линии идет совпадение и по какой—противоречия. М. Спектатор чрезвычайно просто разрешил проблему— он устранил совершенно противоречие, и у него получилось полное совпадение в линиях развития промышленности и сельского хозяйства. Но такое упрощение ничего не объясняет, оно игнорирует общеизвестные факты. Возьмем хотя бы послевоенные годы в США. Аграрный кризис 1920/21 г., правда, совпадает с кризисом в промышленности. Но 1922/23, 1925/26 гг., когда промышленность переживала бурный подъем, не дают нам прекращения аграрного кризиса. Точно так же известно, что в 1907—1908 гг. во время промышленного кризиса сельское хозяйство не переживало кризиса.

Что М. Спектатор строит свою „теорию“ на песке, видно из того, что вся его „концепция“ базируется на предположении об уменьшении потребления хлеба во время промышленных кризисов и наоборот. Мы уже приводили данные, помещенные в книжке Спектатора, показывающие, что во время кризиса отнюдь не уменьшается потребление хлеба. Очень показательны в этом отношении данные о потреблении хлеба в связи с центами на хлеб и уровнем заработной платы, относящиеся к послевоенным годам в США.

Индексы заработной платы, розничных хлебных цен и потребления пшеничной муки в США в 1919—1925 гг. (1919 г. = 100).

Г о д ы	Зарплата	Цена хлеба	Душевое потребление муки
1919	100,0	100,0	100,0
1920	123,5	115,0	99,7
1921	83,6	99,0	102,3
1922	89,2	87,0	109,5
1923	113,2	87,0	107,3
1924	104,1	88,0	111,7
1925	107,2	94,0	107,8

Мы видим, что в годы падения заработной платы потребление муки растет и снижается потребление в годы подъема заработной платы. В 1920 и в 1923 г. потребление хлеба слегка уменьшилось, хотя заработная плата увеличилась больше, чем цена хлеба (в 1923 г. цена осталась стабильной). В 1921 и в 1924 г. уменьшение заработной платы сопровождается увеличением потребления, хотя в 1921 г. падение заработной платы было сильнее падения цены хлеба, а в 1924 г. падение заработной платы происходит даже при некотором повышении цены хлеба. В 1925 г. некоторое увеличение заработной платы и увеличение цены хлеба дают уменьшение потребления. Мы видим таким образом, что основа, на которой строит Спектатор свою теорию относительно уменьшения потребления хлебов, неверна. Да это и понятно: во время кризиса очевидно должно сократиться потребление более дорогих предметов потребления и увеличиваться потребление более дешевых. Во всяком случае утверждать, что во время кризиса непременно уменьшается потребление хлеба (при том еще резко уменьшается, иначе откуда же резкое падение цен), значит стать в противоречие с фактами.

Сказанное однако не означает, что в сельском хозяйстве не отражается капиталистический цикл или что промышленный кризис не отражается на сельском хозяйстве. Ясно, что капиталистическое сельское хозяйство в какой-то мере испытывает воздействие общекapиталистического цикла. Этот вопрос заслуживает тщательной разработки. Но нельзя смешивать вопроса о влиянии промышленного кризиса на сельское хозяйство с вопросом об аграрных кризисах, о длительных кризисах, которые тянулись в течение 15—20 лет, охватывая как годы промышленной депрессии, так и годы промышленного подъема. Утверждение Спектатора, что длительные аграрные кризисы „это миф“, лишней раз показывает, что он не только ревизует Маркса и Ленина, но что он игнорирует общеустановленные факты. Впрочем, факт продолжительных аграрных кризисов признавал и он сам в предисловии к Зерингу. На с. 15 он признал, что аграрный кризис 1870-х годов продолжался до 1890-х годов. Перепечатывая предисловие в настоящей „Теории“, он „во избежание повторений“ выбросил это место. Равным образом М. Спектатор выкинул и другое место из предисловия, которое гласит: „Однако в X-ве мы не замечаем той периодической смены кризисов, как в промышленности. Если в промышленности мы имеем регулярно сменяющиеся друг друга кризисы в промежутках от 8 до 10 лет или даже в более короткие промежутки, то в X-ве этого не замечается“ (с. 14). Такие „операции“ над текстом, изменяющие в корне основные положения всей „теории“, М. Спектатор совершает довольно часто, полагая, очевидно, что навряд ли кто заметит это.

Говорить серьезно поэтому о теории аграрных кризисов М. Спектатора не приходится. Мы имеем дело с ревизионистской и вдобавок еще недоброкачественной путаницей. О ней не стоило вообще говорить, если бы не одно обстоятельство. Теория аграрных кризисов в данный момент имеет крайне актуальное значение. Аграрный кризис затрагивает интересы сотен миллионов бедняцких и середняцких крестьян, фермеров и с.-х. рабочих. Все политические партии в том или другом виде вынуждены занять какую-нибудь позицию в данном вопросе. Совершенно очевидно, что в зависимости от теории определяется конкретная программа требований. В этом аспекте книжка М. Спектатора представляет собой не только путаницу. Мысль о том, что аграрный кризис является лишь „отражением“ общепромышленного кризиса, была впервые высказана Гильфердингом (правда, для последнего это не „теория“, а лишь отдельное утверждение относительно послевоенного кризиса). Гильфердинг поэтому полагал, что аграрный кризис скоро окончится (предсказание было сделано им в 1924 г.). Это утверждение связано с об-

щей установкой Гильфердинга, склонного замазывать существующие в послевоенном капитализме кризисные явления. М. Спектатор своей самодельной „теорией“ льет воду именно на эту мельницу. Вообще, М. Спектатор в своих высказываниях по аграрному вопросу в рецензируемой работе воспроизводит по частям новейшие взгляды с.-д. об отсутствии конкуренции в сельском хозяйстве и пр. Именно наличие ревизии теории Маркса и Ленина и подсовывание вместо этого новейших теорий Гильфердинга и Бааде заставляет заниматься этой книжкой.

В заключение нельзя не остановиться на конкретном материале, представленном М. Спектатором. Этот материал больше всего характеризует „теорию“. В доказательство цикличности аграрных кризисов приводится огромная таблица индексов цен в Англии и Германии, которая комментируется такими словами: „Мы видим правильную цикличность: 1873 год наименее благоприятен для с. х-ва; затем следуют годы 1886, 1896, 1905, 1913“ (с. 47—48). Таблица же показывает покупательную силу с.-х. продуктов в отношении промышленных в Германии таким образом (1880—89 гг. = 100):

1872—83,4	1887—94,1	1894—93,5	1899—82,9
1873—77,3	1888—96,1	1895—93,1	1900—69,8
1874—97,5	1889—94,4	1896—89,3	1901—81,9
1885—97,6	1890—85,5	1897—96,8	1902—87,6
1886—94,2	1893—98,6	1898—99,5	и т. д.

Спектатор выделил почему-то 1886 г., хотя покупательная сила с.-х. продуктов в этом году выше например, чем в 1887 г., не говоря уже о 1890 г. или 1872 г. „Наименее благоприятным для сельского хозяйства“ годом по таблице получается на самом деле не 1873, а 1900. Как можно усмотреть в этой таблице „правильную цикличность“—это секрет изобретателя.

Второй пример: М. Спектатор приводит на с. 54—55 таблицу движения цен на пшеницу и на чугун, сопоставляя это движение с движением общего индекса товарных цен. И из таблицы делается вывод: „Из этих данных можно, следовательно, в общем и целом установить определенную зависимость цен на хлеб от общего развития конъюнктуры хозяйства“ (с. 56). Таблица в том виде, в каком приведена у Спектатора, вообще ничего не говорит, так как движение индексов идет в разных направлениях. Чтобы судить о наличии прямой или обратной связи, необходимо исчислить коэффициент корреляции. Спектатор этого не сделал, и его уверения поэтому голословны. За него это сделали другие, пользуясь теми же данными. В частности А. М. Ковальская в „Вопросах конъюнктуры“ исчисляет коэффициент корреляции между покупательной силой пшеницы и ценой железа в Англии за период 1871—1913 г., и получается, что $r = -0,20$. Другими словами—связь обратная и незначительная. Точно так же обстоит дело с таблицей о потреблении пшеницы и потреблении железа (с. 111). Эта таблица даже озаглавлена „Связь между потреблением пшеницы и потреблением железа“. Коэффициент корреляции здесь опять-таки не исчислен. Данные же таблицы показывают самые различные сочетания: то прямая связь, то обратная. Но по поводу этой таблицы автор говорит со свойственной ему скромностью: „Мы не можем дать здесь анализа этих взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством и ограничиваемся только констатированием почти полного параллелизма между потреблением пшеницы и потреблением железа в САСШ...“ (с. 110). Таблица же показывает, что из 39 лет 24 года обнаруживают отрицательную связь и 15—положительную. И это называется на языке ученого статистика „почти полным параллелизмом“. Этих примеров достаточно для характеристики статистических упражнений нашего автора.

ГЕНРИХ КУНОВ. Всеобщая история хозяйства

(Перевод с немецкого под общей редакцией проф. А. Д. Удальцова)

Том I. Хозяйство первобытных и полунультурных народов

Перевод с немецкого А. И. Неусынина и А. И. Рубина, под редакцией и с примечаниями проф. В. К. Никольского, Гиз 1929 г.)

Настоящая работа К у н о в а появляется на русском языке со значительным опозданием. Но так как у нас все заслуживающие перевода книги появляются со значительным опозданием, то здесь нет нарушения общего правила. Лучше поздно, чем никогда.

Книга К у н о в а снабжена коротеньким, в 3 страницы, предисловием т. Удальцова и очень обстоятельными примечаниями проф. Никольского с подробнейшим указанием всей касающейся литературы по этому вопросу.

Мы начнем с предисловия т. Удальцова. Об этом предисловии не приходится много говорить хотя бы потому, что оно само очень мало говорит о книге К у н о в а, так что у читателя возникает вообще вопрос, имеет ли смысл давать такие предисловия к книгам, столь важным по объекту исследования и столь спорным по своему содержанию. В своем предисловии т. У д а л ь ц о в затрагивает в сущности два вопроса: о методе К у н о в а и вопрос о первобытном коммунизме.

Что касается первого вопроса, то т. У д а л ь ц о в ограничивается с одной стороны недоуменным вопросом, почему К у н о в дает только „чистое описание хозяйственной жизни отдельных народностей“, отсутствие обобщающих выводов, вследствие чего все исследование относится «скорее к области этнографической, чем к области этнологии». Другое замечание т. Удальцова о методе К у н о в а мы приводим почти целиком. „Внимание автора, таким образом, сосредотачивается на хозяйственной технике, а не на экономике. Следствие этого автор, например, как будто не замечает во многих главах своего труда; он в сущности трактует интереснейший вопрос о происхождении первобытного общества новой экономической формации, первобытного феодализма, вопрос о возникновении общественных классов. В этом отношении дело заходит так далеко, что К у н о в не упоминает при этом о самих классах, предпочитая все время пользоваться понятием „сословия“. Вследствие этого социологический анализ, проводимый автором, кажется нам недостаточно отчетливым и законченным“. К этому месту т. Удальцов делает примечание о том, что К у н о в говорит, правда, о феодализме в ряде глав, но „разумеет под ним не экономическую формацию, а скорее ряд отдельных институтов, наблюдаемых в западноевропейском феодализме, обращая внимание преимущественно на политические стороны феодальных отношений.

По поводу этого замечания мы должны сказать следующее: 1) статический метод изложения К у н о в а не зависит целиком от самого К у н о в а по-
скольку, поскольку современная историческая наука не в состоянии проследить

происхождение современной цивилизации на истории какого-нибудь одного народа. К у н о в задался целью проследить этот процесс на наиболее характерных, с его точки зрения, примерах из истории развития первобытного общества и первобытного хозяйства. Он дает описание хозяйства народов, стоящих на самой низкой ступени развития, и потому развертывает последовательно целую цепь развития, опираясь на формы хозяйства других народов, стоящих на более высокой ступени. Здесь статический метод изложения, на который обращает внимание т. Удальцов, в известном смысле совершенно неизбежен. И не в этом главная беда всего построения К у н о в а. При современных научных знаниях первобытного общества, в частности на теперешней ступени наших знаний первобытной истории арийцев, вообще иначе невозможно написать систематически историю хозяйства.

Беда не в том, что К у н о в избрал и применяет этот метод, а беда в том, что он неправильно его применяет, выбирая, с одной стороны, неподходящие объекты для иллюстрации, а с другой стороны, неправильно устанавливает самую периодизацию в развитии экономических форм общества. На первый взгляд может показаться, что здесь мы имеем лишь дело с методом исторического изложения, на самом же деле этот метод изложения неизбежно переходит в метод исследования. Оправдать такой метод исследования далеко не легкая задача. К у н о в берется дать не только фактическую историю хозяйственного быта ряда племен и народов, но и логическую историю развития или, если хотите, теоретическую историю хозяйства вообще; тем самым он берет на себя ответственность за две капиталнейшие вещи: 1) за то, что взятые им для иллюстрации примеры являются классическими и типичными для данных форм хозяйства и 2) что данная форма хозяйства представляет из себя эту, а не другую ступень исторического развития общества. Вот это-то превращение метода изложения в метод исследования и характеризует его трудности. Об этом в предисловии т. Удальцова мы не находим ни одного слова. Мы не находим в этом предисловии также никакой реакции на то место из введения К у н о в а, где он частью сам отвечает на вопрос, почему его исследование главным образом трактует о формах хозяйства, а не об „экономической формации“, рассматриваемых им обществ. В этом месте предисловия К у н о в буквально говорит следующее: „Для того, чтобы составить себе представление о хозяйственных отношениях данного народа, нужно исследовать эти отношения в их связи с географическими условиями жизни этого народа и в их связи с его общественным строем“. Эта грубейшая ошибка и методологическая мешанина звучит так дико в устах человека, который считает себя марксистом, что можно было бы сомневаться в правильности русского перевода этого места. К у н о в собирается исследовать „хозяйственные отношения данных народов“ в зависимости от их „общественного строя“. Таким образом хозяйственные отношения оказываются не фундаментом общественного строя, не входят в систему общества, как его основа, а представляют из себя следствие, вытекающее из сочетания „общественного строя“ с географической средой. Для каждого марксиста ясна вся нелепость такой формулировки, но эта формулировка—установочный пункт для К у н о в а.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что все это исследование с самого начала построено на неверной исходной базе, и результаты этого можно проследить на протяжении всей книги.

Что касается замечания т. У д а л ь ц о в а насчет первобытного феодализма ранних обществ на территории Америки, то мы должны призвать к сугубой осторожности в обращении с его аналогией. Аналогии вообще играли в истории обществоведения нередко самую отрицательную роль. Гораздо

чаще они способствовали закреплению нашего незнания о неизвестном, чем помогали понять это неизвестное в его своеобразии. Я думаю, что конкретное исследование возникновения социальной дифференциации, эксплуатации и классов в первобытных обществах Америки, проведенное путем систематического сравнения с общественным строем европейского феодализма, показало бы как осторожно надо обращаться с этим термином „первобытный феодализм“. Если логическое ударение переносится на прилагательное „первобытный“, то оно должно съест все материальное содержание существительного „феодализм“.

Не надо забывать того, что европейский феодализм возник на гораздо более высокой ступени развития производительных сил, в сравнении с социальной дифференциацией в тех первобытных обществах, о которых идет речь (дело идет об общественном строе ацтеков в Сев. Америки и о государстве Перу).

Европейский феодализм опирался на 3-польное земледелие и употребление железного плуга на широкой территории, с удобными для земледелия землями, климатом и при достаточном количестве рабочего скота, как тяговой силы. Отсюда капитальнейшее различие и во всех формах эксплуатации, которым характеризуется европейский феодализм в сравнении с довольно развитыми системами эксплуатации в ряде первобытных обществ.

Мы не намерены дальше развивать этот пункт. Мы хотим лишь подчеркнуть, что весьма ответственное замечание т. Удальцова нуждается в обстоятельнейшем доказательстве, которого он не мог дать на протяжении 3 страниц своего предисловия и которое не предполагал давать. По тогда возникает вопрос, зачем вообще делать мимоходом столь обязывающие замечания?

Кунов, как известно, попытался в своей книге, как и раньше, доказать, что в первобытном обществе не существовало первобытного коммунизма. По этому поводу т. Удальцов пишет: „Нам кажется, что Кунов своей книгой ни мало не разрешает теории первобытного коммунизма. Выступая против понимания первобытного коммунизма в духе социальной теории XVII—XVIII столетий (как всеобщего уравнительного коммунизма), он лишь дает материал для уточнения нашего современного представления по этому вопросу. Первобытное общество, изображаемое Куновым, представляется нам коммунистическим, с коллективным владением землей, с наличием рядом и индивидуального и нескольких коллективных форм организации труда и, наконец, с коммунизмом в области распределения продуктов этого первобытного хозяйства“.

Мы совершенно согласны с этим замечанием т. Удальцова, которое подтверждено рядом конкретных фактических данных в примечаниях т. Никольского, представляющих из себя чрезвычайно ценные научные комментарии ко всей работе Кунова. Надо было бы еще добавить, что даже, если оставить в стороне огромный фактический материал о первобытном коммунизме, который обходит Кунов и который нам известен из ряда других капитальных работ по первобытной культуре, если даже оставаться в пределах того материала, который довольно тенденциозно комментирует Кунов в своем исследовании, то и в этом случае мы получим не опровержение, а подтверждение исторической теории о первобытном коммунизме, если только с самого начала сговориться об условности самого этого термина. В частности само понятие дефека поровну есть вид простых общественных отношений с развитым меновым хозяйством. Не говоря уже о том, что и представление о количественном равенстве и умение считать в пределах десяти констатирует уже довольно высокую степень развития.

Перейдем теперь к самому Кунову. Одним из важнейших недостатков всей его работы, обесценивающих ее с научной точки зрения, является тот факт, что Кунов почти не исследовал всей новой литературы предмета за последние 20 лет, на что указывает т. Никольский в своем примечании. Этот поразительный факт в большей степени обесценивает его II том, который вскоре должен появиться в русском переводе в издании Гиза. Известно ведь, какое огромное количество археологических и исторических данных было добыто за последние 20 лет по отношению к тому периоду человеческого общества, который можно назвать догосударственным периодом. Впрочем об этом рецензенты II тома Кунова скажут еще в свое время и в своем месте.

Вторым капитальнейшим недостатком работы Кунова является то, что он не сумел провести полностью взятый им метод. Здесь нам приходится отметить 2 существенных момента. 1. Он берет для своих иллюстраций в некоторых случаях такие народы и на такой ступени их развития, когда их общественный строй был существенным образом деформирован под действием европейской „цивилизации“, и не предупреждает читателя о том, какие именно стороны общественных отношений этих народов представляют из себя продукт влияния общества с развитым классовым делением. Правда, на этот вопрос часто наука не может ответить. Но в этом случае лучше вообще избегать таких примеров, которые с самого начала не могут доказать то, что требуется доказать. Достаточно указать здесь на социальные отношения малайцев, а также на казако-киргизов и калмыков, в отношении которых Кунов опирается на описание их быта, относящееся главным образом к XVIII веку.

2. Еще более существенный недостаток всего исследования Кунова заключается в следующем. Т. Никольский совершенно правильно указывает, что Кунов делает „грубую ошибку, считая меланезийский тип хозяйства более высоким, чем северо-американский. Правильнее обратное заключение“ (с. 517). Здесь приходится более подробно остановиться на этой ошибке Кунова и ее корнях. Хотя сам Кунов является большим противником схем, когда они искажают историческую перспективу и насилюют конкретные исторические факты (что часто бывает у схематиков результатом простого невежества по части конкретных фактов), однако он сам здесь сделался жертвой одной неверной схемы, исходя из которой он строит последовательную цепь развития экономических ступеней общества. Он исходит из того довольно распространенного представления, что количественная степень развития обмена является показателем степени развития общества вообще. Между тем надо дифференцировать различные системы обмена и их экономическую роль. Если например австралийские племена Квинслэнда, как состоящие из рыболовов на берегу моря, так и живущие в глубине материка, производят друг с другом обмен, вследствие отсутствия на их территории необходимых продуктов, и если этот обмен имеет жизненное значение для их существования, то было бы нелепым систему хозяйства ряда первобытных австралийских племен на одном только этом основании поставить выше вотчины раннего средневековья, для которой обмен не имел столь жизненного значения.

У австралийцев и обмен и их временное кочевание на территорию других племен, где они получают нужные им продукты природы, есть как раз функция ограниченности и средств существования и примитивности их способов производства. Наоборот, если общины, удовлетворяющие на своей территории все свои основные потребности, прибегают к обмену лишь излишками, то они не только могут достигнуть гораздо более высокой ступени хозяй-

ственного развития, но и фактически часто достигают этих более высоких ступеней.

Затем надо различать экономические последствия междуплеменного обмена, в зависимости от того, приводит или не приводит он к внутриплеменному разделению труда. Но, что особенно важно—обмен является лишь одной из форм осуществления территориального или внутриобщественного разделения труда. Общество может достигнуть той же более высокой ступени разделения труда и не на основе обмена.

В „Введении к критике политической экономии“ Маркс делает интересное замечание относительно хозяйственной системы инков. Указав на то, что деньги могут существовать и существовали раньше капитала, банков, наемного труда и т. д., Маркс вместе с тем отмечает и следующее: „С другой стороны... имеются весьма развитые и все-таки исторически незрелые общественные формы, где встречаются высшие хозяйственные формы, например сотрудничество, развитое разделение труда и т. д., и совершенно неизвестны деньги, напр. Перу“. Обмен невозможен без разделения труда, но разделение труда возможно без денежного обмена. Вот на основании именно этих-то „высших хозяйственных форм“, не говоря уже о государстве, Перу, не знавшем денег, и тип хозяйства ацтеков с развитыми формами внутриплеменного сотрудничества и разделением труда, но с более примитивной меновой торговлей, чем у меланезийцев, надо отнести к хозяйству более высокого типа, чем меланезийский. С этой точки зрения т. Никольский защищает правильное положение против Кунова, хотя и мотивирует его только одной ссылкой на уровень техники.

Маркс указывает на примере Перу, что общество может достигнуть высокой ступени в разделении труда помимо путей развития через обмен. Маркс не был схематиком. В данном случае он брал существо исторического процесса и строил схемы на основании различных форм его проявления. Наоборот Кунов пал жертвой довольно примитивной и вульгарной схематики. Только этим можно объяснить, что в его изложении меланезийский тип хозяйства оказался более высоким, чем северо-индийский, который хотя и не достиг ступени развития государства инков, но во многих отношениях имел то же направление.

В качестве жертвы своей схемы Кунов делает неизбежно и другую ошибку, а именно переоценивает роль денег и денежного обмена у меланезийцев и во всяком случае не показывает, что является здесь продуктом европейского влияния. В некоторых случаях он не в состоянии разграничить предметы украшения, употребляемые лишь как простой товарный эквивалент, от денег, как средства обращения, выделявшегося на такой функции на сравнительно высокой ступени товарного обмена. Ту же ошибку делает, кстати сказать, и Э. Майер в отношении древнего Египта (см. с. 301-302 о деньгах у папуасов).

Огромным недостатком исследования Кунова является то, что он не постарался проследить возникновение зародышей государства не из-за завоевания, хотя в нескольких случаях имел полную возможность это сделать даже на основании того ограниченного материала, которым он вынужден оперировать, исходя из своего метода изложения. Точно так же он упустил возможность высказаться по поводу зарождения религии не как мировоззрения, а как социального института, как особой формы социальной организации на основе родовых связей.

Автор примечания т. Никольский упрекает Кунова в том, что он употребляет слово „сословие“, где нужно говорить о классе, однако этот упрек является у т. Никольского необоснованным в том отношении, что он не

высказался, хотя бы вкратце, относительно понятия термина „класс“ в марксовом смысле.

Тов. Никольский упрекает Кунова в том, что он „не мог правильно понять направление развития как Перу, так и Мексики. Это развитие направлялось не к феодальной монархии, тем более германского типа. Если искать аналогии для этих 2 своеобразных государств, то следует обращаться к отдаленнейшему прошлому культуры Месопотамии и Египта, поднявшихся на основе простого, ирригационного земледелия“ (с. 514).

По поводу этого чрезвычайно важного замечания я хотел бы сказать следующее. Это замечание в такой же степени бьет по Кунову, как и по автору предисловия, т. Удальцову, поскольку этот последний говорит о „первобытном феодализме“. По существу же замечания т. Никольского надо сказать, что здесь возможна и другая постановка вопроса. Здесь возникает не такой вопрос, почему развитие государства ацтеков и инков пошло не в направлении европейского феодализма, а почему они не пошли по типу развития Рима, поскольку исходные социально-экономические элементы обнаруживают здесь и там некоторое сходство. При такой постановке проблемы своеобразия американского развития выступает гораздо более отчетливо, чем при аналогии американского развития с типом хозяйства Месопотамии и Египта.

Однако, я оставляю здесь дальнейшее рассмотрение этого пункта, потому что развитие его привело бы нас далеко за пределы журнальной рецензии. Но и здесь нужно исходить из уровня хозяйственного развития покоренных ацтеками и инками племен и размеров того прибавочного продукта, которым они могли обеспечить завоевателей, а также из размеров и плотности населения, которое могло быть объектом завоевания. Здесь форма государства и форма эксплуатации находились в теснейшей зависимости от уровня развития производительных сил в той периферии, которая была объектом этого завоевания.

В заключение несколько слов относительно общего характера примечаний в книге и о ее переводе. Примечание т. Никольского представляет из себя очень ценное добавление к книге Кунова, в значительной степени обезвреживающее недостатки работы и указывающее направление для дальнейших исследований всем желающим.

Что касается перевода, то его надо признать прекрасным, почти не чувствуется, что это перевод, в особенности если принять во внимание чрезвычайную трудность работы, где приходится оперировать с огромным количеством названий специального характера, часто не имеющих установленной терминологии в переводах с немецкого. Мы не проверяли перевода по подлиннику, но в тех случаях, когда переводчики дают немецкие термины подлинника, они удачно справляются с переводом их на русский язык. Надо было бы лишь избежать утомительных повторных ссылок на оригинал со словом *Sippe* в разных сочетаниях. Кроме того на с. 31 термины *Gemeinschaft* в отличие от *Gesellschaft* и от *Gemeinwesen* следовало бы объяснить в специальном примечании.

Значение книги как пособия выигрывает благодаря примечаниям в тексте и приложенным в конце географическим картам.

Е. Преображенский

БЕРЛИН П. Очерк развития экономических учений в XIX и XX вв.

Изд. 3-е, ГИЗ, 1929, ц. 80 н.

Литература по истории экономической мысли чрезвычайно бедна. Между тем необходимость в последовательно марксистском изложении и исследовании хода развития экономической науки чрезвычайно велика. За короткий срок книга Берлина вышла третьим изданием; она рекомендована ГУС'ом, как марксистская и включена в списки литературы для поступающих в И-т Красной Профессуры.

Автор начинает своей очерк совершенно правильно с указания на причинную обусловленность появления тех или других экономических учений XIX и XX вв. и пытается затем рассматривать различные учения в связи главным образом с социально-экономической обстановкой, обусловившей их появление. Правда, этот правильный метод автор не всегда четко проводит; он заменяет в ряде мест такое исследование историко-описательным изложением, благодаря чему отдельные важнейшие стороны некоторых учений остались в тени (напр. Мальтус).

Автор в первую очередь останавливается на характеристике Смита и Рикардо, работы которых являются исходными (в смысле их систематичности) для научной экономической мысли XIX и XX вв. Автор увязывает учения классиков с породившим их определенным периодом развития капитализма, который в основном предопределил некоторую научную последовательность и объективность в исследовании у Смита и Рикардо. В этот период развития капитализма противоречия нового способа производства не выявились еще во всем своем объеме, и буржуазные учения могли еще быть до известной степени объективными в научном отношении; в последующий же период, в период выжившихся и обострившихся противоречий капитализма, попытки объективизма в лучшем случае склонялись к эклектизму, искусственному объединению противоречивых категорий (напр. Джон Стюарт Милль). Развитие капиталистического способа производства несло с собой разорение мелкой буржуазии, увеличивало кадры людей, лишенных средств производства, и усиливало их эксплуатацию. В результате классовой дифференциации, как отмечает и автор, в этот период против официальной буржуазной экономической науки резко выступают две оппозиции: мелкобуржуазная теория, представленная в очерке Сисмонди и К-о, с одной стороны, и социалистическая—с другой. Учение Сисмонди и других представителей мелкой буржуазии характеризуется резкой, но сентиментальной критикой капиталистического способа производства и одновременно—в области положительных предложений—реакционностью, непониманием сущности и тенденций капиталистического развития. Под влиянием критики оппозиции официальная буржуазная политическая экономия превратилась в этот период в вульгарную экономию, которая, как говорит Маркс, „не отличалась теоретической глубиной мысли“ и „есть не что иное, как дидактический, более или менее доктринерский перевод повседневных представлений действительных агентов производства“; она „лишь вносит известный разумный порядок

в эти представления¹. Основной чертой этой школы в отличие от классической экономии является оправдание буржуазного способа производства, а не объективное исследование явлений.

В сороковых годах прошлого столетия под влиянием соответствующих социально-экономических процессов, как реакция на классическую политическую экономию, возникает другое буржуазное направление, известное в экономической науке под названием исторического (в „Очерке“ оно представлено Книсом, Рошером и Гильдебрантом). В отличие от классиков представители исторической школы стояли на точке зрения историчности явлений. В отличие от Маркса историзм указанной школы является описательным, причинно—с точки зрения материализма—не обуславливающим изучаемые явления. „Политическая экономия—говорит историческая школа,—имеет дело с законами социальными, но социальными, зависящими от данного состояния воззрений, нравов и учреждений общества“. У „исторической школы“ таким образом следствия (надстройки) оказываются причинами способа производства; наконец общие законы капиталистического развития ею отрицаются, а тем самым отрицается и теория вообще („воззрения, нравы“ и пр. в различных местностях могут быть различными, а от них будто бы зависят законы развития хозяйства). Исходя из указанных посылок, историческая школа в области теории не могла не стать на путь исторического описания, лишённого теоретических обобщений, а в области положительных предложений—на путь социально-этического идеализма.

Реакцией на историческую школу явилась психологическая школа, которая поставила вновь вопрос о необходимости изучения „общих“ законов, „типичных“ законов. Однако под „общими“ и „типичными“ австрийская школа понимала законы не исторические, и в этом отношении она вернулась к „робинзонадам“ классической политической экономии. Австрийская школа вместе с тем выступала решительно и против марксизма, противопоставив теории трудовой стоимости теорию предельной полезности и примату отношений производства—потребление как определяющий фактор.

Автор рецензируемой книги пытается вскрывать противоречивый характер различных буржуазных теорий, их научную несостоятельность; нельзя однако сказать, чтобы ему также удалось достаточно вскрыть социально-экономические корни различных учений. Этот коренной недостаток не является случайным; он вытекает из методологической позиции автора. Автор неправильно понимает основное и общественно-исторической формации;—следствием этого является отсутствие четкого марксистского анализа буржуазных теорий. Автор говорит: „Колоссальное развитие производительных сил в конце XVIII века быстро переросло формы, определяющиеся тогдашним юридическим и политическим строем“ (с. 6). В другом месте мы читаем: „Разрушение буржуазией старых патриархально-идиллических отношений и мещанской сентиментальности вызвало против буржуазной экономии оппозицию со стороны мелкобуржуазных экономистов; эта оппозиция по необходимости должна была носить реакционный характер, так как она направлялась против революционной роли развития производительных сил“ (с. 34). Итак оказывается, что не способ капиталистического производства, неся разорение мелкой буржуазии, вызывает (в основном) оппозицию, а оппозиция эта порождается разрушением „идиллических отношений и мещанской сентимен-

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 368.

тальности"². Автор в подтверждение этой своей мысли приводит даже цитату из „Коммунистического Манифеста“: „Всюду, где она достигала господства, буржуазия разрушила все старые патриархально-идиллические отношения“ и т. д.³ Из этой цитаты автор понял лишь то, что разрушались „идиллические отношения“, но не понял того, что в то же время происходил процесс разрушения старого способа производства, почему буржуазия и „достигла господства“. Поэтому Маркс — в отличие от автора рецензируемого очерка — предварительно показывает ломку основного (способа производства), а потом уже говорит об юридическом строе и „идиллических отношениях“: „Прежний феодальный способ производства не в состоянии был удовлетворить спрос, развившийся с развитием новых рынков. Место это заняла мануфактура. Цеховые мастера вытеснены были промышленным средним сословием. Но рынок все более расширялся, спрос постоянно увеличивался. Мануфактурный способ производства в свою очередь оказался недостаточным. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла нынешняя крупная промышленность, место промышленного среднего сословия — миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа“. „Развивалась крупная промышленность, развивалась буржуазия, увеличивались ее капиталы, и она отодвигала на задний план все классы, унаследованные от средневекового общества“. „Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующими ей политическими завоеваниями“. И только дальше Маркс говорит о разрушении „идиллических отношений“⁴. Даже в своих более ранних работах Маркс строжайшим образом отличал способ производства, как основную форму развития производительных сил, от общественных отношений „вообще“. „Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни они изменяют все свои общественные отношения“⁵.

Неверно также и следующее утверждение автора: „Здесь уже командующая роль от потребления перешла к производству, в процессе которого создается прибавочная ценность“ (с. 72 и 94). Несмотря на громадное значение потребления для производства (в особенности в организованных хозяйствах), потребление — по Марксу — командующей роли над производством не играет. Даже в организованных хозяйствах — по Марксу — „производство создает потребление, порождая определенный способ потребления, и далее, создает самую способность потребления как потребность, как побудительный мотив“⁶. Это конечно не значит, что производство может существовать без потребления; это лишь означает, что в единстве производства и потребления первое выступает как основное, определяющее, хотя конечно в значительной степени находящееся в зависимости от потребления и не мыслимое без него. Общее между организованными и неорганизованными обществами заключается в том, что как там, так и здесь, производство выступает в командующей роли; разница состоит в конкретном механизме связи, взаимодействия и взаимоотношений между этими двумя моментами, двумя сторонами воспроизводственного процесса общества.

² Справедливости ради следует указать, что кое-где автор принуждается подходить к данной проблеме гораздо более правильно — см. с. 21, 38, 73.

³ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, с. 485.

⁴ Там же, с. 484—485.

⁵ Маркс, Ницета философии, изд. 1929 с. 106.

⁶ Маркс, К критике политической экономии, Введение, изд. 1929, с. 26.

Непонимание автором значения „способа производства“, отношения последнего к политическому и юридическому строю, а также к „идиллическим отношениям“, производства к потреблению не могло не повести и повело к отсутствию размежевания учения Маркса от социально-буржуазных и других учений всех толков, в том числе и от некоторых теорий, называемых автором „социалистическими“. Между тем разница между марксизмом и социально-буржуазными направлениями всех оттенков заключается в экономической теории в первую очередь в том, что буржуазная наука „социальные“ (в смысле надстроек) моменты считает основным качеством, отличающим данное общество от других. Маркс же видит основное в способе производства; первые отсюда выводили возможность и достаточность „социальных реформ“ в пределах данного способа производства, Маркс же указывал на необходимость и неизбежность замены капиталистической системы социалистической.

Что касается социалистических учений, то нужно лишь удивиться искусству автора, объединяющего в своем очерке всякого рода „социалистические учения“ с научным социализмом Маркса — Энгельса в единую „социалистическую оппозицию“. Ведь совершенно бесспорно, что между некоторыми „социалистическими учениями“ (напр. Прудон) и мелко-буржуазными учениями (типа Сисмонди) имеется много больше общего, чем между первыми и учением Маркса. Совершенно очевидно, что объединение учения Маркса в единую социалистическую оппозицию даже с учением Родбертуса, которое в научном отношении стоит выше некоторых других „социалистических учений“, является крупнейшей ошибкой; такое объединение показывает близость автора к антимарксистским буржуазным учениям типа Чупрова и разоблачает полностью несостоятельную попытку автора выдать свою работу за марксистскую.

Даже той характеристики учения Родбертуса, которую дает автор, вполне достаточно для того, чтобы ни в какой степени не относить Родбертуса к одному с Марксом разряду исследователей и представителей научного социализма. „В своих общественных взглядах он (Родбертус — С. Ц.) не отличался последовательностью, и в его общественно-научной физиономии своеобразно перемешаны черты различных и прямо противоположных классовых идеологий. Владелец крупного рыцарского поместья и проповедник своеобразного социализма (осуществление которого он предполагал через 500 лет! — С. Ц.), защитник рабочего класса и его прав на первенство, поскольку это было направлено против промышленников, и в то же время пламенный проповедник сплочения крупных землевладельцев“ — так характеризует наш автор Родбертуса (с. 49). Дальше автор приводит воззвание Родбертуса, призывающее аграриев объединиться в защиту своих интересов! И после этой характеристики автор вдруг объявляет учение Родбертуса научным социализмом! Мы не имеем возможности подробно остановиться на трактовке Родбертусом ряда вопросов: постоянный капитал, стоимость, рента и т. д. Но отметим, что почти ни один из поставленных вопросов не получил правильного разрешения в системе Родбертуса⁷. (Этим мы конечно не думаем отрицать большого значения Родбертуса в постановке целого ряда вопросов).

Автором не вскрыта также полностью экономическая сущность учения Мальтуса. Между тем мы имеем прекрасную характеристику этого учения

⁷ По этому вопросу наряду с произведениями Родбертуса см. Плеханов — т. I, с. 216—364 — Экономическая теория Карла Родбертуса — Ягелцова; Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, с. 120—218, изд. Комм. ин. им. Зинovieва; Энгельс — Предисловие к II тому „Капитала“ Маркса.

в „Теориях“. Автор очерка совсем не прав, когда считает Мальтуса защитником интересов буржуазии. Мальтус защищает буржуазию лишь против пролетариата. Характерная особенность учения Мальтуса заключается в том, что он последовательно представлял интересы „непроизводительных классов“ (попов, помещиков, чиновников и др.), а не самой буржуазии. Автор правильно подмечает, что Мальтус оправдывает систематическое ухудшение положения рабочего класса в полном согласии с буржуазными учениями. Но в отличие от последних, мотивирующих свой тезис необходимостью расширения производства и предоставления занятий большему количеству рабочих, Мальтус дает этому положению главным образом естественное обоснование („непропорциональность роста населения и общественных благ“). „Расправившись“ таким образом с интересами пролетариата, общего врага эксплуатирующих классов, сей поп ратует уже за интересы попов, помещиков и т. д. вместе с Ганнлем. „Ибо—говорит Мальтус,—увеличение доходов последних вызывает увеличение спроса на продукты промышленности, стимулируя тем самым развитие последней“ (разрядка моя—С. Ц.). Как видит читатель, увеличение доходов в руках рабочего, по Мальтусу, не стимулирует развития промышленности, а в руках попов и помещиков—стимулирует⁸). Вот почему бесспорной является характеристика, данная Марксом учению Мальтуса: „Писания Мальтуса являются капуцинской проповедью, имеющей весьма отдаленную связь с наукой, призванной защищать интересы помещиков и попов и поэтому ничего общего не имеющей с объективным исследованием“⁹. Автор „Очерка“ не сумел вскрыть классовую сущность учения Мальтуса; он ограничился разбором проблемы народонаселения у Мальтуса, не дав социально-экономического анализа всего учения Голландца.

Не имея возможности в пределах рецензии указать все дефекты рецензируемой работы, мы сделаем еще несколько замечаний. Автор пишет: „Анализ капиталистического производства в его целом, сделанный в III томе, заставил Маркса признать еще большие отклонения от трудовой теории“ (с. 75). Приведенная цитата является образчиком вульгарнейшего повторения наиболее избитых обвинений буржуазной критики по адресу экономической теории Маркса; автор здесь подает руку Бем-Баверку, Тугану и др., утверждающим, что между I и III томами „Капитала“ есть „противоречие“. Далее, автор пишет: „Адам Смит определял стоимость товара трудом, который можно на него купить“ (с. 10). Однако, на самом деле (и об этом говорит сам автор на с. 13) Адам Смит смешивал труд, необходимый для производства товара, с трудом, который можно на него купить,—употребляя то это определение, то другое, а не только одно из них.

Мы далеко не исчерпали всех грубейших отклонений от революционной теории Маркса, которые допускает в своей работе П. Берлин. Однако уже сказанного достаточно для того, чтобы прийти к выводу, что перед нами неудачная попытка катедер-социалистического извращения марксизма, попытка, лишь слегка замаскированная псевдомарксистской фразеологией.

С. Цеговев

⁸ Даже вульгарный экономист Сэй, который никогда не отличался глубиной мысли, писал по этому вопросу совершенно иное: „Надия, в которой много проповедников, чиновников, помещиков и пр., может вести очень приятную жизнь, быть всесторонне образованной, превосходно управляемой, но и только. Ее капитал не получал бы от труда людей всех этих профессий никакого непосредственного прироста потому, что их продукты потребляются в момент их производства“ (см. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, с. 223).

⁹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, с. 219—225; то же т. III с. 45—46.

О Т Р Е Д А К Ц И И

В редакцию поступили письма и предложения статей по известной экономической дискуссии. Считая дискуссию законченной статьей тов. Милютина и Борилина и редакционными примечаниями „Вольшевика“ и „Проблем экономики“, редакция не считает возможным помещение указанных писем и статей.

Однако редакция должна отметить, что в журн. № 1 „Под знаменем марксизма“ и в № 3 „Бюллетеня заочно-консультационного отделения ИКП“ в статьях т. Деборина, М. Чернина, Борилина и Ильюхова делаются попытки возобновить дискуссию все на той же отвлеченной схоластической основе с повторением части прежних ошибок, что не может быть расценено иначе, как отвлечение внимания научных работников-коммунистов от разработки конкретных проблем современной мировой и советской экономики.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
Мплютин, Б.—Экономический кризис в капиталистических странах	3
Смит, М.—К вопросу об учете эффективности капитальных вложений	10
Турецкий, И.—Сфера обращения в свете перспективного развития	25
Раскин, Б.—„Производство, распределение, обмен и потребление“ при капитализме и в переходном хозяйстве	40
Козлов, Г.—Перерождение кредита	66
Преображенский, Е.—Изменения в стоимости золота и товарные цены	95

БИБЛИОГРАФИЯ

Деборин, Г.—Буржуазная апологетика в политической экономии (О Касселе)	121
Шафпр, Я.—М. Спектатор. Теория аграрных кризисов	134
Преображенский, Е.—Георих Кунов. Всеобщая история хозяйства	140
Нечаев, С.—Г. Берлин. Очерк развития экономических учений в XIX и XX вв.	146

От редакции	151
-----------------------	-----
